

4301

С. ВАЛИНСКИЙ

К. ЕЛЬНИЦКИЙ

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ.

3
4793
БИБЛИОТЕКА
УЧИТЕЛЬСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА
№ _____ ПИТЕР.

ПОСОБИЕ ДЛЯ ЗАНИМАЮЩИХСЯ ВОСПИТАНИЕМЪ ДѢТЕЙ
И
ДЛЯ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,
ВЪ КОТОРЫХЪ ПРЕПОДАЕТСЯ ПЕДАГОГИКА.

73012

4 НОЯ 1947
9-Е ИЗДАНИЕ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущены въ качествѣ учебнаго руководства для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогич. классовъ женскихъ гимназій, а также въ ученическ. библ. названныхъ учебн. заведеній и въ учительск. библіот. всѣхъ низшихъ училищъ Министерства (26 марта 1905 г. № 4010 Ж. М. Нар. Просв. 1905 г. № 5). Рексмендованы Главн. Управл. военно-учебн. завед. для фундам. библ. воен. учил., кадет. корп. и воен. школь (№ 30, 1894 г.). Учебн. Ком. С. Е. И. В. К. по учрежд. Им. Маріи допущены въ качествѣ руководства въ тѣхъ заведеніяхъ Вѣдомства, гдѣ преподается исторія педагогики (25 ноября 1902 г. № 23721).

НБ ПНУС
7301

Цена 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе М. М. ГУТЗАЦА.
1907.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, Шпалерная, 30, Книгоизд. М. М. Гутзаца.

Паровая Скоропечатка М. М. Гутзаца. СПб., Шпалерная, 26.

*Г. Вильямс - Починице от
М. Педр. в ст
Варшава.*

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ.

12 I ✓

I. ДО-ХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОДЪ.

I. Воспитаніе у бродячихъ и кочевыхъ народовъ.

Воспитаніе дѣтей у народовъ, не образовавшихъ еще государствъ, очень не сложно и направлено главнымъ образомъ къ сохраненію жизни ребенка. Мать кормитъ свое дитя и старается уберечь его отъ голода, стужи или жары, могущихъ повлечь смерть его.

Впрочемъ, и у дикарей уже замѣчается проявленіе желанія придать своимъ дѣтямъ такой видъ, какой они считаютъ болѣе красивымъ или болѣе страшнымъ. Такъ, одни дикари сжимаютъ голову своимъ дѣтямъ, другіе продѣваютъ имъ черезъ носъ и губы, кольца, третьи обозначаютъ на ихъ тѣлѣ различныя изображенія и т. п.

Такъ какъ бродячимъ и кочевымъ народамъ приходится постоянно вести войну съ враждебными имъ племенами, то поэтому главная ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобы дѣти ихъ вышли храбрыми, сильными и хорошими защитниками своего племени. Быть храбрымъ, грознымъ на войнѣ считается лучшею добродѣтелью у дикарей и убить побольше враговъ считается высшею ихъ славою.

Все обученіе дикарей заключается въ усвоеніи дѣтьми нѣкоторыхъ пріемовъ добыванія пищи. Дѣйствительность рано пріучаетъ ихъ къ этимъ пріемамъ. По мѣрѣ того какъ молодые дикари пріучаются добывать пищу, они становятся болѣе и болѣе независимыми отъ родителей. Приобрѣтая изъ опыта какія-нибудь знанія или умѣнья, родители, конечно, передаютъ ихъ и своимъ дѣтямъ. Въ этомъ отношеніи дѣти кочевниковъ усваиваютъ отъ своихъ родителей и окружающихъ лицъ несравненно больше, чѣмъ дѣти бродячихъ племенъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что на какой бы низкой ступени ни стояли дикари или кочевники, они все-таки имѣютъ извѣстные обычаи, слѣдованіе которымъ считается похвальнымъ и уклоненіе отъ которыхъ считается постыднымъ. Эти обычаи усваиваются дѣтьми непосредственно въ самой жизни.

II. Воспитаніе и обученіе у Китайцевъ, Японцевъ, Индусовъ, Персовъ и Евреевъ.

Китайцы. Еще за нѣсколько тысячелѣтій до Рождества Христова Китайцы достигли нѣкоторой степени цивилизаціи, но дальше не пошли, считая, что выработанное ихъ предками есть самое лучшее, и потому все стараніе народа и правительства направлено къ сохраненію неизмѣннымъ установившагося уже. Китайцы думаютъ, что имъ нечему учиться у другихъ народовъ.

Въ основаніе быта Китайцевъ положено семейное начало. Отецъ пользуется безграничною властью надъ дѣтьми; дѣти обязываются безпрекословнымъ повиновеніемъ и покорностью отцу. Что отецъ въ семьѣ, то императоръ въ государствѣ. Китайскій императоръ считается отцомъ всѣхъ своихъ подданныхъ. Крѣпость семьи ведетъ къ крѣпости государства. „Если семейныя дѣла,—говоритъ китайское правило,—ведутся хорошо, то и государственныя дѣла идутъ хорошо, такъ какъ послѣднія зависятъ отъ первыхъ“. „Кто уважаетъ своихъ родителей, тотъ будетъ уважать и императора, который въ подданныхъ видитъ своихъ дѣтей“. „Власть отца безгранична; повиновеніе сына безусловно“. „Мавдаринъ обязанъ наказатъ дитя, на которое жалуется отецъ, не разбирая причинъ жалобы, потому что дитя, которымъ недоволенъ отецъ, достойно наказанія“. Отецъ можетъ умертвить своего ребенка, не подвергаясь за то наказанію, но если сынъ или дочь оскорбитъ родителей, то подвергается смерти.

Не меньшей почтительности требуютъ китайскія правила отъ учениковъ въ отношеніи къ ихъ учителямъ и воспитателямъ. „Всю жизнь,—говорятъ правила, должно почитать воспитателя, какъ отца. Когда ученикъ сопровождаетъ учителя, онъ не долженъ оставлять его, чтобы поговорить съ кѣмъ-нибудь; онъ не долженъ итти по его слѣдамъ, а нѣсколько вправо. Если учитель облокотился на плечи ученика, чтобы сказать ему что-нибудь на ухо, онъ долженъ закрыть ротъ рукою, чтобы не беспокоить учителя своимъ дыханіемъ; онъ никогда не долженъ прерывать, когда говоритъ учитель“.

Обученіе и воспитаніе у Китайцевъ носитъ чисто-механической характеръ. Цѣлью обученія и воспитанія служить вѣрная и точная передача юношамъ принятыхъ правилъ и приученіе ихъ къ строгому исполненію установленныхъ требованій общежитія. Пролагать новые пути въ области мысли или измѣнять условія общежитія не дозволяется.

Главное учебное занятіе китайцевъ состоитъ въ обученіи чтенію и письму. Китайская грамота состоитъ не изъ буквъ, изображающихъ звуки, а изъ знаковъ, изображающихъ понятія. При обученіи чтенію учитель чи-

таетъ первую строчку по книгѣ. Ученики, указывая пальцемъ по написанному, повторяютъ за учителемъ до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ произношеніе каждаго знака и не будутъ въ состояніи прочитатъ эту строчку безъ помощи учителя. Затѣмъ переходятъ точно такъ же ко второй строчкѣ, къ третьей и т. д., пока не будетъ прочитана и выучена на память вся книга. Толкованіе читаемаго слѣдуетъ обыкновенно уже послѣ изученія его учениками наизусть.

При обученіи письму ученики получаютъ пропись, которую подкладываютъ подъ бумагу, и такимъ образомъ обрисовываютъ знаки кисточкой. Только послѣ долгаго упражненія въ срисовываніи они начинаютъ писать свободно, отъ руки.

Обученіе начинается съ пятилѣтняго и продолжается до двѣнадцати или четырнадцатилѣтняго возраста, безъ перерыва, т.-е. безъ вакацій. Дѣти должны приходиться въ школу на зарѣ, а входя—привѣтствовать Конфуція и учителя. Вечеромъ, оставляя школу, они тоже привѣтствуютъ ихъ. Возвращаясь домой, ученикъ не долженъ дорогою ни рѣзвиться, ни играть, и, входя въ свой домъ, долженъ поклониться домашнимъ богамъ, предкамъ и родителямъ; потомъ онъ читаетъ свои уроки громкимъ голосомъ. Ему предписано при чтеніи держать книгу на три дюйма отъ глазъ и сидѣть прямо.

Для взрослыхъ, желающихъ занять какія-нибудь гражданскія или военныя должности, существуетъ цѣлая система экзаменовъ. Всѣ должности и повышенія даются въ Китаѣ не иначе, какъ по экзамену.

Нравственное воспитаніе китайскаго юношества сводится къ приученію къ различнаго рода церемоніямъ. Церемоніямъ этимъ они учатся и въ жизни, и въ школѣ. Каждый ребенокъ научается—какъ слѣдуетъ обращаться съ родителями и родственниками, съ лицами различныхъ чиновъ, возрастовъ и половъ, съ знакомыми и незнакомыми;—какъ слѣдуетъ привѣтствовать другихъ, какъ принимать и отдавать визиты, какъ слѣдуетъ держать себя при такихъ или иныхъ положеніяхъ, сколько слѣдуетъ дѣлать поклоновъ и какой глубины и т. п.

Изъ изложеннаго видно, что китайское обученіе и воспитаніе состоитъ не въ развитіи, возвышеніи и облагороженіи душевныхъ силъ дѣтей, а въ механической выучкѣ и въ приученіи ихъ къ обрядности.

Японцы. Японцы лѣтъ 3000 тому назадъ заимствовали отъ Китая общественное устройство и характеръ образованія народа. Они отличались такою же замкнутостью, какъ и Китайцы. Въ основныхъ чертахъ образованіе и воспитаніе у тѣхъ и другихъ было одинаково. Но, благодаря географическому положенію своей страны, Японцы еще въ древности проявили себя болѣе энергичнымъ, воспримчивымъ и болѣе способнымъ народомъ, чѣмъ Китайцы.

Въ послѣднее же время они вошли въ сношеніе съ образованными европейскими государствами, и образованіе въ Японіи быстро поднялось. Японцы учреждаютъ у себя школы высшія, среднія и низшія, по образцу европейскому. Кромѣ того, они ежегодно посылаютъ молодыхъ людей въ Европу для полученія высшаго образованія и охотно даютъ мѣсто въ своихъ школахъ образованнымъ европейцамъ.

Индусы. Въ глубокой древности Индусы раздѣлялись на касты. Дѣти каждой касты получали соотвѣтственное образованіе и воспитаніе. Дѣти высшей касты (браминовъ) обязаны были посвящать себя изученію священнаго писанія и наукъ; дѣти воиновъ получали элементарное свѣтское образованіе и съ особеннымъ тщаніемъ обучались военному искусству; земледѣльцы получали образованіе, приспособленное къ потребностямъ ихъ положенія дѣти четвертой касты (судры) не имѣли права на школьное обученіе; наконецъ, дѣти самой низшей касты (паріи) не имѣли права на образованіе и вообще никакихъ гражданскихъ правъ въ государствахъ.

Элементарное обученіе состояло въ чтеніи, письмѣ и счетѣ. Послѣднему, впрочемъ, придавалось меньшее значеніе. Ученіе производилось обыкновенно около дома подъ тѣнью дерева, а въ ненастную погоду—подъ навѣсомъ. Чтенію и письму дѣти обучались одновременно. Ученики упражнялись въ письмѣ, пиша сначала прутыкомъ на песокъ, потомъ желѣзными заостренными палочками на пальмовыхъ листьяхъ и, наконецъ, чернилами на платановыхъ листьяхъ. При многолюдствѣ школы, учитель заставлялъ болѣе взрослыхъ и лучше знающихъ учениковъ учить своихъ младшихъ товарищей, т.-е. примѣнялъ систему взаимнаго обученія. Изъ Индіи система этого обученія перенесена въ Европу, сначала въ Англію, а потомъ и въ другія государства.

Въ высшихъ индусскихъ школахъ, въ которыхъ могли обучаться только дѣти старшихъ кастъ, преподавались грамматика, просодія, математика, поэзія, астрономія и др. Весь курсъ ученія у Индусовъ высшей касты продолжался отъ 12 до 20 лѣтъ. Все это время ученикъ обыкновенно жилъ у своего учителя-жреца.

Отношеніе учителя къ своимъ ученикамъ и манеры его обученія и воспитанія опредѣлялись правилами законовъ Ману: „Хорошее обученіе не должно причинять ученику неприятныхъ ощущеній, и изъ устъ учителя, почитающаго добродѣтель, должны исходить только сладкія, кроткія слова. Если учащійся совершилъ проступокъ, учитель можетъ наказать его рѣзкимъ словомъ, выговоромъ, или пригрозить ему, сказавъ, что при слѣдующемъ проступкѣ онъ будетъ наказанъ ударами“. Ученики обязываются безпрекословно повиноваться учителю. „Кто порицаетъ своего учителя, даже если бы тотъ въ чемъ и ошибся,

войдетъ послѣ смерти въ тѣло осла“. „Если юноша почитаетъ мать, то приобретаетъ земной міръ; если почитаетъ отца, приобретаетъ средній или эфирный міръ; если же постоянно почитаетъ учителя, приобретаетъ небесный міръ Брамь“. „Молодой человѣкъ долженъ уважать своего учителя, какъ самого Будду; онъ не долженъ противорѣчить ему, если бы даже тотъ говорилъ и неправду; не долженъ входить къ нему, когда его двери притворены, а ударяетъ три раза въ дверь, и если ему не открываютъ, долженъ удалиться.“ „Когда учитель всходитъ на гору, ученикъ долженъ нести за нимъ кресло, чтобы тотъ могъ отдохнуть“.

Персы. Древне-персидское государство сдѣлалось могущественнымъ въ Азіи. Такому могуществу его способствовало, конечно, воспитаніе гражданъ. Сама религія древнихъ Персовъ требовала выработки въ юношахъ твердости, мужества, храбрости и честности, чтобы они могли быть сторонниками Ормузда (бога свѣта и добра) въ борьбѣ съ Ариманомъ (богомъ тьмы и зла).

Греческій историкъ Ксенофонтъ такъ изображаетъ воспитаніе въ Персіи: „Персидскіе законы предупреждаютъ совершеніе проступковъ, заботясь, чтобы еще съ дѣтства граждане не были такими, которые могутъ потомъ совершить какое-нибудь злое или постыдное дѣло. Объ этомъ они заботятся такимъ образомъ: они учреждаютъ общественную площадь, называемую у Персовъ *свободною*. Площадь эта, примыкая къ судилищамъ, дѣлится на четыре части, изъ которыхъ первая служитъ мѣстопробываніемъ для отроковъ, вторая—для юношей, третья—для мужей и четвертая—для старцевъ. Каждый долженъ находиться только въ опредѣленной для него части, куда отроки и мужи обязаны являться съ началомъ дня, тогда какъ старцы могутъ приходить когда имъ угодно, за исключеніемъ извѣстныхъ дней. Юноши, если они еще не женаты, обязаны и ночевать на площади, охраняя судилища“. Каждое отдѣленіе площади имѣло своихъ наставниковъ, или руководителей. Наставники отроковъ должны отличаться способностью обучать; наставники юношей должны быть способны вести ихъ къ добродѣтели. Руководители мужей и старцевъ наблюдали, чтобы никто изъ гражданъ не нарушалъ государственныхъ законовъ или постановленій. Отроковъ и юношей укрѣпляли физически, приучая ихъ къ перенесенію холода, жары и голода. Кромѣ того, воспитывали въ нихъ справедливость, мужество, благодарность. Персы полагали, что неблагодарные не могутъ любить ни боговъ, ни родителей, ни отечества, ни друзей;—что съ неблагодарностью всегда соединяется безстыдство, а безстыдство есть главный источникъ всѣхъ пороковъ. Отъ отроковъ и юношей требовались умѣренность и повиновеніе старшимъ. Отправляясь на цѣлый день въ школу, мальчики брали съ собой только хлѣбъ и сосудъ, чтобы черпать воду.

Для укрѣпленія тѣла и пріученія къ войнѣ юноши и даже отроки упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука, въ метаніи копья, въ бѣгѣ и т. п.

Воспитаніе въ Персіи, такимъ образомъ, было общественное. Въ общественную школу посылались дѣти съ 7 лѣтъ. До семи лѣтъ ребенокъ находился на попеченіи матери, которая должна была заботиться о физической крѣпости и нравственной чистотѣ ребенка; особенно высоко ставилась стыдливость дѣтей и привязанность ихъ къ матери.

По рожденіи ребенка ему вливали въ ротъ особый укрѣпляющій напитокъ, и тѣло его обмывали съ различными церемоніями. Астрономъ опредѣлялъ по звѣздамъ судьбу ребенка и нарекалъ ему имя. До пяти лѣтъ ребенокъ не отвѣчалъ за свои поступки: „Все, что совершить онъ злого, падаетъ на родителей, которые должны до этого времени оберегать его отъ зла и въ случаѣ сдѣланныхъ имъ промаховъ говорить ему: „впредь не дѣлай этого!“ До достиженія семилѣтняго возраста обычай строго запрещалъ бить дитя.

Съ семилѣтняго возраста мальчика отсылали въ школу, гдѣ онъ вмѣстѣ со своими сверстниками пріучался къ стрѣльбѣ въ цѣль, учился читать, молитвамъ и религіи. Съ шестнадцатилѣтняго возраста юноша давалъ обѣтъ слѣдовать ученію Зороастра и, становясь собственностью государства, подготовлялся къ дѣятельности воина и гражданина. Съ достиженіемъ двадцатипятилѣтняго возраста молодой персъ становился уже мужемъ и гражданиномъ своего государства. Онъ принималъ на себя общегражданскія обязанности, во время мира и на войнѣ и долженъ былъ исполнять эти обязанности до пятидесятилѣтняго возраста, послѣ котораго, если оказывался достойнымъ, принималъ обязанность воспитателя и руководителя воспитывающаго юношества.

Программа воспитанія царей въ сущности не отличалась отъ программы воспитанія знатныхъ персовъ. На четырнадцатомъ году представляли къ царскому сыну для надзора и воспитанія четырехъ знатныхъ персовъ: мудрѣйшаго, справедливѣйшаго, воздержнѣйшаго и мужественнѣйшаго. Первый изъ нихъ преподавалъ религіозное ученіе и искусство правленія; второй внушалъ правдивость; третій пріучалъ владѣть своими страстями и поступать по требованію благоразумія; четвертый пріучалъ къ храбрости и мужеству.

Вмѣстѣ съ царскимъ сыномъ нерѣдко воспитывались въ царскомъ дворцѣ и сыновья знатнѣйшихъ персовъ. Здѣсь каждый изъ нихъ пріучался къ самообладанію и не видѣлъ и не слышалъ ничего непристойнаго. Мальчики замѣчали, кто заслуживаетъ отъ царя уваженіе, и, смотря по этому, сами учились управлять и повиноваться.

Изложенный очеркъ воспитанія въ Персіи, само собою разумѣется, относится не ко всѣмъ подданнымъ персидскаго царя, а только къ тѣмъ, которые жили въ столицѣ и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ городахъ

и готовили себя къ гражданской или военной дѣятельности. Кромѣ того, этотъ очеркъ относится только къ цвѣтущему періоду персидской монархіи. Вслѣдъ за расширеніемъ владѣній Персидской монархіи, послѣ столкновенія Персовъ съ другими народами, духъ персидскаго воспитанія начинаетъ падать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сама монархія стала распадаться.

Евреи. Религіозность составляетъ отличительную черту древне-еврейскаго народа. Она обуславливаетъ собою характеръ и направленіе воспитанія и обученія Евреевъ. Признавая себя народомъ Божиимъ, Евреи видѣли въ данномъ Богомъ законѣ правила для своей общественной и частной жизни и для воспитательской дѣятельности.

Дѣти у древнихъ Евреевъ считались Божиимъ даромъ, и первенцы посвящались Богу. Многочисленное потомство признавалось благословеніемъ Бога. Отецъ въ своей семьѣ былъ и учителемъ, и судьей, и начальникомъ. Власть его въ семьѣ уподоблялась Божеской власти въ мірѣ. Онъ обязанъ былъ воспитывать дѣтей въ „страхъ Божіемъ“. Отъ дѣтей требовалась самая непрекословная почитательность и повиновеніе по отношенію къ родителямъ и вообще старшимъ. „Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будетъ и да долгодѣтенъ будешь на землѣ“. Подчиняя свою волю волѣ родителей и старшихъ, дитя, такимъ образомъ пріучалось подчиняться высшей волѣ. Къ непочтительнымъ дѣтямъ законъ относился строго. Если дитя оскорбляло родителей, не повиновалось наставленіямъ ихъ и безчинствовало, то они обязаны были предать его суду старшинъ города: „да побіютъ его мужи камнемъ и да умрутъ; измите злое отъ себя самихъ, да и прочіе услышавши убоятся“.

Воспитаніе ребенка начиналось съ самаго рожденія. По рожденіи ребенка погружали въ соляную ванну и заворачивали въ пеленки. Надъ мальчиками на восьмой день совершался обрядъ обрѣзанія и нарекали ему имя. По обычаю, мать своею грудью кормила своего ребенка, и притомъ до третьяго года. Отученіе отъ груди ознаменовывалось жертвоприношеніемъ и домашнимъ празднествомъ. Мать закладывала въ дѣтяхъ начало религіознаго чувства и давала имъ первое знакомство съ закономъ Божиимъ. Дочерей она пріучала къ веденію хозяйства, къ приготовленію кушаній и къ рукодѣліямъ. Ихъ предписывалось воспитывать въ скромности. Для участія въ религіозныхъ празднествахъ, дѣвицъ учили танцамъ и музыкѣ.

Мальчикъ, достигнувъ отроческаго возраста, пріучался подъ руководствомъ отца къ какому-либо занятію или ремеслу: или земледѣлію, или скотоводству, или плотничьему, или кузнечному, или другому какому-нибудь ремеслу. Отецъ большею частью пріучалъ сына къ тому дѣлу, которымъ занимался самъ.

Дѣти участвовали вмѣстѣ со взрослыми въ религіозныхъ обрядахъ, что способствовало развитію въ нихъ религіозности.

Для чтенія священнаго писанія и для участія въ богослуженіи дѣти обучались читать и писать. Методъ обученія чтенію былъ механической: мальчикъ заучивалъ наизусть то, что написано, и вмѣстѣ съ тѣмъ приглядывался, *какъ* написано. Изученіе Моисеевыхъ книгъ и исторіи израильскаго народа составляло главный предметъ обученія. Не менѣе важный предметъ для изученія составляли религіозныя пѣсни и стихи. Изученіе этихъ пѣсней и стиховъ имѣло сильное вліяніе на чувство юношей. Будучи выраженіемъ глубокаго религіознаго чувства, эти пѣсни и стихи возбуждали такое же чувство и въ юношахъ.

Обученіе совершалось дома, подъ руководствомъ отца, такъ какъ общественныхъ школъ до времени пришествія Спасителя не было. Евреи представляютъ примѣръ народа, въ которомъ воспитаніе и обученіе долгое время было дѣломъ семьи, а не школы.—Знатнѣйшія лица посылали своихъ сыновей для обученія къ священнику или брали домашняго учителя. Дѣти пророковъ и священниковъ готовились къ своему будущему служенію въ частныхъ религіозныхъ школахъ, которыя при Самуилѣ и Давидѣ были въ лучшемъ состояніи. Отъ юношей въ этихъ школахъ, кромѣ соотвѣтственнаго ученія, требовались: кротость, покорность, мудрость, мужество, твердость воли и обращеніе всѣхъ помысловъ къ Богу.

Подпавъ въ плѣнъ къ вавилонянамъ, Евреи вмѣстѣ съ потерей политической независимости утратили и чистоту своей вѣры; они усвоили отъ вавилонянъ многія ихъ вѣрованія.

Послѣ освобожденія отъ вавилонскаго плѣненія, у Евреевъ появляются учителя, цѣлью которыхъ было толкованіе и охраненіе Закона. Учителя эти назывались *раввинами*.

Въ первомъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова мы уже находимъ у Евреевъ значительное число школъ. „Города и мѣстечки, не имѣющіе школы,—говорится въ одномъ узаконеніи,—будутъ подвергнуты отлученію; если же это не поможетъ, то будутъ разрушены, ибо они противорѣчатъ слѣдующему раввинскому изреченію: дыханіемъ дѣтскихъ устъ въ школъ—держится міръ“. Для 25 дѣтей опредѣлялся въ школъ одинъ учитель, для 40 — ему назначался помощникъ; для 50 — было два учителя.

Въ школахъ изучали главнымъ образомъ теологическія и юридическія науки, имѣвшія основаніемъ своимъ Законъ, при чемъ толкователи его терялись во множествѣ софистическихъ тонкостей.

Послѣ разрушенія Іерусалима Евреи расселились между другими племенами и потеряли свое отечество. Но они и среди другихъ народовъ сохранили свои національныя особенности. Живя среди чуждыхъ имъ племенъ, они, сохраняя свои національныя особенности, не отстаютъ отъ хода цивилизаціи народа, среди котораго поселились, и посылаютъ своихъ дѣтей въ учебныя заведенія страны.

Хотя отъ древне-еврейскаго народа и не осталось пѣльныхъ сочиненій о воспитаніи и обученіи, однако въ „Притчахъ“ Соломона, въ книгѣ Сираха и вообще въ Библии находятся мысли о воспитаніи и обученіи дѣтей. Сочиненія александрійскаго ученаго Филона тоже заключаютъ въ себѣ много мыслей о воспитаніи юношества.

III. Воспитаніе и образованіе у древне-классическихъ народовъ: Грековъ и Римлянъ.

Воспитаніе у древнихъ Грековъ.

Изъ числа древне-греческихъ государствъ первенствующую роль играютъ Спарта и Аѳины.

Воспитаніе въ Спартѣ существенно отличалось отъ воспитанія въ Аѳинахъ. Но въ томъ и другомъ государствѣ были общія воспитательныя средства, именно: религія, изящныя искусства и гимнастика.

Скажемъ сначала объ этихъ общихъ воспитательныхъ средствахъ, а потомъ изложимъ отличительныя особенности въ воспитаніи спартацевъ и аѳинянъ.

Религія. Древне-греческіе боги представляли собою олицетвореніе физическихъ и духовныхъ совершенствъ, къ которымъ Греки стремились. Статуи боговъ, будучи выраженіемъ идеала, возбуждали въ Грекахъ стремленіе къ этому идеалу и тѣмъ поднимали и совершенствовали ихъ. Древне-греческія религіозныя празднества, на которыя собирались Греки со всѣхъ сторонъ, возбуждали и поддерживали въ нихъ національное чувство и тѣмъ оказывали на нихъ воспитательное вліяніе. Самые религіозные обряды, дѣйствуя на ихъ воображеніе и чувство, тоже оказывали на нихъ большое воспитательное вліяніе.

Изящныя искусства. Изъ изящныхъ искусствъ музыка и поэзія считались наиболѣе сильными воспитательными средствами. Будучи выраженіемъ возвышенныхъ и прекрасныхъ движеній души, музыкальныя произведенія, по мнѣнію Грековъ, возбуждаютъ и въ другихъ такія же движенія души, а потому и дѣйствуютъ на нихъ возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ. Съ понятіемъ о *музыкѣ* древніе Греки соединяли болѣе широкое значеніе, чѣмъ соединяемъ мы. Въ содержаніе этого понятія входило представленіе о гармоничномъ, стройномъ, изящномъ, возвышенномъ и нравственно-благородномъ. Нелюбовь къ музыкѣ, непониманіе ея служило для древняго грека признакомъ или варварства, или нравственной испорченности.

При обученіи музыкѣ имѣлось въ виду не столько образовать изъ учениковъ виртуозовъ въ игрѣ на лирѣ или другомъ инструментѣ, сколько возбужденіе и развитіе въ нихъ пониманія ритма, мелодіи и гармоніи.

Музыка соединялась обыкновенно съ пѣніемъ, танцами. Военные походы и религіозныя празднества сопровождались тоже музыкой. Однимъ словомъ, музыка составляла неразлучную принадлежность древняго грека во всѣ важнѣйшіе моменты его жизни.

На ряду съ музыкой сильнымъ воспитательнымъ средствомъ служила поэзія. Древне-греческая поэзія достигла высокой степени развитія какъ по формѣ, такъ по содержанію, и представляла богатый матеріалъ для воспитанія Грековъ. Она тѣмъ болѣе должна была служить сильнымъ воспитательнымъ средствомъ, что поэтическія произведенія составляли предметъ пѣснопѣній на празднествахъ. Въ герояхъ эпическихъ произведеній, напр., „Иліады“ и „Одиссеи“, древніе Греки видѣли образцы для своей частной и общественной жизни. Лирическія произведенія возбуждали въ нихъ возвышенныя патріотическія и нравственныя чувствованія. Драматическія произведенія, представляя борьбу героевъ изъ-за высшихъ цѣлей или побужденій, тоже дѣйствовали на Грековъ возвышающимъ и облагораживающимъ образомъ.

Гимнастика. Гимнастическія упражненія въ Греціи служили средствомъ не только къ развитію и укрѣпленію тѣла, но также къ укрѣпленію духа. „Общая связь, существующая между тѣломъ и духомъ, не позволяетъ, по словамъ Платона, упражнять тѣлесныя силы безъ духовныхъ и духовныя безъ тѣлесныхъ“.

Для гимнастическихъ упражненій были устраиваемы особыя мѣста, называемыя *палестрами* и *гимназіями*. Устройство ихъ сначала было незатѣйливо; но затѣмъ, по мѣрѣ развитія образованности и благосостоянія городовъ, онѣ стали украшаться различными постройками. Были особыя мѣста для плаванія, для натиранія тѣла масломъ и пескомъ, для игръ, для движенія строемъ, для бѣга и т. п.

Гимнастическія упражненія состояли: а) въ бѣганіи по глубокому песку, б) въ метаніи диска или кружка, в) въ прыганіи въ вышину или въ длину, или одновременно и въ длину, и въ вышину, г) въ метаніи копья и д) въ единоборствѣ.

Прошедшіе съ успѣхомъ всѣ названныя пять видовъ гимнастическихъ упражненій и получившіе пальму первенства отличались, по свидѣтельству Аристотеля, величественною, мужественною силой и красотой.

Гимнастическими упражненіями въ палестрахъ, гдѣ упражнялись отроки, завѣдывали *педотрибы*; для нравственнаго надзора находился особый надзиратель—*софронистъ*; за предварительнымъ натираніемъ тѣла масломъ и пескомъ наблюдалъ *алеиптъ*.)

По достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста юноши производили гимнастическія упражненія въ гимназіяхъ. Здѣсь, кромѣ гимнастическихъ упражненій, молодые люди слушали философовъ и вообще получали болѣе разнообразную пищу для своего душевнаго развитія.

Достигнувъ возмужалаго возраста, Греки не оставляли гимнастическихъ упражненій, такъ какъ эти упражненія находились въ связи съ праздничными играми и танцами, въ которыхъ принимали участіе и пожилые люди. Никакой возрастъ не мѣшалъ Грекамъ принимать, во время празднествъ, участіе въ бѣгѣ, въ метаніи диска или копья, въ ѣздѣ на колесницѣ и тому подобныхъ упражненіяхъ.

Сказавъ объ общихъ средствахъ воспитанія у древне-греческихъ народовъ, укажемъ отличительныя особенности воспитанія у древнихъ спартацевъ и аѳинянъ.

Спарта.

Спартанцы считали Ликурга, жившаго въ IX вѣкѣ до Р. Хр., создателемъ своего государственнаго устройства и общественнаго воспитанія.

Спартанское государство состояло изъ *спартіатовъ*—побѣдителей, господствующаго класса, и *періековъ* и *илотовъ*—побѣжденныхъ, низшихъ классовъ въ государствѣ.

Главная забота государства состояла въ воспитаніи членовъ господствующаго класса (спартіатовъ). Воспитаніе же дѣтей низшихъ классовъ не представляло никакихъ заботъ для государства: оно состояло лишь въ приученіи ихъ къ тому или другому занятію и въ ознакомленіи ихъ съ нѣкоторыми законами, о чемъ и заботились сами родители дѣтей.

Такъ какъ на членахъ господствующаго класса лежала обязанность, съ одной стороны, быть защитниками государства, а съ другой, поддерживать свое господство надъ низшими классами, то поэтому главная цѣль воспитанія молодыхъ спартіатовъ состояла въ выработкѣ изъ нихъ храбрыхъ и сильныхъ гражданъ.

Воспитаніе въ Спартѣ было общественнымъ. Ребенокъ оставался подъ руководствомъ родителей только до семилѣтняго возраста. Въ этотъ періодъ особенное вниманіе обращалось на физическое его развитіе. Какъ только ребенокъ рождался, его купали въ випѣ, въ томъ предположеніи, что такую ванну можетъ вынести только здоровый младенецъ; болѣзненный же долженъ умереть. Кромѣ того, отецъ обязанъ былъ показать новорожденнаго старѣйшимъ герусіямъ, которые и опредѣляли, крѣпокъ ли ребенокъ или слабъ. Крѣпкій ребенокъ оставался жить, а слабый былъ сбрасываемъ въ Тайгетскую пропасть. На восьмой день отъ рожденія ребенку нарекали имя. День признанія ребенка здоровымъ и день нареченія ему имени праздновались родителями и родственниками. Чтобы не стѣснять движеній ребенка и не препятствовать развитію его членовъ, его не пеленали. Мать сама кормила своего ребенка. Только послѣ Персидскихъ войнъ стали появляться въ знатныхъ фамиліяхъ кормилицы изъ

класса перековокъ. Чтобы приучить ребенка къ смѣлости, его оставляли одного въ темнотѣ. Чтобы приучить его къ свѣту, передъ его колыбелью ставили на ночь зажженную лампу. Для приученія ребенка къ перенесенію голода, ему иногда давали мало пищи. Отъ крика и плача по возможности удерживали ребенка, такъ какъ спартаецъ не долженъ ни плакать ни кричать.

Семилѣтняго возраста мальчики поступали для воспитанія въ общественныя заведенія. Въ такихъ заведеніяхъ воспитывалось около восьми тысячъ спартацевъ. Всѣ они раздѣлялись на отдѣленія, по возрасту. Отдѣленія дѣлились на группы. Каждая группа находилась подъ начальствомъ одного изъ товарищей. Нѣсколько отдѣленій находились въ вѣдѣніи *педонома*, который имѣлъ себѣ помощника.

Дисциплина въ общественныхъ заведеніяхъ была строга. Все направлено было къ тому, чтобы укрѣпить и закалить тѣло и духъ будущихъ гражданъ. Пища воспитанниковъ была проста, безъ лишнихъ приправъ. Постелью служилъ тростникъ, собственноручно нарванный на берегу рѣки. Одежда была незатѣйлива и недостаточно охраняла тѣло отъ переměнъ погоды: кусокъ матеріи набрасывался на лѣвое плечо, чрезъ спину подводился подъ паху правой руки и завязывался узломъ на лѣвомъ же плечѣ. Зимой и лѣтомъ мальчики ходили босые. Ежедневно они купались въ рѣкѣ. Приучали ихъ къ перенесенію боли, подвергая по временамъ бичеванію. Тотъ пользовался высшею славой, кто при бичеваніи не издавалъ ни малѣйшаго крика. Приучали также къ перенесенію зноя и холода, заставляя ходить на охоту во всякую погоду. Развивали въ юношахъ ловкость, хитрость. Юноша, обличенный въ похищеніи чужой собственности, наказывался не за то, что взялъ чужую вещь, а за то, что не сумѣлъ ловко припрятать похищенное.

Отъ отроковъ и юношей требовалась непрекословная почтительность къ старшимъ. Каждый возмужалый, а тѣмъ болѣе старый спартаецъ могъ наказать тростью мальчика, если заставалъ его на мѣстѣ преступленія или если находилъ его недостаточно почтительнымъ.

Главное занятіе молодыхъ спартацевъ состояло въ гимнастикѣ, приспособленной къ военному искусству. Гимнастическія упражненія происходили по утрамъ—до обѣда и по вечерамъ—до ужина.

Кромѣ гимнастики, юноши упражнялись въ танцахъ. Главнѣйшими видами танцевъ, употреблявшимися въ Спартѣ, были военные. Сперва мальчики учились ходить подъ тактъ гитары и духовыхъ инструментовъ, а затѣмъ обучались военному танцу—пиррихію, который представлялъ собою военныя движенія: уклоненіе отъ натиска и ударовъ врага, прыжки въ сторону, наклоненіе къ землѣ и подпрыгиваніе. Пиррихій исполнялся перѣдко цѣлыми массами, въ вооруженіи, подъ музыку.

Кромѣ военныхъ, были въ Спартѣ также обрядовые или религіозные танцы. Въ нѣкоторыхъ танцахъ участвовали и мальчики и дѣвочки.

Для духовнаго воспитанія спартацевъ служили музыка и пѣніе, одиночное и хоромъ. То и другое возбуждало въ молодыхъ спартацахъ благородныя чувства, любовь къ родинѣ. Религіозныя празднества сопровождались пѣніемъ и музыкой.

Чтеніе и письмо не входило въ систему спартацкаго образованія, хотя не запрещалось обучаться имъ частнымъ образомъ. О высшихъ наукахъ не только не заботились, но нѣкоторые изъ нихъ были даже запрещены. Такъ, напр., запрещено было изученіе реторики и ораторскаго искусства, такъ какъ каждый спартаецъ долженъ былъ выражаться возможно кратко и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно.

Умственное образованіе спартацевъ имѣло не теоретическій, а чисто практическій характеръ. Тому только и обучали юношей, что непосредственно клонилось къ поддержанію установленнаго государственнаго строя.

Забываясь о воспитаніи мужчинъ, спартацы не упускали изъ виду и воспитанія женщинъ.

Главное назначеніе древней спартанки состояло въ рожденіи государству здоровыхъ и крѣпкихъ гражданъ. Сообразно съ этимъ и было направлено воспитаніе женщинъ. Такъ какъ только крѣпкія и здоровыя женщины могутъ рождать здоровыхъ и крѣпкихъ дѣтей, то поэтому было обращено особенное вниманіе на физическое развитіе дѣвицъ. Дѣвушки, подобно мальчикамъ, укрѣпляли свое тѣло въ гимнастическихъ упражненіяхъ, для которыхъ были устроены особенныя мѣста. Вообще все воспитаніе дѣвицъ не изнѣживало, а, напротивъ, укрѣпляло ихъ духъ и тѣло. Отсюда понятно, отчего вырабатывались тѣ сильныя натуры, которыя мы встрѣчаемъ между древними спартанками. Не одна спартанка возбудила въ своемъ сынѣ или мужѣ чувство храбрости, отваги и любви къ отечеству.

Аѣины.

Воспитаніе въ Аѣинахъ отличалось отъ спартацкаго воспитанія. Хотя воспитаніе въ Аѣинахъ, подобно какъ и въ Спартѣ, имѣло цѣлю подготовленіе государству хорошихъ гражданъ, однако, оно не было въ такой зависимости отъ государства, какъ въ Спартѣ. Воспитаніе и образованіе въ Аѣинахъ, въ противоположность Спартѣ, было болѣе частнымъ, чѣмъ государственнымъ дѣломъ. Аѣинское государство только наблюдало за воспитаніемъ и образованіемъ юнаго поколѣнія и ставило каждаго гражданина въ возможность получить нужное ему воспитаніе. Каждый аѣинянинъ могъ получить, сообразно своимъ матеріальнымъ

средствамъ, соотвѣтственное художественное образованіе и физическое и духовное воспитаніе.

Учредителемъ аѳинскаго воспитанія считается законодатель Солонъ, жившій въ VI столѣтіи (639—559) до Р. Хр. Онъ видѣлъ главную силу государства въ свободномъ и всестороннемъ развитіи гражданъ. Сообразно съ этимъ онъ установилъ характеръ и основы воспитанія аѳинскихъ юношей.

До семи лѣтъ аѳинскій мальчикъ находился въ женскомъ отдѣленіи и росъ подъ руководствомъ матери, кормилицы, няни и другихъ женщинъ.

Для кормленія ребенка грудью въ болѣе знатныхъ домахъ нанимали спартанокъ, какъ лучшихъ кормилицъ. Съ рукъ кормилицы, обыкновенно около года или полутора отъ рожденія, ребенокъ пореодилъ на попеченіе няни, обыкновенно старушки. Она заботилась о пищѣ ребенка, о его снѣ. Она же сопровождала съ нимъ мать, когда та отправлялась въ гости или на общественное празднество. Для усыпленія ребенка укачивали въ колыбели и пѣли колыбельныя пѣсни. Младенца повивали. Для охраненія отъ чаръ и злого глаза навѣшивали ему на шею амулетки.

Для игръ дѣтей употреблялись сначала погремушки, а потомъ глиняныя куклы и другія игрушки.

Дѣти всегда ходили въ обуви. Волоса ихъ завивали въ кольца и прикалывали дорогимъ гребнемъ.

Въ семь лѣтъ имя ребенка заносилось въ списокъ „бѣлой книги“, при чемъ отецъ предварительно утверждалъ клятвой, что ребенокъ его сынъ. Съ этого времени мѣсто няни заступалъ педагогъ, руководитель мальчика. Онъ повсюду сопровождалъ своего питомца, наблюдалъ за его поведеніемъ, предупреждалъ совершеніе имъ проступковъ и т. п. Но только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ онъ обучалъ питомца. Для обученія дѣти обыкновенно посѣщали школы, которыя хотя и были частными учрежденіями, однако подлежали контролю городскихъ властей. Каждый отецъ долженъ былъ позаботиться, чтобы его сынъ получилъ необходимое ему образованіе и приучился къ какому-либо ремеслу. Въ противномъ случаѣ онъ не имѣлъ права требовать отъ сына содержанія въ своей старости.

Обязательнаго для всѣхъ курса ученія не было. Требовалось только, чтобы каждый обучался гимнастикѣ и музыкѣ. Мѣра ученія зависѣла отъ средствъ каждаго. Понятно, что въ силу этого дѣти богатыхъ родителей проходили болѣе обширный курсъ, чѣмъ дѣти бѣдныхъ родителей. Впрочемъ, нерѣдко и дѣти бѣдныхъ родителей при усердіи проходили большій курсъ, чѣмъ богатыя.

~~4728~~
Исторический музей

Каждый афинянинъ, если онъ хотѣлъ сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ, долженъ былъ пройти учебный курсъ у *грамматиста*, курсъ музыки въ собственномъ смыслѣ—въ школѣ *киѳариста* и курсъ гимнастики—въ школѣ *педатриба*.

Грамматистъ обучалъ чтенію, письму и численію. При обученіи чтенію дѣти сначала заучивали буквы и сочетаніе ихъ, потомъ переходили къ складыванію односложныхъ и многосложныхъ словъ и затѣмъ уже собственно къ чтенію. „Когда мы обучаемъ грамотѣ, говоритъ Діонисій Галикарнасскій, мы начинаемъ съ заучиванія названій буквъ, потомъ знакомимъ съ формою и видомъ ихъ; далѣе учимъ складать и тому, что къ нимъ относится; наконецъ—цѣлымъ словамъ и нѣкоторымъ измѣненіямъ ихъ, какъ, напр., склоненіямъ, числамъ, словопроизводству, удареніямъ, мѣсту, занимаемому словами въ предложеніи; потомъ уже начинаемъ мы читать и писать, сначала по слогамъ и медленно, до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтемъ навыка и бѣглости въ чтеніи. Когда ученикъ уже можетъ читать довольно бѣгло, мы учимъ его благозвучному чтенію, по долготѣ и краткости слоговъ, по удареніямъ, возвышенію и пониженію голоса, съ соблюденіемъ созвучія и ритма и вообще съ надлежащимъ выраженіемъ.—Для перваго чтенія стужитъ всегда Гомеръ, потомъ Гезіодъ, Эсогнистъ и Солонъ, также басни Эзопа,—вообще стихотворенія, въ которыхъ заключается множество полезныхъ наставленій и нравственныхъ изреченій, также похвала и прославленія великихъ мужей, чтобы мальчики удивлялись имъ и сами старались сдѣлаться такими же“.

Для письма служили натертыя воскомъ дощечки, на которыхъ писали заостреннымъ концомъ палочки; другой конецъ этой палочки былъ тупой и служилъ для сглаживанія написаннаго. Впослѣдствіи вошло въ употребленіе письмо чернилами.—При обученіи письму ливовали и дѣлали прописъ, которую мальчики срисовывали черту за чертой.

Обученіе счету не придавало большого значенія. Счету сначала учили по пальцамъ, а потомъ въ умѣ.

Въ изложенномъ состоялъ общеобразовательный учебный курсъ до Персидскихъ войнъ, послѣ которыхъ онъ былъ расширяемъ. Такъ введены были сначала грамматическія и критическія толкованія читаемаго, затѣмъ введена была реторика и діалектика, со времени Платона введена была геометрія и, наконецъ, введена была философія.

Музыкальный курсъ имѣлъ цѣлью облагородить нравъ, развить изящный вкусъ и выработать настолько навыкъ къ игрѣ, чтобы впослѣдствіи юноши и взрослые мужи могли играть на лирѣ или китарѣ и принимать участіе въ хорахъ, при различныхъ богослужебныхъ праздничныхъ обрядахъ. Занимаясь музыкой, мальчики изучали также законы стихосложенія, ритмики и мелодіи. Кромѣ того, они выучивали наизусть множество пѣсней и

пріобрѣтали навыкъ исполнять драмы и застольныя пѣсни, отчего рѣчь ихъ значительно развивалась и пріобрѣтала благозвучность и стройность.

Гимнастическими упражненіями занимались въ Аѣинахъ начиная съ восьмилѣтняго возраста. Взглядъ аѣинянъ на значеніе гимнастики виденъ изъ слѣдующихъ словъ законодателя Солона: „Для насъ, грековъ, не довольно оставаться такими, какими создала насъ природа; но у насъ для каждаго необходимо еще гимнастическое образованіе, чтобы отъ природы хорошія дарованія сдѣлались еще лучшими, и чтобы развить и усилить менѣе счастливыя способности“.

Гимнастическому курсу въ школахъ предшествовали физическія упражненія дѣтей дома, состоящія въ подвижныхъ играхъ, въ плаваніи и т. п.

Къ изложеннымъ воспитательно-образовательнымъ средствамъ у аѣинянъ слѣдуетъ прибавить еще воспитательное вліяніе на юношей семьи и общества. Домашняя и общественная жизнь аѣинянъ благопріятствовала выработкѣ въ юношахъ гуманнхъ чертъ характера: благородства, учтивости, скромности и вѣжливости. Какъ только мальчикъ начиналъ понимать вещи, кормилица, педагогъ, мать, отецъ, однимъ словомъ, всё по свидѣтельству Платона, заботились о его нравственномъ усовершенствованіи: при каждомъ его словѣ, при каждомъ поступкѣ, они старались дать ему понять, что справедливо или несправедливо, что прекрасно или постыдно. Отъ юношей требовались сдержанность и скромность. При принятіи пищи они должны были быть умѣренными, по улицамъ они должны были ходить спокойно и прилично, съ опущенными глазами, держа руки подъ плащомъ. Посѣщать рынокъ и вообще такія мѣста, гдѣ можно заразиться худымъ примѣромъ, имъ не дозволялось.

За поведеніемъ юношей, кромѣ родителей и родныхъ, слѣдилъ еще представитель закона—ареопагъ, который, въ случаѣ дурного поведенія юноши, могъ всегда привлечь его къ отвѣтственности.

Отъ 18 до 20-ти-лѣтняго возраста молодые аѣиняне пріучались къ военной службѣ въ качествѣ патрулей на границахъ и по улицамъ, а въ 20 лѣтъ записывались въ гражданскій листъ во фратріи своего племени и такимъ образомъ уравнивались съ другими совершеннолѣтними гражданами и пріобрѣтали одинаковое съ ними право голоса.

При вступленіи въ права полнаго гражданина, они должны были давать слѣдующую клятву въ храмѣ Аѣины: „я не стану безчестить священнаго оружія и оставлять товарища въ бою, кто бы онъ ни былъ. Стану одинъ биться съ каждымъ за святыню и законы. Я желаю оставить послѣ себя отечество не въ худшемъ, а въ лучшемъ состояніи. Охотно, во всякое время я готовъ подчиняться судьямъ и законнымъ уставамъ и не поущу, чтобы другіе оскорбляли ихъ и не слѣдовали

имъ. Я обязуюсь защищать и чтить отечественное богослуженіе. Боги да будутъ въ томъ свидѣтели!“

На воспитаніе женщинъ въ Аѣинахъ мало обращали вниманія. Женщины жили въ заднихъ частяхъ дома, вмѣстѣ съ дѣтьми и прислугой, и принимали участіе въ домашнихъ работахъ. Не многія женщины умѣли читать и писать. Большая часть изъ нихъ были неграмотны и даже не умѣли играть. Физическими упражненіями женщины не занимались и потому обладали большею частью слабо развитымъ организмомъ и блѣднымъ цвѣтомъ лица. Главное вниманіе женщинъ было обращено на красоту своего тѣла. Для сохраненія бѣлизны и нѣжности лица и рукъ онѣ закрывались отъ солнца и вѣтра; для сохраненія стройности стана онѣ ограничивали пріемъ пищи и стягивались корсетомъ. Румяна и бѣлила были необходимою принадлежностью туалета аѣинянокъ. Во время торжественныхъ процессій аѣинянки особенно щеголяли своими нарядами. Голову онѣ украшали вѣнками.

Дочери росли подъ ближайшимъ надзоромъ матерей, которыя обучали ихъ женскимъ работамъ: прясть, шить, ткать, вязать. Особенная забота прилагалась къ нравственному воспитанію дѣвушекъ: честность и кротость считались главнѣйшими женскими добродѣтелями, а бережливость и умѣнье вести хозяйство — лучшими женскими качествами.

Сказанное относительно образованія и воспитанія въ Аѣинахъ относится къ первымъ двумъ вѣкамъ послѣ законодателя Солона. Въ позднѣйшіе вѣка, съ порчей нравовъ аѣинянъ, значительно ослабѣло дѣло воспитанія. Старые нравственные принципы потеряли свое значеніе, и вмѣсто нихъ мало-по-малу заняли мѣсто изнѣженность и распущенность.

Курсъ ученія тоже измѣнился. Послѣ политическаго паденія Греціи (послѣ Александра В.) науки и искусства перестали быть общею потребностью народа и перешли въ тѣсныя рамки одного школьнаго обученія. Школьное обученіе юношества опредѣлялось особымъ курсомъ, который установился въ Александріи и состояло изъ семи наукъ: грамматики, реторики, философіи съ діалектикой, ариеметики, музыки, геометріи и астрономіи.

Говоря объ образованіи и воспитаніи въ Аѣинахъ, нельзя не упомянуть о философахъ Сократѣ, Платонѣ и Аристотелѣ, оставившихъ послѣ себя педагогическія мысли.

Сократъ жилъ въ то время, когда въ нравы аѣинянъ стала проникать порча, и нѣкоторые изъ философовъ, выходя изъ той ложной мысли, что то хорошо, что человекъ считаетъ для себя хорошимъ („человекъ есть мѣра всего“), стали подрывать общія начала нравственности и религіи и проводить такія идеи которыхъ человекъ, ставя выше всего личный эгоизмъ, становится равнодушнымъ къ религіи, закону, правдѣ и добру (софисты). Сократъ въ продолженіе всей своей

жизни старался обличать ложныя ученія софистовъ и поселять въ соотечественникахъ болѣе высокія мысли о нравственномъ достоинствѣ человѣческой личности, объ истинномъ счастьи человѣка, о божествѣ и загробной жизни.

Сократъ родился въ 469 г. до Р. Хр. Отецъ его былъ ваятель, а мать—повивальная бабка. Въ юности онъ успѣшно занимался дѣломъ своего отца, но потомъ оставилъ это занятіе. Онъ принималъ участіе въ Пелопонезской войнѣ. Въ возмужаломъ возрастѣ онъ отдался обученію согражданъ и размышленію надъ различнаго рода философскими вопросами.

Сократа по справедливости называютъ величайшимъ философомъ древности. Своею мудростью онъ обязанъ самому себѣ, своему неутомимому размышленію. Будучи мудрѣйшимъ изъ людей, онъ былъ очень скромнень и весьма строго относился къ себѣ. Про себя онъ говаривалъ, что онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ. Въ характерѣ его соединены были лучшія человѣческія черты. „Онъ былъ такъ благочестивъ, говоритъ Ксенофонтъ, что никогда ничего не дѣлалъ безъ совѣта боговъ; такъ справедливъ, что никого не обижалъ, даже въ самомъ ничтожномъ дѣлѣ; настолько обладалъ собою, что никогда не предпочиталъ пріятнаго доброму; былъ такъ разумень, что никогда не ошибался, отличая лучшее отъ худшаго“.

Сократъ глубоко вѣровалъ въ бытіе единаго, премудраго Бога, проявляющагося въ человѣческомъ разумѣ и сознаніи. Вѣровалъ онъ также въ существованіе и безсмертіе души. Счастье и благополучіе человѣка онъ видѣлъ единственно въ жизни, согласной съ требованіями добродѣтели и правды. Лучшее наслажденіе для человѣка, говаривалъ онъ,—то, которое связано со строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей и съ сознаніемъ своего безостановочнаго нравственнаго совершенствованія. Всѣ люди ищутъ счастья, но многіе по невѣдѣнію—попадаютъ на ложный путь, становятся порочными и тогда, думая устроить свое счастье, разрушаютъ его.

Эти идеи Сократъ хотѣлъ поселить въ сознаніи своихъ соотечественниковъ. Для этого онъ прибѣгалъ не къ догматическому изложенію мыслей, а къ возбужденію ихъ, путемъ вопросовъ, въ сознаніи бесѣдующихъ съ нимъ лицъ.

Въ своихъ бесѣдахъ онъ исходилъ не изъ общихъ положеній, правилъ, а изъ частныхъ случаевъ, примѣровъ, на основаніи которыхъ приводилъ своихъ собесѣдниковъ къ выводу общихъ правилъ. Прине-равливаясь къ пониманію своихъ собесѣдниковъ, онъ бралъ примѣры изъ окружающей, наиболѣе знакомой лицу, бесѣдующему съ нимъ, дѣйствительности, за что современники упрекали его, говоря, что онъ всегда бесѣдуетъ о вьючныхъ ослахъ, кузницахъ, мастерскихъ и т. п.

Въ началѣ бесѣды Сократъ обыкновенно прикидывался незнающимъ и желающимъ поучиться у собесѣдника. Онъ предлагалъ ему вопросы и такимъ образомъ побуждалъ его высказаться. Выслушавъ мнѣніе своего собесѣдника, онъ, если находилъ оное невѣрнымъ, приводилъ его къ сознанию неосновательности своего мнѣнія и затѣмъ подводилъ его къ болѣе вѣрному мнѣнію.

Такимъ образомъ, Сократъ прибѣгалъ къ такъ называемой эвристической, или сократической, формѣ обученія, получившей въ послѣднее время большое примѣненіе при начальномъ обученіи. Самъ Сократъ свой способъ обученія уподобляетъ повивальному искусству своей матери. „Мое повивальное искусство, говоритъ онъ, отличается тѣмъ отъ искусства моей матери, что оно облегчаетъ роды мужамъ, а не женамъ, и оказываетъ помощь въ родахъ душѣ, а не тѣлу. Я похожъ на повивальныхъ бабокъ тѣмъ, что самъ ничего не рождаю мудраго, и меня многіе упрекали въ томъ, что я только другихъ выспрашиваю, самъ же ни о чемъ не даю положительнаго отвѣта; но я не сумѣлъ бы ничего отвѣтить умнаго: въ этомъ меня упрекаютъ по справедливости. Причина этого состоитъ въ томъ, что божество принуждаетъ меня оказывать только родильную помощь, самому же рождать мнѣ не суждено. Но все тѣ, которымъ судило божество входить въ сношеніе со мною, вначалѣ, оказывались въ высшей степени невѣжественными, а при постоянномъ воздѣйствіи моемъ оказывали невѣроятные успѣхи, какъ кажется и имъ самимъ, и другимъ. По крайней мѣрѣ, вѣрно то, что они собственно отъ меня никогда ничему нисколько не научались, но только сами открывали въ самихъ себѣ чрезвычайно много прекраснаго и упречивали его за собой“.

Сократъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста для обученія, онъ не имѣлъ своей школы. Онъ училъ вездѣ, гдѣ приходилось, и всякаго, кто хотѣлъ его слушать. Онъ бесѣдовалъ съ кузнецами, сапожниками, земледѣльцами, торговцами, принаравливая бесѣду къ степени развитія собесѣдника.

Сократъ былъ вѣренъ своимъ благороднымъ высоко-правственнымъ принципамъ до конца своей жизни. На 70 году своей жизни онъ былъ оклеветанъ своими врагами въ томъ, что не признаетъ народныхъ боговъ и развращаетъ юношество. Его привлекли къ суду. Въмѣсто оправданія онъ совѣтовалъ судьямъ быть справедливыми. Его осудили на смерть и дозволили еще 30 дней бесѣдовать съ учениками въ темницѣ. Друзья и ученики просили его спастись бѣгствомъ и предоставляли удобные къ тому случаи. Онъ отвергъ ихъ просьбу, говоря, что долгъ велитъ ему повиноваться волѣ народной въ лицѣ законныхъ представителей. По истеченіи положенныхъ 30 дней онъ выпилъ чашу яда въ 399 г. до Р. Хр.

Платонъ былъ ученикъ *Сократа*; онъ изложилъ педагогическія идеи своего учителя и расширилъ ихъ собственными педагогическими идеями.

Въ числѣ основныхъ идей *Платона*, проведенныхъ въ его философскихъ сочиненіяхъ, находится идея о предсуществованіи безсмертной человѣческой души и о способности человѣка, какъ существа разумнаго, къ совершенствованію и добродѣтели. Еще до рожденія человѣка въ міръ душа его одарена общими идеями, которыя по рожденіи затемняются. Посредствомъ воспитанія и образованія можно разбудить, раскрыть и прояснить эти идеи, и по мѣрѣ раскрытія и проясненія ихъ человѣкъ приближается къ божеству, что составляетъ величайшее благо для него. Отсюда вытекаетъ необходимость для человѣка образованія и воспитанія.

Главная забота о воспитаніи гражданъ должна лежать на правительствѣ и государствѣ. Это самая высокая и священная ихъ обязанность. Отъ правильнаго воспитанія гражданъ зависитъ процвѣтаніе государства и счастье всѣхъ жителей его.

Воспитаніе, по *Платону*, должно быть общественнымъ. Идеаль общественнаго воспитанія, предложенный *Платономъ*, приближается къ спартанскому воспитанію. Воспитаніе, по опредѣленію *Платона*, есть введеніе юношей въ предписанный закономъ и испытанный лучшими мужами образъ жизни, который вызываетъ въ юношахъ такія склонности, которыя они, возмущаясь, признаютъ дѣйствительно хорошими и убѣждаются, что ихъ приучили еще прежде, чѣмъ развился ихъ собственный разумъ, любить или ненавидѣть то, что дѣйствительно заслуживаетъ любви или ненависти. Изъ этого опредѣленія видно, что въ дѣлѣ воспитанія *Платонъ* придаетъ большое значеніе привычкѣ и навыку.

Развитіе нравственности составляетъ существенную задачу воспитанія, а потому не должно быть допускаемо ничего такого, что могло бы совратить съ истиннаго пути здравый смыслъ человѣка, или оскорбить нравственное его чувство, или отвлечь его волю отъ пути добродѣтели и справедливости. Родители, говоритъ *Платонъ*, обязаны оставить въ наслѣдство своимъ дѣтямъ не груды золота, а нравственныя сокровища стыда и боязни порока.

Воспитаніе должно начаться тотчасъ по рожденіи ребенка, при чемъ въ первые годы должно быть обращено преимущественное вниманіе на физическое воспитаніе. *Платонъ* совѣтуетъ целенать дитя; совѣтуетъ также по возможности чаще носить его на рукахъ, особенно на открытомъ воздухѣ. Баловать дѣтей не слѣдуетъ, такъ какъ баловство дѣлаетъ ихъ плаксивыми, капризными, раздражительными и чувствительными къ каждой мелочи. Но не слѣдуетъ также слишкомъ

строго обходиться съ ними, такъ какъ отъ этого они становятся малодушными, трусливыми и неспособными къ обхожденію съ людьми. Нужно стараться сохранить въ нихъ веселость нрава и ясность духа.

Отъ трехъ до шестилѣтняго возраста дѣти проводятъ въ играхъ, которыя они изобрѣтаютъ сами. Въ играхъ дѣтей отражаются ихъ наклонности, а потому по играмъ слѣдуетъ опредѣлять, къ чему каждый ребенокъ склоненъ и къ чему, слѣдовательно, нужно его приучать. Посредствомъ игръ можно сообщить дѣтямъ нѣкоторыя знанія и умѣнья, можно также вліять на ихъ характеръ.

Художественное образованіе дѣтей начинается посредствомъ пѣсенъ и сказокъ, но такихъ, въ которыхъ божество изображается не въ ложномъ видѣ.

Съ шестилѣтняго возраста дѣти раздѣляются по полу, и каждый полъ переходитъ къ изученію соответственныхъ ему предметовъ.

Платонъ требуетъ, чтобы обученіе и воспитаніе содѣйствовало гармоническому развитію *всѣхъ* сторонъ природы человѣка. Одностороннее воспитаніе вредно. *Одна* гимнастика, по Платону, ведетъ къ огрубѣнію; *одны* науки и искусства ослабляютъ и изнѣживаютъ юношество.

Изъ учебныхъ предметовъ Платонъ придаетъ особенное воспитательное и образовательное значеніе математикѣ и музыкѣ. Первую онъ ставитъ высоко за то, что она отвлекаетъ отъ чувственного и ведетъ къ духовному; вторую—за то, что она направляетъ умъ къ доброму и прекрасному.

При обученіи чтенію Платонъ требуетъ сознательности, чего онъ совѣтуетъ достигать посредствомъ объясненія и сравненія читаемаго и вообще посредствомъ возбужденія при чтеніи мыслительной дѣятельности.

Платонъ видитъ главное достоинство образованія не въ многочисленности знаній, а въ ясности, прочности и систематичности ихъ. Наставникъ долженъ употреблять всѣ средства, чтобы довести знанія питомцевъ до возможной ясности и отчетливости.

Вліяніе наставника на своихъ питомцевъ должно основываться не на страхѣ наказанія, а на личномъ авторитетѣ, который и долженъ быть пріобрѣтенъ каждымъ наставникомъ.

Аристотель—ученикъ Платона, но отличается отъ него направленіемъ своей философской дѣятельности. Платонъ въ своихъ разсужденіяхъ исходитъ изъ общихъ, отвлеченныхъ идей и примѣняетъ ихъ къ частнымъ случаямъ, фактамъ. Аристотель же, наоборотъ, подбираетъ частные факты и на основаніи ихъ дѣлаетъ общіе выводы.

Аристотель считается величайшимъ ученымъ древности. Онъ не только усвоилъ всѣ извѣстные въ то время знанія, но также расши-

рилъ ихъ своими изслѣдованіями. Сочиненія Аристотеля имѣли значительное вліяніе на послѣдующіе вѣка.

Воспитаніе гражданъ Аристотель, подобно Платону, считаетъ предметомъ главнѣйшей заботы государства и правительства. Политическое благосостояніе государства зависитъ отъ степени воспитанія гражданъ. Безъ воспитанія нельзя быть добродѣтельнымъ, хорошимъ гражданиномъ. Подобно тому, какъ во всякомъ искусствѣ есть нѣчто такое, что должно быть усвоено посредствомъ обучения и навыка, такъ точно и для искусства жить добродѣтельно нужны извѣстные навыки и знанія.

Подъ добродѣтелью Аристотель разумѣлъ жизнь въ обществѣ по требованію справедливости и благоразумія.

Воспитаніе должно быть общественнымъ, и никто не долженъ уклоняться отъ такого воспитанія, такъ какъ каждый долженъ сдѣлаться хорошимъ гражданиномъ.

Воспитаніе собственно состоитъ въ приученіи и обученіи, которыя всегда должны идти неразлучно, при чемъ первое должно предшествовать второму. Только послѣ усвоенія душою хорошихъ навыковъ, нравственныхъ правила могутъ имѣть на нее облагораживающее вліяніе.

Первые пять лѣтъ жизни ребенка должны быть посвящены преимущественно физическому развитію его. Въ этомъ возрастѣ неумѣстно ни обучать, ни налагать тяжелыя занятія на него. Однако не слѣдуетъ и оставлять ребенка въ праздности. Естественнымъ занятіемъ для него служить игра, которая должна быть свободна и согласоваться съ природными наклонностями его.

Такъ какъ дѣти отличаются переимчивостью и подражательностью, то поэтому нужно удалять отъ нихъ все то, что можетъ служить для нихъ худымъ примѣромъ. Слѣдуетъ удалять ихъ отъ общества рабовъ. Разказы и сказки слѣдуетъ сообщать имъ только такіе, которые не омрачали бы ихъ чистаго и свѣтлаго настроенія.

Въ шестой и седьмой годъ жизни дѣти присматриваются и прислушиваются къ тому, что должны будутъ впоследствии изучать. На восьмомъ году начинается обученіе дѣтей. Кромѣ гимнастики и музыки, Аристотель ставитъ на первое мѣсто изученіе грамматики и реторики. Математику, вопреки Платону, онъ отодвигаетъ на второе мѣсто, такъ какъ она не научаетъ нравственности и не вліяетъ на эстетическое чувство изучающаго ее. Занятіе философіею и политикой Аристотель ставитъ высоко. Занятіе послѣднею (политикой) онъ предназначаетъ не для юношей, у которыхъ страсти еще не установились, а для лицъ зрѣлаго возраста.

Дѣвочки, по мнѣнію Аристотеля, должны получать воспитаніе отличное отъ мальчиковъ, такъ какъ первыя отличаются отъ вторыхъ

и по своимъ природнымъ способностямъ и по своему предназначенію на землѣ.

Практическая педагогическая дѣятельность Аристотеля выразилась въ воспитаніи Александра Македонскаго, совѣтникомъ котораго онъ оставался и послѣ выхода его изъ непосредственнаго воспитательнаго вліянія. Кромѣ того, онъ (Аристотель) занимался преподаваніемъ въ Аѳинскомъ лицѣѣ. X

Воспитаніе у древнихъ Римлянъ. X

Воспитаніе дѣтей въ древнемъ Римѣ лежало на обязанности семьи. Древне-римская семья, основанная на строго-нравственныхъ началахъ, представляла благопріятныя условія для воспитанія дѣтей. Женщина, какъ мать семейства, занимала очень почетное мѣсто въ семьѣ. Не менѣе почетное мѣсто занимала она и въ обществѣ. Бракъ былъ священнымъ учрежденіемъ, и расторженіе его не было извѣстно древнимъ римлянамъ. Родители пользовались большою властью надъ дѣтьми, даже взрослыми и женатыми. Отецъ могъ отдать своего сына въ закладъ или даже продать до трехъ разъ, если только тотъ послѣ первой и второй продажи вновь попадалъ въ его руки; онъ могъ наложить на него тяжелую работу, могъ заключить его въ тюрьму, могъ даже лишить его жизни.

Но несмотря на такую большую власть, какую отцы имѣли надъ своими дѣтьми, они пользовались ею человѣчно. Естественное чувство любви къ дѣтямъ удерживало родителей отъ жестокаго обращенія со своими дѣтьми и побуждало ихъ заботиться о надлежащемъ воспитаніи ихъ.

Послѣ рожденія дитяти, его клали на полъ, откуда поднималъ его отецъ, показывая тѣмъ, что считаетъ его своимъ ребенкомъ. На девятый день мальчику, а на восьмой дѣвочкѣ нарекали имя. Этотъ день былъ семейнымъ праздникомъ. Приносились жертвы и призывалось благословеніе боговъ на младенца.

Главная забота о первоначальномъ воспитаніи ребенка лежала на матери. Въ помощь себѣ она имѣла кормилицу, которую, когда ребенокъ переставалъ питаться грудью, смѣняла няня. Няня оказывала значительное вліяніе на дѣтей, особенно на дѣвочекъ. Главное же вліяніе на ребенка оказывала мать. Этимъ объясняется то значеніе, которое она сохраняла въ глазахъ своихъ взрослыхъ сыновей. Немало можно найти въ римской исторіи примѣровъ, гдѣ мать обуздывала неукротимую волю своихъ мужественныхъ сыновей или преклоняла ихъ совершить такое или иное дѣйствіе.

Дѣти росли въ семьѣ въ правилахъ строгой нравственности, воздержанія и почтенія къ старшимъ. Стыдливость считалась лучшей охра-

ной чистоты нравовъ. „Мнѣ больше нравятся тѣ, которые краснѣютъ, чѣмъ тѣ, которые блѣднѣютъ, ибо краска стыдливости есть цвѣтъ добродѣтели“,—было общею поговоркою римлянъ. Въ присутствіи дѣтей не должно было ни говорить, ни дѣлать что-нибудь такое, что могло притупить ихъ чувство стыдливости или служить имъ соблазномъ. Отецъ никогда не купался вмѣстѣ со своимъ сыномъ, равно какъ дядя съ племянникомъ. До 30-лѣтняго возраста запрещалось римлянамъ пить вино. Дѣти обѣдали вмѣстѣ со старшими, для того, чтобы какъ тѣ, такъ и другіе взаимно удерживались отъ излишествъ.

Отъ дѣтей и юношей требовалось полное повиновеніе не только родителямъ, но и вообще старшимъ. Не встать при приближеніи старика и не оказать ему уваженія считалось преступленіемъ.

Кромѣ нравственнаго вліянія, оказываемаго на римское юношество складомъ римской семейной жизни, не меньшее вліяніе оказывали рассказы о благородствѣ и доблести предковъ. Въ семейномъ кругу римлянъ было въ обычаѣ рассказывать о славныхъ подвигахъ и знаменитыхъ побѣдахъ, одержанныхъ предками. Эти рассказы зарождали въ юношахъ стремленіе подражать предкамъ и вообще воспитывали въ нихъ патріотическое чувство, развитіе котораго составляло одну изъ главныхъ заботъ древнихъ римлянъ.

Римляне воспитывались прежде всего для государства. „Дѣти римлянъ, говоритъ Цицеронъ, воспытываются для того, чтобы впослѣдствіи могли быть полезными отечеству; сообразно съ этой цѣлью они обучаются тому, что можетъ сдѣлать ихъ хорошими гражданами. Отечество дало намъ жизнь и возрастило лишь для того, чтобы мы посвятили ему всѣ лучшія силы и способности нашего духа, таланта и ума; а потому мы должны изучать лишь то, что полезно для государства; въ этомъ я вижу величайшую мудрость и величайшую доблесть“.

Со вступленіемъ мальчика въ юношескій возрастъ стригли длинные его волосы и облекали его въ платье юношей. Теперь для него наступало годичное испытаніе, впродолженіе котораго онъ занимался труднѣйшими тѣлесными упражненіями и вращался въ обществѣ зрѣлыхъ мужей. Каждый юноша старался скромностью, благоразуміемъ, воздержностью и вообще нравственными достоинствами заслужить себѣ уваженіе гражданъ. Если онъ своимъ поведеніемъ не успѣвалъ заслужить ихъ уваженіе, а, напротивъ, былъ замѣчаемъ въ предосудительныхъ поступкахъ, онъ не избѣгалъ презрѣнія согражданъ, что было для него сильнѣйшимъ наказаніемъ. Для подготовленія къ гражданской дѣятельности молодые римляне посѣщали собранія курій, но не принимали въ нихъ активнаго участія. Для той же цѣли они иногда ходили со своими отцами въ собраніе сената и здѣсь прислушивались къ рѣчамъ старцевъ и такимъ образомъ дѣлались мудрѣе. Если юноша желалъ быть

военнымъ, онъ жилъ въ лагерѣ и подчинялся распоряженіямъ военачальника.

Такимъ образомъ, сама практическая жизнь приучала юношей къ тому, что имъ нужно было для полезной дѣятельности гражданина.

Обученіе въ древнѣйшее время было дѣломъ частнымъ. Отецъ училъ сыновей тому, что самъ зналъ. Школы появляются въ Римѣ лишь около 5-го столѣтія до Р. Хр. Въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Хр. въ Римѣ было уже нѣсколько школъ. Школы устраивались гдѣ-нибудь между мелочными лавочками и сами походили скорѣе на лавочку, чѣмъ на школу. Римляне называли свои школы *ludi* (игры, забавы), какъ бы съ цѣлю привлечь къ нимъ юношество самымъ названіемъ. Такъ какъ школы устраивались гдѣ-нибудь на перекресткахъ или на улицахъ (in triviis), то поэтому позднѣе начальныя школы стали называться тривіальными школами.

Обученіе въ древнѣйшихъ начальныхъ школахъ ограничивалось чтеніемъ, письмомъ и начальнымъ счетомъ. Усвоеніе законовъ „двѣнадцати таблицъ“ составляло непремѣнную принадлежность обученія, такъ какъ знаніе ихъ необходимо было для каждаго римлянина. Впослѣдствіи въ курсъ обученія вошло объясненіе поэтовъ, а также обученіе пѣнію. вмѣстѣ съ пѣніемъ стиховъ мальчики приучались къ произношенію похвальныхъ рѣчей въ честь славныхъ подвиговъ отечественныхъ героевъ.

Римляне обращали вниманіе на укрѣпленіе тѣла своихъ юношей, однако не прибѣгали къ гимнастикѣ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ прибѣгали къ ней греки. Плаваніе, ѣзда верхомъ, охота, военныя упражненія и пребываніе большей частью на свѣжемъ воздухѣ достаточно укрѣпляли и закаляли тѣло молодыхъ римлянъ.

Когда римляне ознакомились съ греками и греческою образованностью, характеръ римскаго образованія значительно измѣнился. Греки, какъ народъ, стоявшій на высшей ступени образованія, оказали вліяніе на римлянъ. Греческій языкъ сдѣлался въ Римѣ предметомъ изученія. Греческіе учителя переѣзжали въ Римъ и здѣсь находили для себя широкую дѣятельность. Римляне щеголяли знаніемъ греческаго языка и греческой словесности. Богатыя римскія семейства старались имѣть у себя греческую прислугу.

Но такъ какъ римляне ознакомились съ греками въ то время, когда послѣдніе утратили свою прежнюю нравственную силу, и такъ какъ въ самомъ Римѣ стала упадать древняя нравственная доблесть, то поэтому, хотя греки и оказали вліяніе на образованіе римлянъ, но не могли оказать вліянія на поднятіе нравственнаго уровня ихъ. Римляне по мѣрѣ того, какъ дѣлались властителями міра, все болѣе и болѣе теряли свою нравственную силу; вмѣсто прежнихъ воздержности, самообладанія,

послушанія и твердости нравственныхъ убѣжденій, явились разнужданность, колебаніе въ нравственныхъ принципахъ.

Во времена Римской имперіи было организовано и систематизировано школьное обученіе юношей. Римскія школы въ этотъ періодъ раздѣлялись на двѣ степени: на грамматику и реторику. Первая степень, грамматика, дѣлилась на два класса: на классъ, въ которомъ учились читать, писать и начальному счету, и классъ, въ которомъ преподавались латинскіе и греческіе авторы, производились переводы и другія письменныя упражненія.

Методъ обученія чтенію былъ силлабическій. Сначала дѣти заучивали названіе буквъ, затѣмъ изображеніе ихъ и потомъ уже переходили къ изученію складовъ. Письму ученики обучались на вощаныхъ дощечкахъ, на которыхъ учитель предварительно чертилъ стилемъ буквы, по которымъ ученики обводили. Иногда учитель водилъ при письмѣ рукою ученика и такимъ образомъ упражнялъ его въ писаніи буквъ. Обученіе счету велось по пальцамъ, монетамъ и др. пособіямъ. Каждый палецъ и каждый изгибъ пальца при счетѣ соответствовалъ извѣстному числу. Ученикъ долженъ былъ внимательно слѣдить за пальцами учителя, ихъ сгибами и движеніями и такимъ образомъ угадывать сумму.

Вторая степень обученія, реторика, также раздѣлялась на классы. Въ этихъ классахъ ученики пріучались составлять рѣчи, изучали стилистику и римскихъ и греческихъ поэтовъ. Кромѣ того, въ этотъ курсъ введены были впоследствии геометрія и географія, а также рисованіе и музыка. При обученіи географіи употреблялись карты.

Вслѣдствіе недостатка въ книгахъ, обученіе большею частью было изустное. Ученики учились слушая, и вотъ почему римляне настойчиво требовали, чтобы молодые люди пріучались слушать.

Дисциплина въ школахъ была сурова. Отъ ученика требовали полного вниманія и тишины въ классѣ. Въ случаѣ непослушанія или нарушенія ученикомъ какого-нибудь требованія учителя, прибѣгали къ наказаніямъ. Практиковались и тѣлесныя наказанія, для которыхъ употреблялись прутья, которыми били по пальцамъ и рукамъ. При важныхъ проступкахъ употреблялась также розга или плеть. Для поощренія успѣховъ и поведенія учениковъ практиковались награды. При многочисленности классовъ, учителя, при обученіи, прибѣгали къ помощи лучшихъ учениковъ (менторовъ). Такимъ образомъ взаимное обученіе было извѣстно еще древнимъ.

Кромѣ школъ грамматистовъ и риторовъ, основывались въ Римѣ еще воспитательныя учрежденія; устраивались также и библіотеки. Императоръ Адріанъ основалъ школу изящныхъ искусствъ, названную Атенеумъ. Императоры Θεодосій и Валентіанъ основали въ Римѣ и Константино-

полѣ высшее учебное заведеніе, нѣчто въ родѣ университета. Въ этомъ заведеніи обучали греческой и римской словесности, реторикѣ, медицинѣ, философіи и праву. Особенно право успѣшно разрабатывалось у римлянъ. Римляне имѣли какъ бы врожденное расположеніе къ юриспруденціи и администраціи, и римское право составляетъ важнѣйшее наслѣдство, которое передалъ Римъ позднѣйшимъ государствамъ.

(Вмѣстѣ съ упадкомъ нравственнаго воспитанія въ Римѣ являлись личности, которыя, сознавая этотъ упадокъ и желая улучшить воспитаніе юношества, высказывали педагогическія идеи. Изъ такихъ личностей мы упомянемъ о *Цицеронѣ* и *Квинтилианѣ*.

Цицеронъ жилъ въ I-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Онъ считалъ воспитаніе гражданъ одною изъ главныхъ обязанностей государства. Воспитаніе, по Цицерону, состоитъ въ развитіи прирожденныхъ способностей чело-вѣка. Съ самаго ранняго дѣтства нужно развивать и укрѣплять добрыя наклонности ребенка и подавлять дурныя, въ особенности наклонность къ удовольствіямъ; противодѣйствіемъ должно служить пріученіе къ труду. Воспитанниковъ нужно держать вдали отъ чувственныхъ наслажденій и пріучать къ перенесенію неудобствъ, къ терпѣнію, дабы они были потомъ бодры и дѣятельны какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ. Такъ какъ прочное религіозное воспитаніе служитъ лучшею охраною крѣпости государства и нравственности гражданъ, то на это воспитаніе слѣдуетъ обратить особенное вниманіе. „Если люди будутъ убѣждены, что боги видятъ всѣ поступки, мысли и чувства каждаго чело-вѣка, то это удержитъ ихъ отъ нехорошихъ дѣйствій“. При религіозно-нравственномъ воспитаніи слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на окружающую ребенка обстановку и на окружающихъ его лицъ, такъ какъ то и другое имѣетъ громадное вліяніе на выработку нравственнаго направленія его.

Цицеронъ требуетъ, чтобы съ ребенкомъ обращались кротко, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовательно, настойчиво и справедливо. Дисциплина не должна быть ни слишкомъ слабой, ни слишкомъ суровой. Наказаніе должно имѣть цѣлью не карать провинившагося ребенка, а исправить его, а потому оно не должно быть унижительнымъ. Нужно остерегаться наказывать въ гнѣвѣ, такъ какъ при этомъ трудно бываетъ примѣнить такое наказаніе, которое бы соответствовало проступку питомца и вело къ достиженію цѣли — исправленію его. Къ наказанію слѣдуетъ прибѣгать точно такъ же, какъ врачъ — къ выжиганію или операциі у своего больного, т.-е. когда всѣ предварительныя мѣры уже оказались безплодными.

При умственномъ развитіи воспитанника *Цицеронъ* совѣтуетъ обращать особенное вниманіе на развитіе памяти. Для развитія ея онъ

находить полезнымъ предлагать заучивать наизусть отрывки изъ греческихъ и римскихъ писателей. Хотя питомецъ и не все понимаетъ изъ заучиваемаго, однако слухъ и языкъ его обогащаются прекрасными выраженіями, а память прекрасными мыслями, которыя впоследствии окажутъ свое дѣйствіе на его душу. Для развитія памяти, а также для успѣшности обученія Цицеронъ совѣтуетъ также прибѣгать къ мнемоническимъ средствамъ.

При выборѣ рода занятія для воспитанника необходимо сообразоваться съ его природными склонностями. Только въ томъ человѣкъ успѣетъ, къ чему онъ склоненъ по своимъ природнымъ способностямъ. „Какъ хорошіе актеры выбираютъ для себя не тѣ роли, которыя прекрасны сами по себѣ, а только тѣ, которыя сообразны съ ихъ собственнымъ талантомъ, такъ точно и при выборѣ занятія нужно останавливаться не на томъ, что почему-нибудь заманчиво, а лишь на томъ, что соответствуетъ природнымъ склонностямъ. При этомъ, конечно, нужно слѣдовать только хорошимъ, благороднымъ, а не худымъ склонностямъ. Каждый человѣкъ долженъ оставаться вѣрнымъ своему характеру въ достоинствахъ, а не въ недостаткахъ“.

Съ особенною подробностью Цицеронъ останавливается на воспитаніи оратора. Чтобы быть хорошимъ ораторомъ, необходимо имѣть сильныя способности, какъ, напр., живое воображеніе, сильную память и глубокий умъ; кромѣ того, необходимо имѣть теплое сердце и правильно развитое чувство. Сильныя душевныя способности должны быть тщательно развиты, сообразно цѣли. Подготовка къ ораторскому искусству должна начаться рано. Еще съ дѣтства нужно упражнять рѣчь будущаго оратора, т.-е. пріучать его описанію предметовъ, къ ясному мышленію и къ хорошему расположенію мыслей при разсказѣ. Хорошей подготовкой къ ораторскому искусству служить также упражненіе въ письменномъ изложеніи мыслей и изученіе образцовъ ораторской рѣчи. Кромѣ упражненія, для оратора необходимо также солидное философское образованіе.

Изученіе политики Цицеронъ, подобно Платону и Аристотелю, считаетъ умѣстнымъ только въ зрѣломъ возрастѣ, когда человѣкъ въ состояніи безпристрастно отнестись ко многимъ общественнымъ явленіямъ.

Занятію гимнастикой, а равно и занятію естественной исторіей Цицеронъ не придаетъ большого значенія. Древне-греческая гимнастика потеряла свой характеръ и, конечно, не могла представляться Цицерону цѣлесообразной. На занятіе естественными науками Цицеронъ смотритъ какъ на такое занятіе, которое можетъ отвлечь вниманіе человѣка отъ изученія болѣе важныхъ предметовъ, каковы творенія поэтовъ и ораторовъ.

Квинтиліанъ (отъ 36 до 118 по Р. Хр.) былъ профессоромъ краснорѣчія и воспитателемъ племянника императора Домиціана. Онъ съ

большою подробностью, чѣмъ даже Цицеронъ, развилъ теорію краснорѣчія и изложилъ мысли о воспитаніи оратора.

По мысли Квинтиліана, чтобы быть хорошимъ ораторомъ, нужно быть прежде всего хорошимъ человѣкомъ. Краснорѣчіе есть сильное выраженіе дѣйствительныхъ нравственныхъ убѣжденій оратора, средство отстоять ту или другую истину, то или другое нравственное начало. Безъ нравственнаго убѣжденія краснорѣчіе является преступнымъ злоупотребленіемъ дара слова. Ораторъ безъ хорошихъ нравственныхъ убѣжденій можетъ быть признанъ вреднымъ какъ для частнаго, такъ и для общественнаго блага.

Квинтиліанъ, подобно Цицерону, совѣтуетъ начать воспитаніе съ ранняго дѣтства. Особенно въ первые годы жизни слѣдуетъ обращать вниманіе на воспитательное вліяніе на ребенка. Прежде всего нужно позаботиться, чтобы приставляемая къ ребенку нянька отличалась благоразуміемъ и нравственными качествами, такъ какъ она въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ самой впечатлительной и воспримчивой жизни ребенка оказываетъ на него неотразимое вліяніе, распространяющееся какъ на тѣло, такъ и на душу его. Не нужно упускать также изъ виду говоръ няни. Ребенокъ научается такой рѣчи, какую онъ слышитъ отъ няни и окружающихъ. Если рѣчь няни и окружающихъ не правильна, неблагозвучна, то такова будетъ рѣчь и ребенка.

Товарищи для ребенка должны быть подбираемы такіе, отъ которыхъ онъ не могъ бы научиться чему-нибудь нехорошему или рѣчь которыхъ не могла бы вредно повліять на его рѣчь.

Образованіе и воспитаніе въ большей или меньшей мѣрѣ должно быть дано, по мнѣнію Квинтиліана, всѣмъ людямъ, такъ какъ всѣ люди обладаютъ способностью къ душевному развитію. „Какъ птицѣ прирождена способность летать, лошади — бѣгать, хищному животному — приходитъ въ ярость, такъ каждому человѣку прирождена способность къ мышленію и умственной дѣятельности“. Различіе здѣсь только въ степени, которая сама много зависитъ отъ степени и количества упражненій. Если случается видѣть самые ничтожные результаты воспитанія или обученія, то причину этого слѣдуетъ искать въ неумѣннѣ воспитателя или учителя, который въ своей дѣятельности не сообразуется съ индивидуальными особенностями питомца.

Квинтиліанъ, подобно Цицерону, считаетъ настоятельно необходимымъ сообразоваться при обученіи и воспитаніи съ индивидуальными особенностями питомца. „Одни ученики нуждаются въ возбужденіи, другіе же не выносятъ повелительнаго тона; однихъ страхъ подавляетъ, другимъ же придаетъ мужество; одни отъ постояннаго напряженія изнемогаютъ, другіе же, напротивъ, приобрѣтаютъ бодрость и крѣпость въ трудѣ“.

Квинтиліанъ возстаеъ противъ тѣлесныхъ наказаній, справедливо говоря, что они не исправляютъ, а только подавляютъ въ питомцѣ чувство стыда и зарождаютъ въ душѣ его чувство робости. „Кто не исправитъ питомца выговоромъ и наставленіями, тотъ ничего не сдѣлаеъ и тѣлесными наказаніями“.

Для того, чтобы учитель или воспитатель имѣлъ вліяніе на питомца, онъ долженъ обладать необходимыми для этого качествами. Учитель долженъ замѣнять для своихъ учениковъ отца, и отношенія его къ нимъ должны быть отеческія. Онъ долженъ отличатьса самообладаніемъ, справедливостью и любовью къ дѣтямъ. Онъ долженъ избѣгать насмѣшекъ надъ учениками; мало того, онъ долженъ внимательно относиться ко всѣмъ ихъ нуждамъ и затрудненіямъ.

„Неосновательно думаютъ тѣ, которые считаютъ, что для младшаго возраста пригоденъ менѣе способный и подготовленный учитель, чѣмъ для старшаго возраста. Если первоначальное обученіе поручить плохому учителю, то при дальнѣйшемъ обученіи придется затратить много времени и труда, чтобы исправить тѣ ошибки, которыя онъ надѣлалъ при обученіи“.

Квинтиліанъ считаетъ необходимымъ предварительную подготовку для учительской или воспитательской дѣятельности. Чѣмъ основательнѣе подготовленъ учитель, тѣмъ лучше онъ обучаетъ учениковъ и тѣмъ легче послѣдніе понимаютъ его.

Общественное или школьное обученіе Квинтиліанъ считаетъ выше единичнаго или домашняго обученія. Хотя при домашнемъ обученіи учитель, имѣя дѣло съ однимъ ученикомъ, легче можетъ сообразоваться съ индивидуальными его силами, чѣмъ при общественномъ обученіи, когда приходится обучать нѣсколько десятковъ дѣтей, однако общественное обученіе имѣетъ много другихъ преимуществъ. При этомъ обученіи ученикъ лучше успѣваеъ, такъ какъ онъ учится не только изъ того, что говорятъ ему лично, но также и изъ того, что говорится его товарищамъ. Замѣчанія и наставленія, дѣлаемые другимъ, приносятъ и ему пользу. Учитель, имѣя передъ собою въ классѣ много учениковъ, энергичнѣе работаетъ, чѣмъ при обученіи одного ученика. При школьномъ обученіи ученики готовятса къ общественной жизни, такъ какъ школа есть своего рода общество, гдѣ каждый долженъ сообразоваться въ своихъ поступкахъ не только съ личными желаніями и интересами, но и съ желаніями и интересами другихъ. Лучше всего, конечно, если ученики находятся подъ благотворнымъ вліяніемъ и семьи и школы; если же это невозможно, то свѣтъ хорошей школы надо предпочесть темному одиночеству семейной жизни.

II. ХРИСТИАНСКИЙ ПЕРИОДЪ.

Ко времени рожденія Спасителя въ общественную и частную жизнь грековъ и римлянъ, какъ уже сказано было, проникла нравственная порча. Въмѣстѣ съ тѣмъ и основы воспитанія поколебались. Идеалы, которыми руководились древніе греки и римляне, потеряли свое значеніе. Явился въ міръ Спаситель, чтобы обновить человѣчество, вдохнуть въ него новые, лучшіе идеалы и указать ему путь спасенія.

Воспитаніе съ христіанской точки зрѣнія.

Христіанство, сдѣлавъ всѣхъ людей сынами Божиими, тѣмъ самымъ значительно возвысило каждого человѣка, независимо отъ его общественнаго положенія. Въмѣстѣ съ тѣмъ оно пролило новый свѣтъ на воспитаніе дѣтей.

Воспитаніе ребенка, по духу Евангелія, есть извлеченіе его изъ низменности и чувственности и возвышеніе его къ божественному совершенству, чрезъ развитіе въ немъ истины, свободы и любви въ ихъ гармоническомъ единствѣ. Высшая духовная цѣль кладется въ основаніе воспитанія. „Какая польза человѣку, если соберетъ богатства всего міра, а душу свою погубить“. „Не собирайте сокровища на земли..., но собирайте сокровища на небеса“.

Къ дѣтямъ Спаситель заповѣдалъ относиться съ христіанскою любовью. Своимъ отношеніемъ къ нимъ Онъ показалъ примѣръ, какъ слѣдуетъ къ нимъ относиться. „Онъ обнялъ ихъ, возложилъ на нихъ руки и благословилъ ихъ“. Ученіе Христа требуетъ самаго гуманнаго и осторожнаго обращенія съ дѣтьми. „Смотрите, не презирайте ни одного изъ малыхъ сихъ, ибо говорю вамъ, что Ангелы ихъ на небесахъ всегда видятъ лицо Отца Моего небеснаго“ (Матѳ. XVIII, 10). „Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующаго въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему жерновой камень на шею и бросили его въ пучину морскую“ (Марк. IX, 42).

Не только отъ воспитателей и учителей, но также и отъ родителей христіанство требуетъ уваженія человѣческихъ достоинствъ дѣтей. „Отцы, не раздражайте чадъ своихъ“... Требуя, чтобы родители уважали человѣческія права дѣтей, христіанское ученіе требуетъ, чтобы и дѣти, съ своей стороны, повиновались своимъ родителямъ и наставникамъ и слушались ихъ. „Вы, дѣти, почитайте родителей вашихъ“. „Повинуйтесь наставникамъ вашимъ и будьте покорны, ибо они пекутся о душахъ вашихъ“.

Спаситель указалъ въ дѣтяхъ тѣ качества, къ пріобрѣтенію которыхъ каждый долженъ стремиться путемъ сознательной работы надъ собою. Чистота сердца, простосердечіе, скромность и способность съ любовью отзываться на все доброе—вотъ качества, къ сознательной выработкѣ которыхъ долженъ стремиться каждый взрослый. „Кто умалится, какъ это дитя, тотъ будетъ большій въ царствѣ небесномъ“.

Воспитаніе въ первые вѣка христіанства.

Христіане въ первые вѣка составляли общества, соединенныя любовью, единствомъ вѣры и единствомъ цѣли. Воспитаніе дѣтей у первыхъ христіанъ совершалось въ семьяхъ. Мать-христіанка считала своею святою обязанностью самой воспитывать своего ребенка и научить его христіанскимъ добродѣтелямъ. Примѣръ родителей и окружающихъ служилъ лучшимъ воспитательнымъ средствомъ. Читать, писать и необходимымъ свѣдѣніямъ дѣти научались большею частью тоже отъ родителей.

По мѣрѣ того, какъ христіанство распространялось, чувствовалась потребность въ школахъ для наставленія желающихъ креститься. Такія школы и стали открываться. Онѣ назывались *катехуменатами*. Въ эти школы принимались, для наставленія въ правилахъ вѣры, лица различнаго возраста и всякихъ сословій. Способъ обученія былъ катехизическій, при чемъ христіанское ученіе разбивалось на вопросы и отвѣты, что — взятое вмѣстѣ — составляло христіанскій *катехизисъ*. Учителя назывались *катехетами*, а ученики — *катехуменами*.

Для систематическаго школьнаго обученія христіанскіе мальчики иногда посѣщали языческія училища. Впрочемъ, со второго столѣтія мы уже встрѣчаемъ начальныя школы, основанныя христіанами. Въ этихъ школахъ дѣти обучались основамъ христіанскаго ученія, чтенію, письму и счету. Для высшаго образованія христіанъ была основана Александрійская школа. Эта школа вызвана, съ одной стороны, явившеюся въ христіанскомъ обществѣ потребностью высшаго образованія, а съ другой — необходимостью имѣть учителей церкви, надобность въ которыхъ чувствовалась вслѣдствіе частыхъ столкновеній христіанъ съ языческими учеными. Школа эта развилась изъ катехумената. Цѣлю ея было подготовленіе ученыхъ пастырей церкви. Сообразно съ этой цѣлью устанавливался и курсъ обученія. Богословіе и краснорѣчіе стояли въ немъ на первомъ мѣстѣ.

Обученіе и воспитаніе въ средніе вѣка.

Въ средніе вѣка монастыри служили разсадникомъ образованія. Монастыри явились какъ результатъ стремленія христіанъ удалиться отъ соблазна міра и потрудиться за монастырскими стѣнами для спасенія своей души.

Основателемъ монашества на западѣ считается Св. Бенедиктъ, устроившій монастырь близъ Неаполя. Уставъ этого монастыря послужилъ образцомъ для множества другихъ монастырей.

Многіе монастыри имѣли въ своихъ стѣнахъ школы. Школы эти по своему курсу были и низшія, и среднія, и высшія. Въ нихъ полу-

чали свое образованіе лица, готовящіеся къ занятію іерархическихъ должностей. Впрочемъ, и лица, не предназначавшіе себя къ духовной дѣятельности, нерѣдко получали въ нихъ общее образованіе. По образцу монастырскихъ школъ были учреждаемы также школы при церквахъ.

Главнымъ предметомъ обученія какъ въ монастырскихъ, такъ и въ церковныхъ школахъ былъ законъ Божій. Другіе учебные предметы играли второстепенную роль.

Мало-по-малу учебная система въ монастырскихъ и церковныхъ школахъ выработалась въ курсъ такъ называемыхъ *семи свободныхъ искусствъ* (*septem artes liberales*), которыя дѣлились на двѣ ступени обученія: *младшую* (*trivium*), состоящую изъ грамматики (латинской), діалектики и реторики, и *старшую* (*quadrivium*), состоящую изъ музыки, арифметики, геометріи и астрономіи. Само собою разумѣется, что какъ на низшей, такъ и на высшей ступени, кромѣ названныхъ предметовъ, преподавались еще религія, церковная исторія и чтеніе съ письмомъ.

Методъ обученія въ школахъ былъ чисто-механической. Все сводилось къ заучиванію наизусть. Ученики заучивали правила уже готовыми, а не выводили ихъ путемъ самодѣятельнаго мышленія. Для легчайшаго заучиванія, учебные предметы нерѣдко излагались въ стихахъ. Преобладающимъ языкомъ былъ латинскій. На немъ ученики не только изучали учебные предметы, но и должны были разговаривать между собою. Ученикъ, замѣченный въ нарушеніи требованія разговаривать въ указанные часы по-латыни, подвергался наказанію. Въ школахъ иногда происходили диспуты, которые велись на латинскомъ языкѣ.

Дисциплина въ средневѣковыхъ школахъ, особенно въ монастырскихъ, была сурова. Тѣлесныя наказанія различныхъ видовъ практиковались часто. Въ опредѣленные дни, обыкновенно по субботамъ, производилось наказаніе учениковъ, замѣченныхъ въ нарушеніи установленныхъ требованій или въ небрежномъ отношеніи къ ученію.

Несмотря на суровость дисциплины, ученикамъ все-таки представлялись извѣстные дни для отдыха и развлеченій. Въ праздничные дни ученики давали представленія мистерій, совершали прогулки, ходили съ процессіей къ чтимымъ народомъ мѣстамъ.

Нравы учениковъ мало смягчались наказаніями. Ученики отличались грубостью. Драки учениковъ одного класса съ учениками другого класса были явленіемъ обыденнымъ. Нерѣдко драки переносились и на улицу. Отъ школьниковъ страдали иногда и горожане, такъ что городская администрація должна была принимать мѣры противъ расходившихся школьниковъ.

Каждая школа находилась въ вѣдѣніи *схоластера* или *схоласстика*. Онъ производилъ экзамены, подвергалъ провинившихся учени-

ковъ наказанію, опредѣлялъ курсъ ученія, и т. п. Ему подчинялись *ректоры* или *магистеры*, которые занимались собственно преподаваніемъ учебныхъ предметовъ. Ректоры или магистеры имѣли себѣ помощниковъ изъ старшихъ учениковъ, которые должны были какъ въ школахъ, такъ и внѣ ея имѣть строгій надзоръ за подчиненными имъ младшими товарищами. Пѣнію въ школахъ обучали *кantorы*. Они же по большей части прислуживали при богослуженіи.

Монастырскихъ и церковныхъ школъ было крайне недостаточно для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Дѣятельность этихъ школъ была мало замѣтна. Не только простой народъ, но очень часто и лица высшихъ сословій не умѣли ни читать ни писать. Нужны были энергичныя мѣры для поднятія въ народѣ образованія. Къ такимъ мѣрамъ и прибѣгъ Карлъ Великій для насажденія образованія въ своемъ обширномъ государствѣ.

Карлъ Великій.

Карлъ Великій задался мыслью поднять нравственный и умственный уровень своего народа. Онъ сознавалъ, что для этого необходимо поднять образованіе народа. Для поднятія его онъ прежде всего сталъ заставлять духовенство прилежнѣе относиться къ дѣлу обученія въ монастырскихъ и церковныхъ школахъ. Епископамъ онъ предписывалъ заботиться объ учрежденіи школъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ ихъ еще не было. Священники обязаны были обучать дѣтей своего прихода закону Божію, чтенію и письму.

Для высшаго образованія Карлъ В. учредилъ при своемъ дворѣ высшую школу, въ которой обучались принцы и дѣти знатныхъ придворныхъ лицъ и знатнаго дворянства. Школа эта была нѣчто въ родѣ академіи. Наставники ея обязаны были не только обучать своихъ учениковъ, но и заниматься разработкой науки. Дворцовая школа служила мѣстомъ, откуда распространялось просвѣщеніе во все стороны. Самъ Карлъ В., не получившій образованія въ молодые годы, началъ обучаться чтенію, письму, счету и другимъ учебнымъ предметамъ уже въ возмужаломъ возрастѣ. Любя просвѣщеніе, онъ покровительствовалъ занимавшимся науками и привлекалъ въ свой дворецъ ученыхъ того времени. Такъ, напр., изъ Англіи онъ вызвалъ извѣстнаго ученаго Алкуина.

Воспитаніе рыцарей.

Въ средніе вѣка возникло сословіе рыцарей. Воспитаніе въ этомъ сословіи представляло свои особенности. Направленіе, которое выработалось въ монастырскихъ школахъ, не могло удовлетворять рыца-

рей. Для послѣднихъ нужно было не столько изученіе такъ называемыхъ „семи свободныхъ искусствъ“, сколько умѣнье ѣздить верхомъ, владѣть оружіемъ, стрѣлять изъ лука, плавать, охотиться и сочинять и пѣть пѣсни. Сообразно съ потребностями рыцарей велось и воспитаніе лицъ, подготовляющихся къ этому званію.

До семи лѣтъ мальчикъ жилъ въ домѣ своихъ родителей, подъ ближайшимъ руководствомъ матери, которая обращала вниманіе на развитіе рѣчи и манеръ своего сына. Игры, которымъ онъ свободно отдавался въ домѣ родителей, были подражаніемъ упражненіямъ на турнирахъ.

По достиженіи семи лѣтъ мальчика передавали въ чужое благородное семейство. Чѣмъ выше было происхожденіе мальчика, тѣмъ въ знатнѣйшій домъ его отдавали. Лица самыхъ знатныхъ фамилій старались пристроить своихъ сыновей ко дворцу короля. Живя, въ званіи пажа, во дворцѣ или въ замкѣ, мальчикъ пріучался ко всему благородному, изящному, рыцарскому. Въ рыцаряхъ замка онъ видѣлъ для себя идеаль, къ которому долженъ былъ стремиться. Хозяйка дома, которой онъ долженъ былъ прислуживать, внушала ему пламенную ревность къ религіи и слѣдила за его нравственностью. Собранія блестящихъ рыцарей и дамъ, состязанія пѣвцовъ и въ замкѣ содѣйствовали эстетическому воспитанію пажа.

Съ четырнадцатилѣтняго возраста пажъ былъ посвящаемъ въ *оруженосцы*. Посвященіе свершалось торжественно. Юноша въ бѣломъ одѣяніи, съ горящими свѣчами, подводился къ алтарю. Здѣсь священникъ съ молитвою вручалъ ему шпагу и шарфъ и такимъ образомъ посвящалъ его въ оруженосцы. Со времени своего посвященія оруженосецъ обязанъ былъ находиться при своемъ рыцарѣ и оказывать ему необходимыя услуги. Онъ подводилъ ему коня, придерживалъ стремя, когда онъ садился; встрѣчалъ и провожалъ гостей рыцаря и оказывалъ имъ услуги; при путешествіяхъ рыцаря оруженосецъ всюду сопровождалъ его. Отъ оруженосца требовалось, чтобы онъ говорилъ всегда съ утонченной вѣжливостью, чтобы былъ предупредителенъ ко всѣмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы держалъ себя съ достоинствомъ. Игры, которымъ отдавались оруженосцы, укрѣпляли и закаляли ихъ тѣло, развивали въ нихъ храбрость и возбуждали въ нихъ стремленіе прославиться. Такимъ образомъ эти игры подготовляли ихъ къ состязанію на турнирахъ.

Съ 22-го года оруженосецъ былъ посвящаемъ въ рыцари, если былъ этого достоинъ. Ударъ мечомъ по плечу отъ руки его государя сообщалъ ему рыцарское достоинство. Въ этомъ званіи молодой человекъ давалъ обѣтъ любить истину, служить правдѣ, чтить Бога, защищать религію и сражаться съ врагами Христа, вѣрно служить своему феодальному государю, защищать слабыхъ, угнетенныхъ, въ особенности вдовъ и сиротъ, быть честнымъ, благороднымъ и защищать

честь своихъ товарищей, охранять отъ оскорбленій свою даму и жертвовать для нея всёмъ, даже, если понадобится, своею жизнью.

Многіе рыцари для осуществленія своихъ рыцарскихъ обѣтовъ совершали странствованія по различнымъ мѣстамъ; нѣкоторые же для той же цѣли поступали въ монашескіе ордены.

Самымъ замѣтнымъ элементомъ въ жизни рыцарскаго сословія былъ эстетическій. Пѣніе и игра высоко цѣнились рыцарями. Многіе рыцари сами были пѣвцами. Собранія и пиры рыцарей непременно сопровождались пѣніемъ и музыкой. Иногда пѣвцы вступали въ состязаніе между собою.

Но, несмотря на свой блескъ, рыцари не имѣли школъ. Они обучали своихъ дѣтей у своего священника, который училъ ихъ читать, писать и иногда латинскому языку. Знатные рыцари получали образованіе въ дворцовой школѣ. Большая же часть рыцарей ограничивалась домашнимъ обученіемъ. Если нужно было дать будущему рыцарю болѣе солидное образованіе, то родители посылали его въ монастырскую или церковную школу. Но съ теченіемъ времени въ монастырскихъ школахъ все рѣже и рѣже стали появляться лица, готовящіяся къ рыцарскому званію. вмѣстѣ съ тѣмъ все больше и больше увеличивалось число рыцарей, не умѣющихъ ни читать ни писать. Это послужило одною изъ причинъ паденія рыцарства. Къ тому же повели и другія историческія причины, какъ, напр., образованіе городского сословія, которое, благодаря своему трудолюбію, приобрѣло матеріальную и нравственную силу и могло противопоставить себя рыцарству. Изобрѣтеніе пороха, организація войска и усиленіе верховной власти, въ свою очередь, тоже способствовали паденію рыцарства, и къ XVI стол. оно совершенно пало.

Городское сословіе и городскія училища.

Благодаря, съ одной стороны, трудолюбивой промышленной и торговой дѣятельности, а съ другой—нѣкоторымъ льготамъ, даннымъ королями городамъ, городское сословіе приобрѣло значеніе. Образованіе ремесленныхъ цеховъ или корпорацій еще болѣе способствовало усиленію городского сословія. Цехи эти имѣли цѣлью покровительствовать процвѣтанію ремесль. Цехи различныхъ городовъ и даже различныхъ странъ составили между собой союзы, чѣмъ облегчалась членамъ цеховъ возможность переѣзда изъ одной страны въ другую и ускорялось распространеніе всякаго усовершенствованія въ мануфактурной дѣятельности.

Вмѣстѣ съ усиленіемъ своего матеріальнаго благосостоянія городскія общества обратили вниманіе и на образованіе. Они сознавали, что для практической дѣятельности мало пригодны монастырскія или

духовныя школы, а потому стали устраивать свои городскія школы, курсъ которыхъ удовлетворялъ бы потребностямъ ремесленнаго и торговаго сословія. Школы эти назывались „школами письма“. Въ нихъ обучали читать и писать на родномъ языкѣ и составлять дѣловыя бумаги. Кромѣ того, обучали счету и необходимымъ для торговой и ремесленной дѣятельности свѣдѣніямъ изъ географіи, исторіи и естествознанія. Объемъ обученія этимъ предметамъ значительно зависѣлъ, впрочемъ, отъ подготовки учителя. Со временемъ ввели въ городскія школы преподаваніе латинскаго языка и тѣмъ измѣнили народный ихъ характеръ. — Изъ городскихъ школъ впоследствии образовались во Франціи коллегіи, а въ Германіи—бюргерскія (городскія) школы.

Городскія школы, несмотря на то, что были чисто свѣтскія заведенія, не могли освободиться отъ вліянія духовенства. Духовенство считало, что только ему одному принадлежитъ право завѣдывать народнымъ образованіемъ. Городскія власти не желали допустить вмѣшательства духовенства въ свои школы. Отсюда происходили нерѣдко пререканія между духовенствомъ и городскими властями.

Учителями въ городскихъ школахъ были большею частью лица, мало подготовленныя къ своей дѣятельности. Это были или изгнанные изъ службы чиновники, или монахи, или удаленные отъ должности причетники, и т. п. лица, не нашедшія себѣ болѣе выгодной дѣятельности. Впрочемъ, лучшихъ учителей въ то время негдѣ было взять. Содержаніе учителямъ полагалось очень ограниченное, такъ что они должны были пополнять недостатокъ своихъ средствъ или посторонними занятіями, или подарками (приношеніями) отъ родителей учениковъ.

Мѣста учителей были непрочны. Постоянныхъ учителей при школахъ не было. Вслѣдствіе этого, учителя переходили изъ города въ городъ, предлагая городскимъ обществамъ свои услуги. Отсюда получили начало такъ называемые „странствующие учителя“.

Въ это же время возникло и странствованіе школьниковъ изъ города въ городъ, съ цѣлью услышать лучшихъ учителей и поучиться чему-нибудь новому. Эти странствованія показываютъ, что въ то время въ обществѣ пробудилось уже стремленіе къ знанію.

Странствующие школьники, отроки и юноши, при переходахъ своихъ, составляли группы въ нѣсколько человекъ. Младшіе школьники обязывались прислуживать старшимъ и быть въ ихъ, такъ сказать, вассальной зависимости. Нерѣдко случалось, что странствующие школьники не имѣли средствъ къ жизни и должны были пропитываться или подаяніемъ, или даже воровствомъ, что называлось на школьномъ языкѣ „стрѣльбой“; отсюда самихъ школьниковъ народъ прозвалъ „стрѣлками“.

Университеты.

Въ средніе вѣка получили свое начало университеты. Они образовались отъ сгруппированія лицъ, ищущихъ знанія, около мужей, способныхъ по своимъ познаніямъ и способностямъ сообщать другимъ познанія и руководить ихъ умственными трудами.

Первые университеты открыты въ Болоньѣ (въ XI в.), съ цѣлью изученія преимущественно юридическихъ наукъ, и въ Салерно (въ концѣ XI в.) для изученія медицины. Около того же времени основана была въ Парижѣ высшая школа, которая впоследствии превратилась въ университетъ, когда въ ней собрались представители разныхъ наукъ со своими школами и аудиторіями и образовали одно цѣлое. Въ парижской высшей школѣ главнымъ образомъ изучались теологическія науки. Школа эта приобрѣла такую извѣстность, что въ нее собирались учиться изъ всѣхъ государствъ Европы.

Съ XIV столѣтія начали учреждать университеты и въ другихъ государствахъ Европы, и къ концу XV столѣтія ихъ въ одной Германіи было уже до пятнадцати.

Нѣтъ сомнѣнія, что, несмотря на схоластическое направленіе, отъ котораго наука не могла скоро отрѣшиться, университеты оказали большое вліяніе на образованіе въ Европѣ. Вліяніе ихъ особенно отразилось въ такъ называемомъ „возрожденіи древне-классическихъ наукъ и искусствъ“, или, какъ иначе говорятъ, въ „возрожденіи классицизма“.

Возрожденіе классицизма.

Съ XIV столѣтія возникаетъ въ Европѣ стремленіе къ изученію древне-римскихъ и древне-греческихъ наукъ и искусствъ. Стремленіе это зародилось въ Италіи и затѣмъ перешло во Францію, Германію и Англію.

Средневѣковая наука не могла удовлетворять лицъ, ищущихъ просвѣщенія и истиннаго знанія. Такія лица напали на изученіе древнихъ произведеній и нашли здѣсь болѣе богатую пищу для своей души. Увлечшись сами изученіемъ древнихъ классиковъ, они увлекли за собой и другихъ. Древне-греческіе и римскіе философы и поэты изучались не въ переводѣ или въ извлеченіи, а въ подлинникѣ. Признакомъ образованности стало считаться знаніе древнихъ классическихъ языковъ и знакомство съ древнею словесностью.

Изучая словесныя произведенія, стали знакомиться также съ бытомъ и жизнью древнихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ стали старательно собирать древне-греческія и древне-римскія рукописи.

Въ литературѣ началось подражаніе произведеніямъ древнихъ. Къ XVI-му столѣтію выработалась теорія, по которой только тѣ произведенія признавались хорошими, которыя по формѣ походили на произведенія древнихъ. Направленіе это называется *ложно-классическимъ* направленіемъ словесности.

Само собою разумѣется, что общее увлеченіе изученіемъ древне-греческихъ и древне-римскихъ словесныхъ произведеній должно было оказывать вліяніе и на школу. Кромѣ того изученіе этихъ произведеній, расширяя умственный кругозоръ и развивая критическое мышленіе, должно было подготавливать реформацію.

Изъ лицъ, особенно способствовавшихъ возрожденію классицизма и изученію древне-классическихъ произведеній, замѣчательны — въ Италиі: Петрарка, Боккачіо, Медичи — Козьма и Лаврентій; въ Нидерландахъ и въ Германіи: Іоаннъ Вессель, Эразмъ Роттердамскій, Рудольфъ Агрикола, Іоаннъ Рейхлинъ и др. Изъ педагоговъ этого времени обращаетъ на себя особенное вниманіе итальянецъ Викторинъ Фельтрскій, о которомъ и скажемъ.

Викторинъ Фельтрскій.

Викторинъ Фельтрскій (отъ 1378 до 1446 г.) — ученый филологъ и замѣчательный воспитатель. Онъ былъ профессоромъ философіи и реторики въ Падуанскомъ университетѣ, потомъ содержалъ воспитательное заведеніе и наконецъ былъ воспитателемъ сыновей маркграфа Гонзаго. Принявшись за послѣднюю дѣятельность, онъ ограничилъ роскошь, которая окружала его питомцевъ, удалилъ отъ нихъ лишніе слугъ и подчинилъ ихъ жизнь извѣстной правильности и строгости. Питомцы его имѣли не совсѣмъ хорошую выправку. Первый былъ толстъ, неповоротливъ и очень обжорливъ; другой былъ тощъ, высокъ и крайне неловокъ въ своихъ движеніяхъ. Посредствомъ соблюденія гигиеническихъ условій и многочисленныхъ тѣлесныхъ упражненій онъ исправилъ эти ихъ недостатки. Онъ приучалъ питомцевъ переносить холодъ и жаръ и довольствоваться самою легкою одеждою. „Вы должны, говаривалъ онъ, приучить себя ко всѣмъ неудобствамъ жизни, такъ какъ не знаете, въ какомъ положеніи очутитесь со временемъ“. Показывая собой питомцамъ примѣръ, неприхотливости въ столѣ, онъ требовалъ, чтобы и они довольствовались неизысканной, но здоровой пищею. Викторинъ прилагалъ особенную заботливость о тѣлесной осанкѣ питомцевъ: онъ полагалъ, что всякій, имѣющій претензію на хорошее воспитаніе, долженъ стараться имѣть благородную и приличную осанку. Всякое неряшество, всякая неприличная манера, всякій неумѣстный жестъ — возбуждали въ немъ

глубокое отвращеніе, и онъ боролся противъ дурныхъ тѣлесныхъ привычекъ тѣмъ съ большею настойчивостію, что думалъ, что онѣ благоприятствуютъ дурнымъ нравственнымъ наклонностямъ. Слишкомъ большую тучность онъ считалъ неблагоприятнымъ для душевнаго развитія человѣка, а потому и предупреждалъ образованіе ея, заставляя учениковъ вставать рано. Ничто, по его мнѣнію, такъ не благоприятствуетъ ранней тучности, какъ долгое спанье.

Обученіе, по требованію Викторина, должно возбуждать пріятныя чувства у учениковъ, такъ чтобы удовольствіемъ облегался трудъ, который необходимо приложить при обученіи. При обученіи грамотѣ Викторинъ пользовался подвижными буквами, нарисованными на табличкахъ.

При воспитаніи Викторинъ старался узнать индивидуальныя особенности своего питомца и сообразно этимъ особенностямъ руководилъ имъ и подготавливалъ его къ той или другой дѣятельности. Чтобы изучить индивидуальныя особенности и склонности своихъ воспитанниковъ, онъ становился къ нимъ въ прямыя, откровенныя отношенія, такъ что натуры ихъ высказывались предъ нимъ вполне. Онъ старался дѣйствовать на своихъ воспитанниковъ сколько наставленіемъ, столько же и собственнымъ примѣромъ. Его личность обаятельно дѣйствовала на его воспитанниковъ.

Относясь съ любовью къ дѣлу обученія, онъ всегда прилежно готовился къ урокамъ и передавалъ ихъ въ такой формѣ, какая въ данномъ случаѣ была наиболѣе цѣлесообразной. Онъ не успокаивался до тѣхъ поръ, пока его ученики не усваивали сообщенное имъ. Онъ любилъ, когда ученики спрашивали у него объясненія того, что они не поняли, или же высказывали ему свои сомнѣнія относительно сказаннаго имъ. Онъ тщательно разсматривалъ всѣ работы своихъ учениковъ и похвалы и порицанія распределялъ съ строгою справедливостію. Онъ не одобрялъ, но и не отвергалъ поэтическихъ опытовъ, которые были тогда въ модѣ. Онъ думалъ, согласно съ Цицерономъ, что избытокъ жизни, кипящей въ молодомъ человѣкѣ, долженъ имѣть возможность выразиться, и что возрастъ, опытность и ученіе научатъ его быть умѣреннымъ въ писаніи стиховъ.

Когда онъ задавалъ сочиненія, то предлагалъ своимъ ученикамъ прочесть нѣсколько образцовыхъ отрывковъ о предметахъ, относящихся къ предмету сочиненія.

При чтеніи поэтовъ или философовъ онъ заставлялъ нѣсколько разъ прочитывать громкимъ голосомъ болѣе трудныя мѣста. Степень выразительности чтенія ученика указывала его тонкому чутью, насколько тотъ понимаетъ читаемое. Онъ исправлялъ дурное произношеніе и съ энергіею преслѣдовалъ каждое грубое или крикливое уда-

реніе. Онъ предпочиталъ эпическія произведенія лирическимъ, такъ какъ думалъ, что первыя укрѣпляютъ характеръ человѣка, предлагая ему мужественныя и героическія типы; вторыя же изнѣживаютъ его характеръ, развивая въ немъ болѣзненную чувствительность и мечтательность. Онъ охотно заставлялъ учениковъ учить наизусть поэтическія или прозаическія отрывки, когда они были ими поняты. Во время занятій онъ требовалъ отъ учениковъ полнаго вниманія и по выраженію лица легко опредѣлялъ, кто внимателенъ и кто нѣтъ.

Изъ сказаннаго видно, что Викторинъ былъ лучшимъ въ свое время учителемъ и воспитателемъ, и, конечно, долженъ былъ оказывать неотразимое вліяніе на своихъ учениковъ.

Лютеръ.

Лютеръ былъ не только реформаторомъ германской церкви, но и сподвижникомъ народнаго образованія. Онъ сознавалъ, что реформа церкви можетъ надлежащимъ образомъ осуществиться только въ такомъ случаѣ, когда будетъ обращено серьезное вниманіе на образованіе и воспитаніе юношества.

Мартинъ Лютеръ родился въ Эйслебенѣ въ 1483 году. Отецъ его былъ рудокопъ. Мартинъ сначала учился въ школахъ въ Мансфельдѣ, а потомъ въ Эйзенахѣ, гдѣ пробылъ 4 года. 18-ти лѣтъ (въ 1501 г.) онъ поступилъ въ Эрфуртскій университетъ, гдѣ изучалъ Цицерона, Virgilію, а также диалектику и физику. 20-ти лѣтъ (въ 1503 г.) онъ получилъ степень бакалавра, а чрезъ два года получилъ степень магистра. На 23-мъ году своей жизни онъ поступилъ въ бенедиктинскій монастырь, гдѣ чрезъ два года былъ рукоположенъ въ священники. Въ монастырѣ онъ усердно изучалъ священное писаніе и творенія отцовъ церкви. Въ 1508 году онъ преподавалъ въ Виттенбергскомъ университетѣ философію, а съ слѣдующаго года сталъ преподавать въ томъ же университетѣ богословіе. Въ этомъ же году онъ посланъ былъ монастыремъ, къ которому принадлежалъ, въ Римъ, къ папѣ, по дѣламъ монастыря. Въ Римѣ онъ былъ возмущенъ равнодушіемъ высшаго духовенства къ религіи, его лѣнью и пороками. Въ 1512 году Лютеръ получилъ степень доктора богословія, и чрезъ пять лѣтъ (въ 1517 г.) прибилъ къ дверямъ дворцовой церкви свои 95 положеній противъ индульгенцій и продажи ихъ Тецелемъ. Положенія эти были встрѣчены сочувственно—и началась реформація. Въ 1520 году Лютеръ сжегъ папскія декреталии и буллу, отлучившую его отъ церкви, и, такимъ образомъ, окончательно отделился отъ папы. Чрезъ два года онъ перевелъ на нѣмецкій языкъ Новый завѣтъ, а въ 1524 году разослалъ свое посланіе къ членамъ

магистратовъ всѣхъ городовъ Германіи, приглашая ихъ основывать и охранять христіанскія школы. Въ 1546 году Лютеръ умеръ въ Эйслебенѣ, проживъ 62 года. Вся его трудовая жизнь посвящена была дѣлу церкви и народнаго образованія.

Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ (проповѣдяхъ, посланіяхъ, толкованіяхъ Священнаго Писанія и друг.) Лютеръ касается воспитанія дѣтей въ семьѣ и въ школахъ.

Относительно воспитанія въ семьѣ Лютеръ говоритъ, что существенная обязанность родителей—воспитывать своихъ дѣтей. Хорошее воспитаніе своихъ дѣтей онъ ставитъ выше другихъ нравственныхъ подвиговъ. „Кто не заботится о правильномъ воспитаніи своихъ дѣтей, а подвизается лишь въ постѣ и ношеніи грубой одежды, тотъ походить на Евреевъ, которые покидали храмъ Божій, чтобы приносить жертвы на горахъ“.

Повиновеніе и покорность дѣтей родителямъ Лютеръ ставитъ необходимымъ условіемъ правильнаго воспитанія. „Если въ семьѣ нѣтъ послушанія дѣтей къ родителямъ, то нѣтъ никакой возможности рассчитывать на прочное его утвержденіе въ общественной жизни, а слѣдовательно не можетъ быть хорошаго управленія ни въ отдѣльномъ городѣ, ни въ цѣломъ государствѣ. Въ семьѣ родилась идея власти и легла въ основаніе управленія городомъ, общиною, государствомъ. Если корень не хорошъ, то нельзя ожидать крѣпкаго ствола и хорошихъ плодовъ. Точно также, если въ семьѣ нѣтъ порядка, подчиненія, то не будетъ его и въ городѣ или въ государствѣ, ибо изъ дѣтей выйдутъ впослѣдствіи граждане, которые должны будутъ или подчиняться, или управлять“.

Лютеръ требуетъ отъ дѣтей не рабскаго страха, а разумнаго повиновенія. „Слѣдуетъ заботиться о томъ, говоритъ онъ, чтобы дѣти воспитывались такъ, чтобы они боялись только того, чего дѣйствительно слѣдуетъ бояться, а не дѣлались трусливыми. Трусливость можетъ принести имъ вредъ на всю жизнь. Не нужно пугать дѣтей тѣмъ, чего не слѣдуетъ бояться. Запуганное дитя будетъ нерѣшительнымъ во всемъ, что ни придется ему дѣлать; оно будетъ всю жизнь дрожать, даже отъ шелеста листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ“.

Воспитаніе, по мнѣнію Лютера, должно начаться съ самаго ранняго (младенческаго) возраста. „Заблуждаются тѣ родители, которые думаютъ, что пока ихъ дѣти малы и не знаютъ, что дѣлаютъ, не слѣдуетъ взыскивать за ихъ проступки. Вѣдь и собака, и лошадь, и осель также не знаютъ, что дѣлаютъ, однако ихъ учатъ носить вещи, дѣлать тѣ или другія движенія, и они научаются. Камень, кусокъ дерева также не понимаютъ, на что они годны, однако мастеръ даетъ имъ форму и дѣлаетъ изъ нихъ полезныя вещи. Точно также роди-

тели могутъ дать дѣтямъ хорошее направленіе, хотя послѣднія еще не понимаютъ многого“.

Нѣкоторые родители, по замѣчанію Лютера, хотя и заботятся о воспитаніи своихъ дѣтей, но даютъ имъ не хорошее, истинное, а худое, ложное воспитаніе. Вмѣсто образованія ума и сердца, они полагаютъ всю заботу лишь о томъ, чтобы научить дѣтей хорошимъ манерамъ, танцамъ, сдѣлать ихъ ловкими. Такіе родители приносятъ дѣтямъ не пользу, а вредъ.

Вредъ приносятъ своимъ дѣтямъ также и такіе родители, которые, желая, чтобы ихъ дѣти сдѣлались храбрыми, позволяютъ имъ бить и обижать своихъ товарищей. „Конечъ такихъ дѣтей часто бываетъ очень печаленъ“.

Наибольшій же вредъ приносятъ дѣтямъ тѣ лица, которыя въ присутствіи ихъ позволяютъ себѣ говорить что-нибудь такое, что можетъ поселить въ нихъ нехорошія представленія или мысли. „Тяжко грѣшатъ тѣ, которые позволяютъ въ присутствіи юныхъ мальчиковъ или дѣвочекъ произносить непристойныя слова. Такіе люди будутъ повинны во всѣхъ тѣхъ грѣхахъ, которые произойдутъ въ дѣтяхъ вслѣдствіе ихъ непристойныхъ рѣчей. Нежный и неопытный возрастъ весьма легко можетъ быть запятнанъ подобными рѣчами и, что еще хуже, эти рѣчи весьма долго не забываются. Такъ пятно, образовавшееся на чистомъ и тонкомъ сукнѣ, въѣдается въ него гораздо крѣпче, чѣмъ образовавшееся на толстомъ и жесткомъ сукнѣ, и смыть его съ перваго несравненно труднѣе, чѣмъ со втораго“... „Слѣдуетъ приложить особенное стараніе къ тому, чтобы неопытные мальчики и дѣвочки не видѣли и не слышали ничего сквернаго, потому что они и безъ того имѣютъ много страстей въ своей крови. Если огонь не хотятъ тушить водою, а напротивъ усиливаютъ его другимъ огнемъ, что доброе изъ этого можетъ выйти? Къ несчастію, можно найти злыхъ людей, которые занимаются ремесломъ дьявола и губятъ невинныя души дѣтей своими ядовитыми и срамными словами. Мальчикъ или дѣвочка не могутъ искоренить въ себѣ однажды ими услышанное скверное слово. Сѣмя посеяно и пускаетъ корни въ ихъ сердце, даже вопреки ихъ воли. Оно возрастаетъ и производитъ странныя и удивительныя помыслы, въ которыхъ подобныя дѣти не могутъ даже признаться и отъ которыхъ, несмотря на то, они не могутъ освободиться. Горе тому, кто въ простодушное сердце влилъ ядъ. Господь грозитъ страшнымъ наказаніемъ такому дѣтоубійцѣ“.

Лютеръ не одобряетъ уединеніе дѣтей отъ сверстниковъ и вообще отъ другихъ людей. Онъ говоритъ, что при монашескомъ, изолированномъ образѣ жизни невозможно достигнуть всесторонняго образованія и полнаго духовнаго развитія. Юношеству въ такой же степени нужны

радость и забавы съ сверстниками, въ какой степени имъ необходимо принимать пищу. Въ подтвержденіе своей мысли Лютеръ ссылагается на царя Соломона, который не возбранялъ юношеству обращаться между людьми и быть веселыми. „Молодого человѣка, удаленнаго отъ людей, втиснутаго въ узкую рамку монастырской жизни, можно уподобить молодому, нѣжному деревцу, могущему приносить плоды, но посаженному въ горшокъ“. „Молодымъ людямъ нужно позволять не только все слышать и видѣть, но и приобрѣтать собственнымъ опытомъ различныя знанія, наблюдая только, чтобы къ нимъ не привилось что-нибудь порочное и нечистое“.

Случается иногда, что, несмотря на стараніе родителей хорошо воспитывать своихъ дѣтей, послѣднія выходятъ влыми. Лютеръ совѣтуетъ родителямъ въ такихъ случаяхъ не отчаиваться, не прекращать своихъ воспитательныхъ трудовъ и утѣшаться сознаніемъ, что они исполняли и исполняютъ передъ Богомъ свои обязанности относительно своихъ дѣтей.

О школьномъ обученіи Лютеръ говоритъ преимущественно въ своемъ посланіи къ бургомистрамъ и членамъ городскихъ совѣтовъ, разосланномъ, какъ уже сказано, въ 1524 году. Въ этомъ посланіи онъ убѣдительно совѣтуетъ городскимъ властямъ позаботиться объ открытіи школъ. „Ради блага народа, говоритъ онъ, необходимо, чтобы не только лица, стремящіяся къ духовному званію, но и всѣ граждане получали въ школахъ основательное образованіе, а потому необходимо устраивать школы въ каждомъ городѣ, мѣстечкѣ и селеніи, вездѣ, гдѣ живутъ люди“. „Если ежегодно употребляется много средствъ и труда для изготовленія оружія, для проведенія дорогъ, для устройства мостовъ и тому подобныхъ предметовъ городского благоустройства, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ употреблять ихъ для образованія и воспитанія въ школахъ юношества“... Благосостояніе городовъ зависитъ не столько отъ количества собранныхъ въ нихъ сокровищъ, не столько отъ крѣпкихъ стѣнъ, сколько отъ воспитанія живущихъ въ нихъ гражданъ и отъ умѣнья ихъ добывать себѣ богатства и пользоваться ими. Наибольшаго благосостоянія города достигаютъ только при посредствѣ образованныхъ и благоразумныхъ гражданъ, а потому-то первая обязанность общинъ заключается въ созданіи всѣхъ благопріятныхъ условій для школьнаго дѣла. Въ этомъ высшая цѣль гражданъ болѣе высокая, чѣмъ веденіе войны, сооруженіе крѣпостей и проложеніе дорогъ“. „Наибольшій грѣхъ въ мірѣ, достойный сильнѣйшаго наказанія, — это пренебреженіе воспитаніемъ дѣтей. Ежедневно дѣти рождаются и растутъ у насъ, но нѣтъ никого, кто принялся бы за воспитаніе и образованіе ихъ“... „Мнѣ стыдно за насъ, христіанъ, когда приходится слышать: „образованіе нужно только для духовныхъ и не нужно для

свѣтскихъ“. Развѣ все равно, будетъ ли князь, владѣтель, чиновникъ—невѣжда, или человекъ воспитанный, способный по-христіански исполнять обязанности своего званія? Для благосостоянія страны нужны какъ образованные мужчины, такъ и образованныя женщины. Первые нужны, чтобы хорошо управлять страной, водворять въ ней правду и порядокъ, а вторые необходимы для правильнаго веденія хозяйства въ домѣ и для хорошаго воспитанія дѣтей. Но для того, чтобы имѣть образованныхъ мужчинъ и женщинъ, необходимы школы. Правительство и городскія власти должны взять на себя обязанность учреждать и поддерживать ихъ. Если предоставить дѣло образованія молодого поколѣнія родителямъ, то придется сотню разъ умереть прежде, чѣмъ дѣло совершится“... „Никто не долженъ отговариваться тѣмъ, что у дѣтей нѣтъ времени посѣщать школу, такъ какъ они должны помогать при домашнихъ работахъ. Если дѣти находятъ время для шалостей, танцевъ и для другихъ развлеченій, то найдутъ время для посѣщенія школы“. „Каждога мальчика слѣдуетъ отправлять на часъ или на два въ школу, съ тѣмъ, чтобы остальное время онъ занимался работою дома, приучался къ ремеслу“... „Правительство обязано принуждать гражданъ отдавать дѣтей къ обученію въ школы, если они сами отказываются отъ этого. Если правительство въ правѣ принуждать гражданъ къ военной службѣ, то тѣмъ болѣе оно въ правѣ заставлять ихъ посылать дѣтей въ школу“.

Изъ учебныхъ предметовъ, которые должны имѣть мѣсто въ школѣ, Лютеръ впереди ставитъ Священное Писаніе. „Въ высшихъ и низшихъ школахъ предпочтительно передъ всѣми прочими предметами изученія должно быть Священное Писаніе, и для младшаго возраста—Евангеліе“. „Не слѣдуетъ ли каждому христіанину, уже на девятомъ или десятомъ году жизни, знать все святое Евангеліе? Едѣ отъ него онъ получилъ и названіе и жизнь“... „Гдѣ не господствуетъ Священное Писаніе, туда, поистинѣ, не слѣдуетъ посылать своихъ дѣтей“.

Послѣ Священнаго Писанія Лютеръ ставитъ изученіе латинскаго, греческаго и еврейскаго языковъ. „Эти языки служатъ хранителями Священнаго Писанія, сосудами, наполненными религіозными истинами. Если мы допустимъ погибнуть языкамъ, смыслъ Священнаго Писанія затемнится болѣе и болѣе и небесный напитокъ истощится“. Само собою разумѣется, что изученіе языковъ Лютеръ предназначаетъ не для низшей или начальной, а для высшей ступени обученія.

Исторія Лютеръ придаетъ тоже большое значеніе. Она, по его словамъ, поучаетъ примѣрами, раскрываетъ судьбы народовъ и проявленіе воли Божьей.

Не отвергаетъ Лютеръ и реальныя предметы. „Мы, по Божіей милости, начинаемъ познавать Его великія дѣла и чудеса даже и изъ

пѣтковъ, когда размышляемъ, сколь всемогущъ и милостивъ Господь. Въ Его твореніяхъ познаемъ мы всемогущество и силу Его слова“.

Физическимъ упражненіямъ и музыкѣ Лютеръ тоже отводитъ надлежащее мѣсто. „Древніе весьма умно установили занимать юношей физическими упражненіями и музыкой, чтобы отвлекать вниманіе ихъ отъ всего дурного“. Физическія упражненія укрѣпляютъ тѣло и даютъ ему стройную форму. Музыка разсѣваетъ дурные помыслы, душевные огорченія, она исправляетъ и смягчаетъ нравы, дѣлая людей болѣе снисходительными, кроткими и благоправными. Всѣ дѣти должны изучать въ школѣ музыку. „Учитель долженъ умѣть обучать пѣнію, въ противномъ случаѣ онъ не можетъ быть учителемъ“.

Кромѣ просьбы устроить и организовать школы, Лютеръ также ратовалъ за необходимость учреждать библіотеки и книжные склады. „Я просилъ бы устраивать хорошія библіотеки и книжные склады, въ которыхъ должны имѣть мѣсто лучшія книги, каковы: Библія на латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ, книги, служащія къ изученію языковъ, классическія сочиненія и грамматики, книги, въ которыхъ излагается о медицинѣ, юриспруденціи, — хроники и исторіи, изъ которыхъ можно было бы узнать, что дѣлалось или что дѣлается на Божьемъ свѣтѣ“.

Переводъ на нѣмецкій языкъ Священнаго Писанія, сдѣланный Лютеромъ, оказалъ въ свою очередь, значительное вліяніе на образованіе народа. Желаніе читать Библію на понятномъ отечественномъ языкѣ служило сильнымъ стимуломъ къ пріобрѣтенію грамотности. Не менѣе сильнымъ стимуломъ къ пріобрѣтенію ея служило также установленіе, что къ пріобщенію Св. Таинствъ могутъ приступить только тѣ лица, которыя имѣютъ удостовѣреніе въ знаніи основныхъ догмъ христіанской религіи и молитвъ. Съ переводомъ Библіи, отечественный языкъ мало-по-малу занимаетъ въ школахъ подобающее ему мѣсто.

Установленіе, по которому протестантскіе священники могутъ быть женатыми, сблизивъ духовенство съ обществомъ, способствовало также поднятію дѣла народнаго образованія и воспитанія. Находясь на высшей ступени умственнаго и нравственнаго развитія, протестантскіе священники, воспитывая своихъ дѣтей на началахъ добродѣтели, тѣмъ самымъ подавали своимъ прихожанамъ примѣръ хорошаго образованія и воспитанія дѣтей.

Ратуя за народное образованіе, Лютеръ вмѣстѣ съ тѣмъ ставитъ высоко насадителя этого образованія — школьнаго учителя. „Откуда, спрашиваетъ онъ, могли бы взятъ юристы, проповѣдники, врачи, если бы не было школьныхъ учителей?“ „Усерднаго, благочестиваго школьнаго учителя, честно воспитывающаго и обучающаго дѣтей, никогда нельзя достаточно ни одѣнить, ни вознаградить, съ этимъ согласенъ

даже язычник Аристотель. Нѣкоторые же лица, считающіеся христианами, думаютъ иначе; напрасно они считаютъ себя христианами!“ „Что касается лично меня, продолжаетъ Лютеръ, то, я, если бы обстоятельства заставили меня оставить священническое званіе, желалъ бы сдѣлаться только школьнымъ учителемъ, ибо не знаю болѣе полезной, высокой дѣятельности, чѣмъ дѣятельность учителя. Я не знаю даже, кого поставить выше—священника или школьнаго учителя.“

Меланхтонъ. Троцендорфъ. Штурмъ.

Одновременно съ Лютеромъ трудились для нѣмецкой школы, преимущественно средней и высшей, три замѣчательныя личности: Меланхтонъ, Троцендорфъ и Штурмъ. Скажемъ о каждомъ изъ нихъ.

Филиппъ Меланхтонъ (отъ 1497 до 1560 г.) родился въ герцогствѣ Баденскомъ. Первые уроки онъ получилъ отъ своего дѣда. „Дѣтъ мой, говоритъ Меланхтонъ, заставлялъ меня усердно учиться: всякій разъ, какъ только я дѣлалъ ошибку, онъ наказывалъ меня, и изъ меня вышелъ грамматикъ“. Извѣстный филологъ Рейхлинъ былъ дядей Филиппа. Этотъ дядя нерѣдко приходилъ въ восторгъ отъ успѣховъ своего племянника и, по обычаю ученыхъ того времени, перевелъ его первоначальную фамилію Шварцердъ (черная земля) на греческій языкъ, назвавъ его *Меланхтономъ*.

Двѣнадцати лѣтъ молодой Меланхтонъ вступилъ въ Гейдельбергскій университетъ. Черезъ два года послѣ своего вступленія туда онъ получилъ степень бакалавра. Изъ Гейдельберга онъ перешелъ въ Тюбингенъ—для продолженія ученія. На 17-мъ году жизни онъ получилъ степень магистра. Успѣхи его въ изученіи наукъ были поразительны. Ни одна область извѣстныхъ въ то время наукъ не была ему чужда. Но спеціальнымъ предметомъ его изученія были древніе языки.

Въ 1518 году Меланхтонъ, по приглашенію курфирета Фридриха Мудраго, занялъ должность профессора греческаго языка въ Виттенбергскомъ университетѣ. Здѣсь онъ сдружился съ Лютеромъ. Несмотря на разность характеровъ, дружба ихъ была самая крѣпкая, искренняя. Они принимали другъ въ другъ самое близкое, родственное участіе. Всегда спокойный, миролюбивый, робкій, боявшійся слѣдствій разрыва церквей, старавшійся согласовать противоположныя мнѣнія въ вопросахъ церкви, Меланхтонъ при Лютерѣ игралъ роль примирителя. Онъ по складу своего характера желалъ бы уклониться отъ всякихъ споровъ, однако невольно былъ вовлеченъ въ водоворотъ реформаци. Уступая просьбѣ своего друга, онъ согласился читать лекціи по богословію.

Меланхтонъ приобрѣлъ извѣстность главнымъ образомъ своими лекціями. Студенты изъ всѣхъ государствъ Европы прїѣзжали слушать его.

Кромѣ своей профессорской дѣятельности, Меланхтонъ издалъ и перевелъ множество греческихъ и латинскихъ писателей и составилъ руководства по латинской и греческой грамматикѣ, по діалектикѣ, риторикѣ и философіи. Далѣе, онъ составилъ множество рѣчей, въ которыхъ возбуждалъ охоту къ занятію тѣмъ или другимъ учебнымъ предметомъ. Наконецъ, своими совѣтами лицамъ, обращающимся къ нему съ различныхъ концовъ Европы съ вопросами относительно постановки образованія въ странѣ, много способствовалъ водворенію изученія древнихъ языковъ и вообще постановкѣ средняго и высшаго образованія въ Европѣ.

Валентинъ Фридрихъ Троцендорфъ (отъ 1490 до 1556 г.) родился въ деревнѣ Троцендорфъ (близъ Горлица), отъ которой получилъ свое названіе. Онъ обучался сначала въ горлицкой школѣ, а потомъ въ Лейпцигѣ, гдѣ изучалъ преимущественно латинскій и греческій языки. Два года, съ 1516-го по 1518-й, онъ былъ учителемъ въ горлицкой школѣ. Религіозное движеніе, поднятое Лютеромъ, побудило Троцендорфа переѣхать въ Виттенбергъ, гдѣ онъ примкнулъ къ кружку Лютера и Меланхтона. Съ 1529 года онъ занялъ мѣсто сначала учителя, а потомъ ректора въ гольдбергской школѣ. Въ послѣдней должности онъ состоялъ въ продолженіи 23-хъ лѣтъ и довелъ школу до такого блестящаго состоянія, что не только со всѣхъ концовъ Германіи, но также и изъ другихъ государствъ ученики поступали въ его школу и считали своею славой обучаться въ ней.

Устройство троцендорфовой школы было крайне своеобразно. Къ управленію школой Троцендорфъ привлекъ самихъ учениковъ.

Школа раздѣлялась на шесть классовъ, которые подраздѣлялись на отдѣленія. Изъ учениковъ выбирались должностныя лица въ школѣ. Такъ, *экономы* должны были заботиться о чистотѣ и порядкѣ въ учебныхъ залахъ и спальняхъ, *эфоры* обязаны были слѣдить за порядкомъ въ столовой. Каждое отдѣленіе имѣло своего *квестора*, обязанность котораго состояла въ наблюденіи за аккуратнымъ посѣщеніемъ учениками уроковъ, въ оказываніи помощи слабымъ ученикамъ, и т. п.

Во главѣ всѣхъ квесторовъ стоялъ *оберъ-квесторъ*. Квесторы избирались еженедѣльно, а оберъ-квесторы—ежемесячно. Сдавая свою обязанность, они должны были произнести рѣчь на латинскомъ языкѣ о всемъ случившемся въ періодъ ихъ квесторства.

Для обсужденія проступковъ учениковъ Троцендорфъ учредилъ *сенатъ*, состоящій изъ двѣнадцати *судей*, двухъ *цензоровъ* и одного *консула*, выбираемыхъ ежемѣсячно изъ числа учениковъ.

Каждый провинившийся ученикъ долженъ былъ оправдываться передъ сенатомъ. Для приготовленія оправдательной рѣчи ему давали недѣлю. Если обвиняемому удавалось очистить себя отъ обвиненія; онъ былъ оправдываемъ, въ особенности если произносилъ оправдательную рѣчь по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства. Если же онъ не могъ оправдаться, его обвиняли.

Троцендорфъ всегда присутствовалъ въ засѣданіяхъ суда въ званіи *постояннаго диктатора*. Онъ торжественно объявлялъ приговоръ суда и бдительно слѣдилъ за исполненіемъ его.

Для наказаній употреблялись линейка, карцеръ и лира, или скрипка (деревянная доска на подобіе скрипки, съ которой провинившийся ученикъ долженъ былъ стоять у позорнаго столба). Денежныя пени были изгнаны, такъ какъ онѣ чувствительны болѣе родителямъ, чѣмъ провинившимся ученикамъ.

Отъ учениковъ школы требовалось благочестіе, исполненіе христіанскихъ обрядовъ, посѣщеніе церкви, прилежаніе, послушаніе, избѣганіе божбы, клятвы, сквернословія и суевѣрія. Въ школѣ уничтожалось всякое сословное различіе между учениками. Всѣ ученики были равными и всѣ одинаково подчинялись школьнымъ правиламъ.

Обученіе въ школѣ шло согласно съ требованіемъ того времени. Латинскій языкъ составлялъ существенную часть обученія. Въ школѣ всѣ говорили по-латыни, даже слуги и служанки. „Явившемуся туда легко могло показаться, что онъ не въ нѣмецкой школѣ, а въ Латціумѣ“. Нѣмецкій языкъ не былъ употребляемъ въ школѣ. Кромѣ латинскаго языка, обучали Священному Писанію, греческому языку, діалектикѣ, реторикѣ, философіи и музыкѣ.

Цѣлью обученія въ школѣ, по мысли Троцендорфа, служило подготовленіе къ занятію науками въ университетѣ.

Въ старшихъ классахъ преподавалъ самъ Троцендорфъ со своими помощниками; въ младшихъ же классахъ онъ поручалъ обучать ученикамъ старшихъ классовъ. Такимъ образомъ, и въ дѣлѣ обученія, какъ и въ дѣлѣ воспитанія, Троцендорфъ прибѣгалъ къ помощи своихъ учениковъ.

Организовавъ изложеннымъ образомъ обученіе и воспитаніе въ школѣ, Троцендорфъ настойчиво поддерживалъ эту организацію. По складу своего характера онъ совершенно способенъ былъ поддерживать установленный имъ строй школы. Обладая въ высшей мѣрѣ тактомъ, онъ не допускалъ обратиться въ шутку введенную имъ школьную организацію; не допускалъ также учениковъ безъ достаточной серьезности относиться къ отправленію возложенныхъ на нихъ обязанностей. Меланхтонъ совершенно справедливо выразился о немъ, что „онъ былъ созданъ для управленія школою, какъ Сципіонъ Африканъ“.

скій (старшій) созданъ былъ былъ полководцемъ арміи“. Сплотивъ учениковъ и учителей въ одну крѣпкую, единодушную корпорацію, Троцендорфъ велъ эту корпорацію по намѣченному и вполне сознаваемому имъ плану.—Ясно, что такая только личность, какою былъ Троцендорфъ, могла вести установленный въ школѣ порядокъ, и что порядокъ этотъ долженъ былъ мало-по-малу рушиться съ уходомъ изъ школы Троцендорфа.

Въ 1554 году пожаръ уничтожилъ Гольдбергъ съ его школой. Троцендорфъ удалился вмѣстѣ съ учениками въ Лигницъ, съ цѣлью дожидаться здѣсь возобновленія гольдберговскихъ школьныхъ зданій. Но въ 1556 году, когда онъ во время урока объяснялъ ученикамъ слова 22-го псалма: „Аще бо пойду и посередъ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси“, — онъ былъ пораженъ апоплектическимъ ударомъ. Падая, онъ воскликнулъ: „Теперь я отхожу въ другую школу!“ Черезъ пять дней онъ скончался на 70-мъ году своей жизни. Смерть его оплакивали не только его ученики и сослуживцы, но также и тѣ многія лица, которымъ онъ при своей жизни благодетельствовалъ, раздавая большую часть своего дохода.

Иванъ Штурмъ (отъ 1507 до 1589 г.) родился въ Рейнской Пруссіи, обучался въ Лувенѣ и въ Парижѣ. Въ 1537 году онъ перѣхалъ въ Страсбургъ, гдѣ ему поручено было устроить вновь открытую гимназію. Устройству гимназіи онъ отдался всецѣло и поставилъ ее на высшую въ то время степень. Датчане, итальянцы, португальцы, испанцы, поляки, англичане, нѣмцы и французы отправляли своихъ дѣтей учиться въ Страсбургскую гимназію. Въ ней считалось болѣе тысячи учениковъ.

Обученіе и воспитаніе Штурмъ раздѣляетъ на три періода: семейный, гимназическій и академическій.

До семи лѣтъ дитя развивается дома, подъ ближайшимъ руководствомъ матери, которая заботится о чистотѣ его рѣчи, направляетъ первые его шаги и впечатлѣваетъ въ немъ элементарныя знанія.

Съ семи до шестнадцати лѣтъ отроки, желающіе пользоваться выгодами научнаго просвѣщенія, должны посѣщать гимназію—для изученія латинскаго языка и для выработки изящества рѣчи. Въ теченіе этого времени они находятся подъ непосредственнымъ и постояннымъ надзоромъ учителей, которые ихъ воспитываютъ, задаютъ имъ уроки, объясняютъ, исправляютъ, спрашиваютъ и заставляютъ рассказывать.

Съ шестнадцати до двадцати-одного года молодые люди, окончившіе гимназію, совершенствуются въ высшей школѣ (въ академіи). Здѣсь предоставляется большая свобода занятіямъ студентовъ. Профессоръ излагаетъ науку, а студенты слушаютъ.

Говоря вообще, задача школьнаго обученія, по мнѣнію Штурма, должна состоять въ выработкѣ скромности, знанія и искусства рѣчи. „Мудрая и краснорѣчивая скромность есть конечная цѣль ученія“. „Учившійся отличается отъ неученаго своимъ разумомъ и своею рѣчью; поэтому, знаніе вещей, чистота и украшеніе рѣчи составляютъ цѣль научнаго образованія, и къ достиженію этой цѣли должны всѣми силами стремиться какъ учащіе, такъ и учащіеся“.

Гимназія Штурма раздѣлялась сначала на 9, а впоследствии на 10 классовъ. Главнымъ предметомъ обученія былъ латинскій языкъ. Преподавались также богословіе, греческій языкъ, діалектика, риторика. *)

*) Приведемъ здѣсь программу курсовъ различныхъ классовъ гимназіи Штурма. Программа эта можетъ дать представленіе вообще о курсѣ ученія въ гимназіяхъ XVI столѣтія.

10-й (самый младшій) классъ. Форма и произношеніе буквъ. Обученіе чтенію. Начало латинскихъ склоненій и спряженій. Ученіе наизусть нѣмецкаго катехизиса, такъ какъ дѣти еще не понимаютъ по-латыни.

9-й классъ. Латинскія склоненія и спряженія, правильныя и неправильныя. Ученіе наизусть латинскихъ словъ, употребляемыхъ въ обыденной жизни. Слова каждаго урока должны быть выучиваемы вмѣстѣ съ фразами. Этимъ ученіемъ Штурмъ желалъ пополнить пробѣлы перваго воспитанія, которое не снабжало ребенка латинскими словами, какъ дѣлалось это въ римскихъ семействахъ.

8-й классъ. Продолженіе изученія употребительныхъ словъ. Восемь частей рѣчи. Склоненія и спряженія—въ связи съ изученіемъ предложенія. Чтеніе и объясненіе нѣкоторыхъ писемъ Цицерона. Составленіе латинскихъ фразъ. Къ концу года упражненія въ слогахъ.

7-й классъ. Латинскій синтаксисъ. Ежедневное чтеніе писемъ Цицерона, съ повтореніемъ синтаксическихъ правилъ. Упражненіе въ составленіи сочиненій. По воскресеньямъ переводъ нѣмецкаго катехизиса на латинскій языкъ.

6-й классъ. Повтореніе пройденнаго въ предшествовавшихъ классахъ. Переводъ писемъ Цицерона на нѣмецкій яз. Переводъ стиховъ. Продолженіе перевода катехизиса. Чтеніе нѣкоторыхъ писемъ св. Иеронима. Начало обученія греческому языку.

5-й классъ. Стихосложеніе. Мнѣологія. Чтеніе Цицерона, Катона, Ливія и Эклога Виргилія. Изученіе греческихъ словъ. Упражненіе въ слогахъ и латинскомъ стихосложеніи. Переводъ ораторскихъ отрывковъ—сначала на нѣмецкій, потомъ на латинскій языкъ. Объясненіе одного краткаго посланія св. Павла.

4-й классъ. Ученики этого класса, зная грамматику латинскую и греческую и будучи снабжены значительнымъ запасомъ словъ, значеніе которыхъ ясно и подкрѣплено примѣрами, должны были много читать, учить наизусть, объяснять, и т. д. Читаютъ письма Горация. По-гречески продолжаютъ грамматику и читаютъ собраніе примѣровъ. Упражненія въ слогахъ. По субботамъ и воскресеньямъ ученики читаютъ и перефразировываютъ посланія св. Павла.

3-й классъ. Повтореніе. Риторика: фигуры разматриваются на примѣрахъ. Чтеніе лучшихъ рѣчей Демосеена, потомъ Гомера, именно Одиссеи и первой пѣсни Иліады. Чтеніе и заучиваніе отрывковъ изъ греческихъ и латинскихъ ораторовъ. Переложеніе на другой ритмъ стихотвореній Пиндара и Горация. Составленіе стиховъ, писемъ. Представленіе комедій Плавта и Теренція. Всѣ пьесы этихъ двухъ поэтовъ должны быть представлены въ четырехъ высшихъ классахъ.

2-й классъ. Ученики, подъ руководствомъ учителя, объясняютъ греческихъ ораторовъ и поэтовъ. Особенности поэтическаго и ораторскаго языка. Диалектика и риторика изучаются по рѣчамъ Цицерона и Демосеена. Ежедневныя упражненія въ слогахъ. По воскресеньямъ—чтеніе и разучиваніе посланія Апостола Павла къ римлянамъ. Представленіе комедій Теренція и Плавта и нѣкоторыхъ сценъ изъ Аристофана, Еврипида и Софокла.

1-й классъ. Продолженіе діалектики и риторики. Виргилій, Гораций, Гомеръ; переводъ Оукидида и Саллюстія. Ежедневныя драматическія представленія. Письменныя упражненія учениковъ должны быть составляемы по всѣмъ правиламъ искусства. Ученики объясняютъ посланія св. Павла и передѣлываютъ наиболѣе замѣчательныя риторическіе образцы.

Учебный планъ Страсбургской гимназіи представляетъ полное развитіе тоглашняго гимназическаго учебнаго курса вообще. Большая часть гимназій въ различныхъ странахъ были организованы по образцу Страсбургской гимназіи. Даже іезуитскія школы, какъ увидимъ, походили по своему устройству на гимназію Штурма.

Въ 1567 году была учреждена, по плану Штурма, при Страсбургской гимназіи *академія*, ректоромъ которой былъ Штурмъ. Академія эта занимала среднее мѣсто между гимназіей и университетомъ.

Иезуитскія школы.

Одновременно съ распространеніемъ протестантизма образовалось Общество Іисуса (іезуиты), имѣвшее своей задачей противодѣйствовать ему поддержаніемъ и распространеніемъ католицизма и папской власти. Общество это образовано Игнатіемъ Лойолой, родившимся шесть лѣтъ спустя послѣ рожденія Лютера (въ 1491 г.).

Для достиженія своей цѣли—поддержанія католицизма и папской власти и противодѣйствія протестантизму—іезуиты прибѣгали къ воспитанію и образованію юношества въ началахъ католической церкви, къ исповѣди и къ проповѣди.

Для образованія и воспитанія юношества они учреждали школы. Число іезуитскихъ школъ быстро возрастало не только въ католическихъ, но и въ некатолическихъ странахъ. Чрезъ сто лѣтъ послѣ своего возникновенія орденъ имѣлъ въ Европѣ до 900 школъ. Въ XVII-мъ столѣтіи іезуиты раскинули по всей Европѣ цѣлую сеть своихъ школъ и учреждений. Вездѣ, гдѣ только представлялась возможность, они учреждали свои школы, заботясь, впрочемъ, болѣе объ образованіи въ нихъ высшаго и средняго сословія, чѣмъ низшаго.

Зная, съ какой силой вліяетъ на людей образованіе и воспитаніе, іезуиты не гнушались никакими средствами для расширенія круга своей воспитательской дѣятельности. Расширяя кругъ своей дѣятельности, они употребляли всѣ мѣры, чтобы подавить все, что противодѣйствовало ихъ дѣятельности. Учреждая свои школы, они старались устранить не только протестантскія, но и тѣ католическія учебныя заведенія, которыя расходились съ ними въ цѣли.

Иезуитскія школы устраивались по „Плану воспитанія и образованія юношества“, выработанному въ 1588 году пятью отцами и затѣмъ, по испытаніи, обнародованному въ 1599 году генераломъ ордена Клавдіемъ Аквавивою. Въ первой половинѣ XVIII столѣтія и въ 30-хъ годахъ XIX столѣтія означенный планъ былъ въ частностяхъ передѣльваемъ, сообразно съ требованіемъ времени, но въ существенномъ онъ оставался неприкосновеннымъ. „Ничего существен-

наго нельзя измѣнить въ планѣ, котораго превосходство доказано двухвѣковымъ опытомъ“, выразился генераль ордена по поводу послѣдней передѣлки плана.

Сообразно „Плану“, школы іезуитовъ раздѣлялись на два отдѣленія: I) *низшее* (*studia inferiora*) и *высшее* (*studia superiora*). Каждая школа находилась въ завѣдываніи ректора, которому подчинялись два префекта, по одному на отдѣленіе.

1) *Низшее отдѣленіе* (*studia inferiora*), соответствовавшее гимназіи, состояло изъ пяти классовъ: I—низшій классъ грамматики, II—средній классъ грамматики, III—высшій классъ грамматики (синтаксисъ), IV—классъ словесныхъ наукъ и V—классъ реторики. Курсъ первыхъ четырехъ классовъ былъ годичный, курсъ же пятаго класса—двухгодичный.

Главнымъ предметомъ обученія въ іезуитскихъ школахъ былъ латинскій языкъ. Цѣлью школы было научить учениковъ говорить, читать и писать по-латыни,—на языкѣ, принятомъ для совершенія богослуженія у всѣхъ католическихъ народовъ. „Ученики должны владѣть латынью, какъ живымъ языкомъ. Не знаніе синтаксиса, а преимущественно упражненіе въ примѣненіи синтактическихъ правилъ и искусство въ рѣчи и письмѣ составляютъ цѣль обученія грамматикѣ“,—сказано въ „Планѣ воспитанія и образованія“.

Для пріученія учениковъ къ латинской рѣчи употреблялись „книги, въ которыхъ латинскія слова, фразы и діалоги собраны въ достаточномъ числѣ и расположены въ надлежащемъ порядкѣ“. Для той же цѣли установлено было, чтобы ученики какъ между собою, такъ и съ наставниками разговаривали не иначе, какъ на латинскомъ языкѣ. Замѣченный въ употребленіи родной рѣчи подвергался наказанію. „Того ученика, который выразился на своемъ отечественномъ языкѣ, сказано въ „Планѣ“,—должно принуждать носить какой-либо позорный знакъ и, сверхъ того, подвергать какому-нибудь наказанію, если онъ не успѣлъ въ то же время передать его своему товарищу, попавшемуся въ томъ же въ школѣ или на улицѣ“.

Для поднятія въ глазахъ учениковъ значенія латинскаго языка предписывалось наставникамъ „постоянно восхвалять изящество этого языка и ставить ученикамъ на видъ, что постыдно для воспитанниковъ латинской школы не знать по-латыни“.

Ученики іезуитскихъ школъ изучали древнихъ латинскихъ писателей не столько ради изученія быта и жизни древнихъ римлянъ, сколько ради изученія языка и усовершенствованія слога. „Для насъ языческіе писатели классической старины имѣютъ служебную роль, именно служатъ къ усовершенствованію въ слогѣ. Помощью классическихъ писателей долженъ совершенствоваться *слогъ и ничего болѣе, ничего иного*“.

Образцовымъ слогомъ считался слогъ Цицерона, вслѣдствіе чего сочиненія его изучались во всѣхъ классахъ. Уклоненіе отъ цicerоновскаго слога считалось нарушеніемъ установленныхъ правилъ и подвергалось порицанію.

Наставники іезуитскихъ школъ упражняли своихъ учениковъ въ писаніи латинскихъ стиховъ, что способствовало также къ усвоенію ими латыни и къ выработкѣ ихъ слога. При составленіи стиховъ ученики обыкновенно передѣлывали стихотворенія Virgilія, Овидія и другихъ римскихъ поэтовъ.

Практиковалось также въ школахъ—разучиваніе и исполненіе учениками драматическихъ произведеній на латинскомъ языкѣ. Для игры учениковъ избирались не произведенія древнихъ поэтовъ, а произведенія іезуитовъ, написанныя для учениковъ и приворованныя къ цѣли.

Кромѣ латинскаго, въ іезуитскихъ школахъ обучали также и греческому языку, хотя этотъ послѣдній не имѣлъ такого значенія, какъ латинскій языкъ.

Математика, географія, отечественный языкъ и музыка хотя и имѣли мѣсто во многихъ іезуитскихъ школахъ, однако не имѣли въ нихъ большого значенія.

Различнаго рода свѣдѣнія іезуиты сообщали своимъ ученикамъ на урокахъ такъ называемой „эрудиціи“, составлявшей особый ученый предметъ. „Эрудиція“ составляла сводъ свѣдѣній изъ всевозможныхъ областей. „Школьная эрудиція должна заимствовать свое содержаніе изъ исторіи и этнографіи народовъ, изъ сочиненій различныхъ авторовъ и вообще изъ наукъ; сюда именно входятъ: басни и историческіе рассказы древности, оракулы, изреченія мудрецовъ, примѣры военной хитрости, знаменитые подвиги, изобрѣтенія, нравы и учрежденія народовъ, эмблемы, поэтическое искусство, прорицанія и проч.“.

Въ „Планѣ“, передѣланномъ въ началѣ XIX столѣтія, сказано, что, для „соотвѣтствія потребностямъ времени, необходимо прибавить нѣсколько новыхъ предметовъ къ главному обученію, а именно—математическія науки, физику и родной языкъ“.

2) *Высшее отдѣленіе* (*studia superiora*) соотвѣтствовало высшему учебному заведенію и содержало въ себѣ курсъ философіи, для прохожденія котораго полагалось два или три года, и курсъ богословія, для прохожденія котораго полагалось четыре года.

Въ философскомъ курсѣ изучались логика, философія, ионика, элементы Эвклида и географія.

Въ богословскомъ курсѣ преподавались священное писаніе, сочиненія 70 толковниковъ, ученіе о таинствахъ и обрядахъ, и т. п.

Профессора въ своемъ изложеніи не должны были касаться ничего такого, что могло подрывать авторитетъ папы или что не согласова-

лось съ ученіемъ католической церкви. Въ случаѣ же необходимости коснуться спорныхъ вопросовъ, они должны были подбирать доказательства правоты католическаго ученія и неправоты ученія другихъ церквей.

Программы курсовъ преподаванія подлежали утвержденію высшей іезуитской власти. Безъ такого утвержденія профессоръ не имѣлъ права преподавать свой предметъ.

Изъ приведеннаго плана обученія въ іезуитскихъ школахъ видно, что онъ въ существенныхъ чертахъ сходится съ планомъ обученія въ школахъ Штурма и въ другихъ протестантскихъ школахъ.

Но не планомъ обученія, а направленіемъ воспитанія и дисциплиной іезуитскія школы отличались какъ отъ протестантскихъ, такъ и отъ всякихъ другихъ школъ.

Укажемъ, каково было направленіе воспитательной дѣятельности іезуитовъ и къ какимъ средствамъ они прибѣгали при своей воспитательной дѣятельности.

Прямой задачей воспитанія въ іезуитскихъ школахъ было—выработать изъ воспитываемаго юношества покорныхъ слугъ папы и преданныхъ членовъ ордена іезуитовъ и католической церкви.

Религіозное воспитаніе, направленное сообразно цѣли, считалось наиболѣе вѣрнымъ къ тому средствомъ. „Религія, сказано въ „Планѣ“, должна быть основаніемъ и вершиной всякаго ученія и воспитанія, ихъ душой и вѣнцомъ“. Отъ наставниковъ требовалось, чтобы они подавали своимъ ученикамъ примѣръ религіозности и требовали отъ нихъ проявленія ея. „Наставники должны побуждать своихъ учениковъ изливать свои чувства передъ Богомъ и Его Святыми въ определенныхъ молитвахъ, которыя они, для избѣжанія скуки, должны или прочитывать по книгѣ, или произносить на память, или же творить въ умѣ, мысленно“.

За недостаточно ясное, наглядное выраженіе религіозности на учениковъ налагалось наказаніе, состоящее въ исполненіи такихъ или иныхъ дѣйствій благочестія. „Кто не исполняетъ какой-либо религіозной обязанности, тотъ въ наказаніе долженъ или предаваться въ молельнѣ нѣкоторое время молитвѣ, или присутствовать на поздней обѣднѣ, или прийти въ церковь на раннюю обѣдню“.

Наказывая за недостаточно наглядное исполненіе религіозныхъ обязанностей, іезуитскіе наставники хвалили и превозносили тѣхъ, которые проявляли набожность. „Блистающіе особенною набожностью должны быть восхваляемы и публично отличаемы“, сказано въ „Планѣ“.

Изложенные способы воспитанія религіознаго чувства хотя и вели къ цѣли, поставленной іезуитами, однако не согласны съ истиннохристіанскимъ благочестіемъ. Спаситель съ упрекомъ отнесся къ фари-

семя, которые молились и постились для того, чтобы ихъ видѣли люди. Онъ предписалъ изливать свои чувства передъ Богомъ не для показа передъ другими, а втайнѣ, и творить дѣла благочестія такъ, чтобы лѣвая рука не знала, что дѣлаетъ правая.

Имѣя въ виду сдѣлать изъ своихъ питомцевъ послушныхъ сыновъ папы и ордена, иезуиты съ особенной настойчивостью требовали отъ нихъ проявленія послушанія и покорности. Ученики безусловно подчинялись своимъ учителямъ, учителя—префектамъ и т. д. „Воля же всѣхъ и каждаго, сказано въ „Планѣ“,—должна слиться съ волею единой главы—генерала ордена. Воля послѣдняго должна почитаться и выполняться, какъ воля самого Иисуса Христа“.

Желая выработать изъ своихъ питомцевъ такихъ людей, которые всегда готовы стать защитниками интересовъ не общества, а лишь ордена и папы, иезуиты не прилагали особенной заботы къ воспитанію въ нихъ дружбы и любви къ товарищамъ; напротивъ, они вели дѣло воспитанія юношества такъ, что каждый ученикъ долженъ былъ смотрѣть на своихъ товарищей съ чувствомъ недовѣрія и недоброжелательства. Каждый ученикъ видѣлъ въ своемъ товарищѣ соперника, котораго слѣдовало для собственнаго благополучія превзойти или котораго слѣдовало унижить, хотя бы путемъ доноса. Доносы въ иезуитскихъ школахъ имѣли полное свое примѣненіе. Выше уже сказано, что каждый ученикъ для избавленія себя отъ „позорнаго значка и наказанія“ старался поймать товарища въ разговорѣ на отечественномъ языкѣ, чтобы свалить на него означенный „значокъ и наказаніе“. Не считалось предосудительнымъ и даже дозволялось подвести товарища къ разговору на недозволенномъ языкѣ, чтобы свалить на него „значокъ и наказаніе“. Школа, такимъ образомъ, подготовляла къ системѣ доносовъ, практиковавшейся въ орденѣ, въ которомъ все управленіе, какъ свидѣлствуетъ историкъ иезуитъ Маріанъ, основывалось на доносахъ, которыми заражены были всѣ и все, такъ что ни одинъ изъ братьевъ не могъ довѣрять другому.

Для побужденія учениковъ къ занятію учебными предметами и точному исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей, иезуитскіе наставники разжигали въ нихъ соперничество и соревнованіе. „Кто умѣетъ, сказано въ „Планѣ“, искусно возбуждать соревнованіе, тотъ, поистинѣ, обладаетъ вѣрнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ для успѣшнаго веденія обученія учениковъ въ школѣ. Наставнику необходимо умѣть обладать этимъ средствомъ и употреблять его къ дѣлу“. Преписывалось „Планомъ“ говорить ученикамъ почаще, что „ничто не заслуживаетъ большаго почтенія, какъ изъ года въ годъ превосходить себя равнаго въ знаніи и, наоборотъ, ничто не можетъ быть болѣе постыднымъ, какъ быть превзойденнымъ себя подобнымъ“.

Для ближайшаго соревнованія каждому ученику назначался соперник, котораго онъ долженъ стараться превзойти.

Къ возбужденію соревнованія между учениками служило, между прочимъ, избраніе изъ болѣе успѣвающихъ и исправныхъ учениковъ на почетныя въ школѣ должности—магистровъ, преторовъ, цензоровъ, декуріоновъ и др. Въ почетныя должности производили въ своихъ школахъ, какъ видѣли, и Троцендорфъ, и Штурмъ, но ни тотъ, ни другой не имѣли въ виду разжигать этимъ честолюбіемъ своихъ учениковъ и заражать ихъ соперничествомъ.

Къ возбужденію соревнованія и соперничества служило у іезуитовъ также торжественное награжденіе учениковъ, превзошедшихъ своихъ товарищей въ учебныхъ занятіяхъ и въ проявленіи благочестія. „Раздача наградъ,—сказано въ „Планѣ“,—должна производиться при всевозможныхъ приготовленіяхъ и при многоядномъ собраніи. Распределенію наградъ должно предшествовать соответственное драматическое представленіе, послѣ котораго герольды превозглашаютъ имена награждаемыхъ, въ порядкѣ ихъ заслугъ. Вызванный выходитъ впередъ, на средину зала, и при общемъ одобреніи получаетъ отъ рукъ старшаго награду. При этомъ раздающій награды или кто-нибудь изъ членовъ школьной корпораціи произноситъ награждаемому похвальное слово, заранѣе приготовленное и просмотрѣнное префектомъ“.

Къ той же цѣли вело также размѣщеніе учениковъ въ классѣ по ихъ успѣхамъ, при чемъ лучшіе ученики занимали переднія мѣста, а слабѣйшіе—на заднихъ скамейкахъ. Ученики, занимавшіе мѣста на первыхъ скамейкахъ, пользовались большимъ почетомъ не только въ классѣ, но и за стѣнами школы. „Должно быть приказано ученикамъ,—читаемъ мы въ „Планѣ“,—чтобы они вездѣ оказывали надлежащій почетъ и уступали болѣе видное мѣсто тѣмъ, которые сидятъ на переднихъ мѣстахъ въ школѣ“.

Имена учениковъ, исполнившихъ талантливо какую-нибудь работу или вообще превзошедшихъ въ чемъ-нибудь другихъ, записывались на нарочно устроенныхъ доскахъ, „дабы воспоминаніе объ удавшейся работѣ сохранилось для вѣчной славы имени производителя въ царствѣ науки“.

Превознося и восхваляя успѣвающихъ учениковъ, іезуитскіе наставники не скупились на унижительныя наказанія для учениковъ слабоуспѣвающихъ. Въ каждомъ классѣ стояла въ углу особая скамейка, называемая „адскою лѣстницей“ или другимъ постыднымъ названіемъ. Сидящій на ней заклеименъ былъ мѣткою позора. Впрочемъ, онъ могъ освободиться отъ позорной скамьи, „если сдачею заданнаго урока или лучшею обработкой письменнаго сочиненія побѣждалъ другого“.

Кромѣ „адской лѣстницы“, были употребляемы также „черная доска“, на которой, для позора, записывались плохіе ученики, и „дурацкій колпакъ“ или „ослиныя уши“, которые надѣвались на голову лѣнивыхъ и небрежныхъ учениковъ.

Къ тѣлеснымъ наказаніямъ іезуиты прибѣгали рѣдко. Членамъ общества Іисуса запрещено было собственноручно наказывать учениковъ, чтобы тѣмъ не уронить свое достоинство и не потерять значеніе авторитета въ глазахъ учениковъ. Для совершенія тѣлеснаго наказанія, если нужно было прибѣгнуть къ нему, при каждой школѣ состоялъ особый „исправитель“ (corrector). „Пусть учитель, сказано въ „Планѣ“, никого не бьетъ собственными своими руками, а для наказанія розгами, въ случаяхъ, допускаемыхъ „Планомъ“, должно имѣть особаго исправителя, не принадлежащаго къ корпораціи учителей“.

Для того, чтобы наставники осмотрительно прибѣгали къ наказаніямъ, въ „Планѣ“ помѣщенъ такой совѣтъ: „Пусть каждый наставникъ не забываетъ слѣдующаго: тѣ, возрастъ и состояніе которыхъ онъ теперь считаетъ слабымъ и незначительнымъ, и на которыхъ, можетъ быть, смотритъ презрительно, стануть въ непродолжительномъ времени юношами и мужчинами и, какъ это случается съ судьбами человѣческихъ дѣлъ, можетъ быть, достигнуть высокаго положенія, богатства и могущества, такъ что придется занесивать ихъ благосклонности и зависѣть отъ ихъ мановенія и воли“.

Для того, чтобы вѣрнѣе вести своихъ питомцевъ по предначертанному пути, наставники во всякое время бдительно слѣдили за душевнымъ настроеніемъ ихъ. Средствами для этого служили исповѣдь и чтеніе переписки питомцевъ съ родными. Зная особенности каждаго изъ своихъ питомцевъ, іезуиты легко направляли ихъ по своему желанію. Для болѣе успѣшнаго вліянія на питомцевъ, они старались дѣйствовать не только на нихъ самихъ, но также и на ихъ родителей.

Іезуиты не пренебрегали внѣшней стороною воспитанія. Они заботились о приличномъ содержаніи своихъ питомцевъ, о физическомъ ихъ развитіи. За больными они внимательно ухаживали. Весь день учениковъ былъ распредѣленъ между занятіями и отдыхомъ. Каждое утро начиналось молитвой, впродолженіе которой и ученики и учителя должны были стоять на колѣняхъ. Потомъ, занявшись классными уроками, которые также и начинались и оканчивались молитвой, всѣ шли къ обѣднѣ, а послѣ нея каждый ученикъ готовилъ до обѣда заданный ему урокъ. Послѣ обѣда опять шли въ классы. Въ назначенные дни наставники водили питомцевъ на прогулку. Воспитанники ни на одну минуту не оставались безъ надзора: всюду за ними слѣдилъ наблюдательный глазъ наставника.

Но какъ ни заботились іезуиты о внѣшнемъ содержаніи своихъ питомцевъ, все-таки нельзя было не замѣтить, что они стараются

сдѣлать изъ нихъ не просто хорошихъ, честныхъ и умныхъ людей, а хорошихъ іезуитовъ, преданныхъ ордену и папѣ. „Если мясникъ выгоняетъ своихъ овецъ пасть на прекрасный зеленый лугъ, то изъ этого нельзя еще заключить, что онъ любитъ ихъ и дѣлаетъ это для нихъ самихъ, а не для себя“,—говоритъ Раумеръ по поводу заботливости іезуитовъ о ви́шнемъ содержаніи своихъ питомцевъ.

ОТЪ БЭКОНА ДО ПЕСТАЛОЦЦИ.

Б Э К О Н Ъ .

Съ Бэкона начинается новое направленіе въ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ въ обученіи.

Бэконъ самъ не занимался ни обученіемъ, ни воспитаніемъ дѣтей; онъ даже не оставилъ ни одного педагогическаго трактата. Но своими философскими сочиненіями онъ оказалъ вліяніе какъ на науку вообще, такъ и на школьное обученіе въ частности. Онъ направилъ вниманіе людей на изученіе природы и ея законовъ и указалъ имъ на дѣйствительность, какъ на источникъ, изъ котораго должны черпаться знанія.

Францискъ Бэконъ Веруламскій (1561 до 1626 г.) родился въ Лондонѣ, отъ родителей высшаго сословія. Въ дѣтствѣ онъ проявлялъ уже замѣчательную быстроту мышленія и находчивость. Шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Кембриджскій университетъ. По окончаніи въ немъ курса онъ отправился съ англійскимъ посланникомъ въ Парижъ, съ цѣлью на практикѣ изучить политику. Возвратившись, послѣ смерти своего отца, въ Лондонѣ, онъ вступилъ въ государственную службу и занималъ высокія мѣста. Послѣдніе годы своей службы онъ былъ канцлеромъ и государственнымъ судьей. Но за шесть лѣтъ до своей смерти онъ былъ отрѣшенъ отъ своихъ должностей за доказанное лихоимство и неправильное рѣшеніе порученныхъ ему дѣлъ. Годы эти онъ посвятилъ занятію наукой и философіей.

Главная заслуга Бэкона для науки и обученія заключается въ томъ, что онъ раскрылъ бесплодность изученія словъ, фразъ, а не самыхъ вещей, и указалъ путь къ изученію природы и ея законовъ. Путь этотъ—непосредственное изученіе предметовъ и явленій природы и выводъ *индуктивнымъ* путемъ законовъ ея. „Мы должны, говоритъ Бэконъ,—не въ древнихъ книгахъ изучать камни, растенія и животныхъ, а въ самой природѣ; она одна можетъ указать наши ошибки и обогатить насъ свѣдѣніями. Изучая природу въ несовершенныхъ и неполныхъ книгахъ, трактующихъ о ней, мы накладываемъ на Божьи творенія печать нашего скуднаго воображенія, вмѣсто того, чтобы

разсматривать ихъ такими, какими самъ Богъ ихъ сотворилъ "... „Разверните книгу творенія и изслѣдуйте ее съ терпѣнїемъ и, освободившись отъ предвзятыхъ идей, слейтесь душою съ истинами, въ ней заключающимися"... „Черпайте знанія изъ бездоннаго, вѣчно-живого и съ силою бьющаго источника вселенной. Живите въ природѣ съ недремлющими чувствами, углубитесь въ нее вашими мыслями и учитесь понимать ее, — тогда вы научитесь также и повелѣвать ей. Съ пониманїемъ возрастаетъ власть"... Все состоитъ въ томъ, чтобы мы никогда не отвращали глазъ духа нашего отъ *самихъ вещей* и воспринимали изображеніе ихъ такъ, какъ онѣ есть. Сохрани насъ Богъ выдавать видѣнія нашей фантазіи за истинное изображеніе міра“. Бэконъ требуетъ, „чтобы люди оставили на нѣкоторое время заученные и унаслѣдованные ими взгляды и понятія и, подобно поворожденнымъ, съ свѣтлыми чувствами, обратились къ наблюденію и изученію твореній Божїихъ“. „О царствѣ природы можно сказать то же, что и о царствѣ небесномъ: мы должны, отрѣшившись отъ предразсудковъ, стать дѣтьми, чтобы войти въ него. Естествоиспытатель можетъ возвыситься до познанія законовъ, царствующихъ въ природѣ, только непосредственнымъ отношенїемъ къ творенію и внимательнымъ наблюденїемъ фактовъ и естественныхъ явленій, а не посредствомъ теорій“.

Отрѣшившись отъ предвзятыхъ мыслей или ученій (идоловъ), человѣкъ долженъ знакомиться съ предметами и постигать законы ихъ посредствомъ наблюденія и опыта. Опытъ служитъ основанїемъ къ познанію. Но одинъ опытъ и знакомство посредствомъ него съ отдѣльными предметами и явленїями не составляетъ еще знанія общаго закона. Необходимо еще путемъ разсудочной дѣятельности выводить изъ опытовъ и наблюденій надъ частными явленїями общія мысли, или законы. Въ этомъ задача индукціи.

Такимъ образомъ, индукція есть процессъ познанія цѣлаго изъ его частей, общаго изъ частныхъ, законовъ изъ явленій, понятій изъ представленій. Простое собраніе опытовъ и фактовъ, какъ оно ни необходимо, еще не составляетъ индукціи, а есть только ея начало. Индукцію, ограничивающуюся однимъ собиранїемъ фактовъ или отдѣльныхъ явленій и не приводящую къ выводу общихъ законовъ, Бэконъ называетъ пустою дѣтскою игрою.

Построеніе науки Бэконъ сравниваетъ съ пирамидой, въ основаніи которой лежитъ многообразіе фактовъ и явленій, а вершиной служить общій законъ, выведенный путемъ индукціи.

Индукція состоитъ въ соединеніи мышленія (сравненій, сопоставленій, выводовъ) съ собиранїемъ фактовъ, наблюденій. Какъ одно собраніе фактовъ безъ освѣщенія ихъ мыслью, бесплодно, такъ же точно бесплодно мышленіе безъ фактовъ, опытовъ. „До сихъ поръ,

говорить Бэконъ,— философы были или эмпирики, или рационалисты. Эмпирики, подобно муравьямъ, только собираютъ въ кучу; рационалисты, какъ пауки, извлекаютъ ткань изъ самихъ себя; но пчела держится средины, потому что, заимствуя матеріалъ изъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, она перерабатываетъ его собственными силами. Совершенно сходна съ послѣднимъ истинно-философская, творческая дѣятельность, которая не ограничивается единственно одною только силою ума, а также не складываетъ въ памяти необработаннымъ матеріалъ, добытый наблюденіемъ и опытомъ, но укладываетъ его тамъ въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, уже обработанномъ разумомъ“.

Для вывода общихъ законовъ годится не всякій опытъ или не всякое наблюденіе, а лишь проверенный опытъ или наблюденіе. До вѣряться обыкновенному не проверенному опыту не слѣдуетъ уже потому, что люди часто смотрятъ на предметы сквозь собственные очки и окрашиваютъ ихъ въ такой или иной цвѣтъ. Только вѣрные опыты и безпристрастные наблюденія могутъ дать хорошій матеріалъ для научныхъ выводовъ.

Вліяніе сочиненій Бэкона и его полемики противъ средневѣковой схоластики и исключительнаго изученія древнихъ языковъ выразилось въ слѣдующемъ:

- 1) Лучшие педагоги стали требовать наглядности при обученіи.
- 2) Стали придавать надлежащее значеніе самостоятельности при изученіи предметовъ.
- 3) Стали обращать вниманіе на методъ обученія.
- 4) Хотя латинскій языкъ попрежнему занимаетъ важное мѣсто въ системѣ обученія, однако и реальные предметы, а равно и отечественный языкъ выдвигаются впередъ въ ряду предметовъ обученія въ школахъ.

Примѣнить философскія идеи Бэкона къ школьному обученію выпало на долю педагоговъ XVII и XVIII столѣтій: Ратихія, Амоса Коменскаго, Локка, Фенелона, Франке, Руссо, Базедова, Рохова и друг. Скажемъ объ этихъ педагогахъ.

Вольфгангъ Ратихій.

Ближайшимъ по времени послѣдователемъ теоріи Бэкона былъ Ратихій. Онъ родился въ 1571 году въ Вильстерѣ въ Гольштиніи. Образование онъ получилъ въ Гамбургской гимназіи и въ Ростокскомъ университетѣ. Живя затѣмъ въ Англіи, онъ познакомился съ идеями Бэкона. Уѣхавъ изъ Англіи, онъ жилъ во многихъ городахъ Германіи, предлагая правительствамъ различныхъ городовъ свой планъ обученія и свои услуги къ осуществленію этого плана; но вездѣ встрѣчалъ отказъ. Наконецъ въ 1612 году онъ послалъ на сеймъ во Франкфуртъ осо-

бый „меморіаль“, въ которомъ излагался составленный имъ новый и лучший планъ обученія и осуждалось существовавшее до того времени обученіе. Планъ этотъ былъ подвергнутъ обсужденію тогдашнихъ ученыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые отнеслись къ нему сочувственно. Вслѣдствіе этого Ратихій былъ приглашенъ въ Аугсбургъ для преобразованія школъ. Въ Аугсбургѣ Ратихій не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, такъ что чрезъ полтора года по своемъ пріѣздѣ онъ долженъ былъ оставить этотъ городъ.

Уѣхавъ изъ Аугсбурга, Ратихій снова началъ хлопотать о предоставленіи ему возможности осуществить на дѣлѣ свои педагогическіе принципы, пока ему не предоставлено было учредить въ Кетенѣ школу. Болѣе четырехсотъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, было собрано въ школу Ратихія. Устроена была особая типографія для печатанія его педагогическихъ сочиненій. И въ Кетенѣ Ратихій оказался безсильнымъ исполнить то, что обѣщаль. Его посадили въ тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ девять мѣсяцевъ и откуда былъ выпущенъ лишь послѣ того, какъ далъ подписку, въ которой заявлялъ, что онъ болѣе хвасталь и обѣщаль, чѣмъ понималъ и могъ выполнить. Уѣхавъ изъ Кетена, онъ не оставлялъ желанія примѣнить свои идеи на практикѣ и попрежнему обращался то къ одному, то къ другому вліятельному лицу, предлагая свои услуги. Обращался онъ между прочимъ и къ шведскому правительству. Но вездѣ къ нему относились холодно, недовѣрчиво.

Разбитый въ своихъ лучшихъ мечтахъ, Ратихій умеръ въ бѣдности въ 1635 году.

Сознавая недостатки современнаго обученія, Ратихій вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ и лучшія дидактическія требованія, касающіяся обученія. Но онъ не обладалъ надлежащимъ тактомъ и умѣньемъ для производительнаго примѣненія ихъ на дѣлѣ. Онъ не обладалъ тою сноровкою, которая даетъ возможность, принимая во вниманіе условія, при которыхъ приходится дѣйствовать, твердо и неуклонно итти къ достиженію предначертанной цѣли, а потому и испытывалъ вездѣ неудачи.

Ратихій въ своихъ педагогическихъ сочиненіяхъ останавливается преимущественно на обученіи языкамъ, однако у него находимъ много дидактическихъ положеній, касающихся обученія всѣмъ вообще учебнымъ предметамъ. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1. „Поступайте во всемъ согласно природѣ. Тотъ, кто насилуетъ природу дитяти и противорѣчитъ ей, ослабляетъ ее и мѣшаетъ правильному развитію ея“.

2. „Не болѣе, какъ одно что-либо за-разъ. Ничто не можетъ болѣе подавлять разумъ, какъ обученіе разнообразнымъ предметамъ одновременно и за-разъ. Это настолько же несообразно, какъ если бы вздумали варить сразу, въ одномъ горшкѣ, варенье, крупу, мясо, молоко

и рыбу“. „Было бы неосновательно принять это положеніе въ томъ смыслѣ, что въ продолженіе, напр., семи мѣсяцевъ ученики должны заниматься только ариеметикой, а затѣмъ слѣдующіе семь мѣсяцевъ — только латинскимъ языкомъ и т. д. Подобно тому, какъ человѣкъ уразноображиваетъ свою пищу, а не питается въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ только кашей или мясомъ, такъ точно и учителя должны уразноображивать занятія учениковъ, не смѣшивая, а цѣлесообразно чередуя ихъ“.

3. „Должно многократно повторять одно и то же, такъ какъ чрезъ повтореніе свѣдѣнія не только укрѣпляются въ памяти, но и освѣщаются въ сознаніи“.

4. „Заставляйте сначала все учить на родномъ языкѣ“. „Только изучивши отечественный языкъ, можно переходить затѣмъ къ изученію другихъ языковъ“.

5. „Обучайте всему безъ принужденія. Принужденіемъ и побоями только отбивается охота къ ученію. Человѣческой умъ легко усваиваетъ и удерживаетъ въ памяти только то, что пріобрѣтается имъ охотно, безъ насилія“. „Наказаніе умѣстно только для исправленія предосудительнаго поведенія воспитанника“. „Самъ учитель не долженъ наказывать учениковъ, чтобы не потерять въ ихъ глазахъ значеніе авторитета“.

6. „Ничто непонятное не должно быть заучиваемо наизусть“.

7. „Должно быть взаимодействие между предметами, такъ чтобы знаніе однихъ предметовъ облегчало усвоеніе другихъ предметовъ. При обученіи, напр., языкамъ знаніе общихъ грамматическихъ категорій, усвоенныхъ при изученіи родного языка, пригодится и при изученіи иностранныхъ языковъ“.

8. „При обученіи нужно переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; новыя знанія нужно пріурочивать къ пріобрѣтеннымъ уже“.

9. „Сначала ученики должны ознакомиться съ предметомъ, а потомъ уже съ правилами, относящимися къ нему“.

10. „При обученіи все должно быть основано на наблюденіи и опытѣ“.

Янъ-Амосъ Коменскій.

Янъ-Амосъ Коменскій (отъ 1592 до 1670 года) принадлежитъ къ числу гениальнѣйшихъ представителей педагогическаго міра. Онъ былъ славянинъ, родился въ Нивницѣ, юго-восточной Моравіи. Отъ мѣстечка Комны (въ Моравіи), откуда переселился его отецъ, образована его фамилія.

Отецъ Яна Коменскаго былъ мельникомъ и принадлежалъ къ общинѣ чешскихъ братьевъ.

Лишившись въ раннемъ дѣтствѣ родителей, Янъ-Амосъ предоставленъ былъ самому себѣ. Шестнадцати лѣтъ онъ началъ ходить въ школу и изучать латинскій языкъ, бывшій въ то время почти единственнымъ предметомъ обученія. Школы тогда были въ крайнемъ упадкѣ. Въ стѣнахъ ихъ не было видно довольныхъ и здоровыхъ лицъ, не было слышно веселыхъ и бодрыхъ голосовъ; угрюмое дѣтство и юношество медленно двигалось въ сумрачныхъ корридорахъ, ожидая своихъ суровыхъ, немилосердныхъ наставниковъ. Самое обученіе въ нихъ давалось съ такимъ трудомъ, что, по словамъ Коменскаго, казалось, будто полученъ приказъ обучать такъ, чтобы ученики научались чему-нибудь не иначе, какъ „съ непомѣрнымъ трудомъ, съ чрезвычайнымъ отвращеніемъ и съ необыкновенными мученіями“. Не безъ причины на школы тогда смотрѣли, какъ на мѣсто пытки. Изъ такихъ школъ, вмѣсто образованныхъ и воспитанныхъ людей, выходили, по образному выраженію того же Коменскаго, „неукротимые и необузданные лошаки, не имѣющіе ни развитаго ума, ни полезныхъ знаній, ни страха Божія, ни добраго нрава“. Всю тяжесть такой школы испыталъ на себѣ Коменскій. Вспоминая о своемъ пребываніи въ ней, онъ говоритъ: „Я самъ одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ, у которыхъ дорогая весна жизни, цвѣтушіе годы юности погибли жалкимъ образомъ въ схоластическомъ педантизмѣ. Ахъ, какъ часто, когда мнѣ пришлось узнать лучшее, воспоминаніе о потерянномъ времени выжимало у меня стоны изъ груди, слезы изъ глазъ, скорбь изъ сердца! какъ часто эта боль принуждала меня восклицать: „О если бы возвратить мнѣ потерянные годы!“ — Но тщетны эти желанія, эти мольбы: истекшій день не возвращается. Никто изъ пожилыхъ не помолодѣетъ, чтобы снова начать жизнь и вступить въ нее съ лучшею подготовкой“...

Геній неотразимо ищетъ себѣ соотвѣтственной духовной пищи. Это проявилось въ Ломоносовѣ и другихъ гениальныхъ натурахъ; это же проявилось и въ Коменскомъ. Окончивъ школу на родинѣ, онъ стремился учиться въ другихъ мѣстахъ, послушать лицъ, объ учености которыхъ разносилась молва. Со свойственной ему энергіей и замѣчательнымъ успѣхомъ онъ работалъ въ Герборнѣ, Гейдельбергѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ Европы.

Возвратившись на родину, на 23-мъ году жизни, онъ назначенъ былъ начальникомъ школы въ Преровѣ. Школа подъ руководствомъ его процвѣтала. Это замѣчено было мѣстными властями, и чрезъ четыре года (1618) онъ опредѣленъ былъ проповѣдникомъ и руководителемъ школы въ Фульнекѣ, центральномъ пунктѣ моравскихъ братьевъ. Въ эту школу пріѣзжали молодые члены общины для подготовленія, подъ руководствомъ Коменскаго, къ ученой и учительской

дѣятельности. Два года Коменскій спокойно и производительно трудился въ школѣ. Въ это время онъ вступилъ въ бракъ. Настала братоубійственная тридцатилѣтняя война. Послѣ битвы при Бѣлой горѣ (1620 г.) закатилось счастье моравскихъ братьевъ и тяжелые удары стали падать на нихъ одинъ за другимъ. Удары эти въ сильнѣйшей степени отзывались на Амосѣ Коменскомъ, страдавшемъ и за себя, и за другихъ. Въ 1621 году Фульнекъ былъ сожженъ Фердинандомъ. Коменскій потерялъ все: его библіотека съ рукописями сгорѣла. Онъ самъ съ семьей долженъ былъ спастись бѣгствомъ. Во время бѣгства онъ лишился жены и ребенка, которыхъ отняла у него свирѣпствовавшая тогда чума. Одинокій, онъ нашелъ пріютъ у земледѣльца Карла Жеротинскаго, въ качествѣ воспитателя его дѣтей. Несмотря на личное горе, онъ не переставалъ своими письмами, наставленіями и совѣтами ободрять и поддерживать братьевъ.

Въ 1625 году издано повелѣніе, чтобы всѣ, не признающіе себя католиками, оставили отечество. Моравскіе братья обратились къ польскому правительству съ просьбой позволить имъ поселиться въ Польшѣ. Позволеніе дано и Коменскій съ преданной ему частью разстались съ родиной и направились къ польскому городу Лиссѣ. Добравшись до границы, они обратились лицомъ къ покидаемому отечеству, пали на колѣни и, проливая слезы, молили Бога, чтобы Онъ не оставилъ своимъ Промысломъ ихъ родину и сохранилъ въ ней сѣмя Святаго слова.

Прибывъ въ Лиссу, Коменскій занялъ мѣсто преподавателя латинской школы, которая вскорѣ была преобразована по его плану; послѣ чего онъ назначенъ былъ ректоромъ ея. На него возложена была, кромѣ того, обязанность наблюдать за школами всего округа, причѣмъ учителя и надзиратели назначались чрезъ его же посредничество.

Завѣдывая школами округа и обучая въ латинской школѣ, Коменскій вмѣстѣ съ тѣмъ неустанно трудился для блага моравскихъ братьевъ, стараясь поднять духовное и матеріальное благосостояніе ихъ. Кромѣ того, онъ неустанно трудился для составленія своихъ многочисленныхъ сочиненій. Здѣсь между прочимъ онъ написалъ и издалъ „Отверзтую дверь къ языкамъ“ (*Janua linguarum reserata*)—новый способъ обученія языкамъ, „Великую дидактику“ (*Didactica magna*), въ которой изложилъ общія положенія правильнаго обученія и воспитанія, выведенныя изъ глубокихъ философскихъ основаній. „Материнскую школу“ и „Народную школу“, въ которыхъ подробно, примѣнительно къ практикѣ, развиты идеи, выраженныя въ „Великой дидактикѣ“.

Сочиненія Коменскаго имѣли большой успѣхъ. Онъ самъ говорить о приѣмѣ перваго изъ названныхъ сочиненій: „Случилось то, чего я и вообразить не могъ: это сочиненіе принято со всеобщимъ одобреніемъ. Объ этомъ заявляли мнѣ многіе ученые различныхъ націй, которые отъ сердца желали мнѣ успѣха въ моемъ новомъ изобрѣтеніи. Книга моя переведена не только на 12 европейскихъ, но и на азіатскіе— арабскій, турецкій, персидскій и монгольскій языки“.

Практическая дѣятельность Коменскаго и его сочиненія возбудили въ лучшихъ людяхъ того времени интересъ къ педагогическому дѣлу. „Во всѣхъ государствахъ Европы, говоритъ современникъ его, гамбургскій профессоръ Тессе, — съ увлеченіемъ принялись за изученіе лучшаго искусства обученія и такое увлеченіе вызвано Коменскимъ“. Правительства различныхъ государствъ считали полезнымъ имѣть у себя такого дѣятеля, какимъ былъ Коменскій, и приглашали его для устройства школъ. Такъ, въ 1638 году шведское правительство приглашало его въ Стокгольмъ. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ онъ писалъ, что, будучи нравственно связаннымъ съ паствою и школою, не можетъ принять сдѣланное ему предложеніе, но готовъ познакомиться съ своимъ учебнымъ методомъ и планомъ молодыхъ шведовъ, которыхъ къ нему пришлютъ.

Завѣтной идеей Коменскаго было составленіе сочиненія, которое обнимало бы собою весь кругъ человѣческихъ знаній. Планъ такого сочиненія былъ имъ составленъ. Для осуществленія его требовалось участіе нѣсколькихъ ученыхъ лицъ. Англійскій парламентъ постановилъ учредить ученую коллегію для выполненія работъ, предначертанныхъ Коменскимъ, котораго и пригласилъ въ Англію. Въ 1641 году онъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ былъ принятъ съ большимъ почетомъ: многіе стремились видѣть славнаго ученаго и педагога и выразить ему свое уваженіе. Онъ ужѣ думалъ, что нашелъ мѣсто, гдѣ можетъ всецѣло отдаться своему философскому труду; но этому не суждено было осуществиться: вспыхнуло ирландское возстаніе и начались волненія горожанъ, предшествовавшія революціи. Онъ понялъ, что при такихъ обстоятельствахъ не мыслимо существованіе ученой коллегіи. Къ тому же онъ снова получилъ изъ Швеціи приглашеніе прибыть въ эту страну, чтобы преобразовать въ ней школы и заняться составленіемъ учебныхъ сочиненій. Онъ рѣшился оставить Лондонъ и въ 1642 году прибылъ въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ приобрѣлъ расположеніе знаменитаго Оксенштерна, министра Швеціи, прозваннаго „сѣвернымъ орломъ“. Пребываніе и дѣятельность Коменскаго въ Швеціи благотворно отразились на школахъ этой страны. До настоящаго времени шведскія школы носятъ на себѣ отпечатокъ вліянія идей Коменскаго и народное образованіе въ Швеціи стоитъ выше, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ Европы.

Для составленія учебныхъ руководствъ, Коменскій поселился въ г. Эльбингъ (въ Пруссіи). Здѣсь онъ получалъ приглашеніе изъ Франціи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ, съ просьбою пріѣхать для организаціи школъ; но долженъ былъ отвѣчать отказомъ, такъ какъ считалъ себя обязаннымъ прежде всего выполнить обѣщанія, данныя шведскому правительству. Въ 1646 году онъ представилъ этому правительству вновь составленныя учебныя книги, которыя были разсмотрѣны и одобрены специально назначенными для этой цѣли комиссарами. Новые учебники, подъ общимъ заглавіемъ „Новѣйшій методъ языковъ“ (*Neuissima linguarum methodus*), — были напечатаны въ Лиссъ, куда въ 1648 году переѣхалъ самъ Коменскій. Здѣсь онъ былъ избранъ епископомъ братской общины, — и былъ уже *послѣднимъ* ея епископомъ.

Ожесточенная тридцатилѣтняя война окончилась Вестфальскимъ миромъ (1648 г.), по которому лютеранамъ и кальвинистамъ предоставлена свобода вѣроисповѣданія, но въ ихъ число не включены моравскіе братья, которые, такимъ образомъ, остались навсегда изгнанниками. Напрасно они полагались на заступничество шведовъ, напрасно Коменскій писалъ ко всемъ вліятельнымъ лицамъ, прося ихъ быть къ нимъ справедливыми. Надежды и мольбы оказались тщетны. Братство начало распадаться. Видя это, Коменскій написалъ трогательное: „Завѣщаніе умирающей матери-общины“ — сочиненіе, характеризующее какъ его самого, такъ и братство. Но и въ это тяжелое для братьевъ время Коменскій не падалъ духомъ: чувство отчаянія было чуждо его мощной душѣ. Онъ дѣятельно поддерживалъ братьевъ, усердно готовя молодыхъ людей къ учительской дѣятельности и доставляя имъ мѣста въ Германіи, Польшѣ, Венгріи и другихъ странахъ.

Въ 1650 году князь Сигизмундъ Ракоци просилъ Коменскаго переѣхать въ Венгрію для преобразованія школъ, причемъ обѣщалъ замѣщать учительскія мѣста молодыми братьями, подготовленными имъ же, Коменскимъ. Переѣхавши въ Сарось-Патакъ, Коменскій основалъ здѣсь школу, которая значительно отличалась отъ школъ, существовавшихъ въ то время: въ ней, кромѣ занятія учебными предметами, ученики занимались пѣніемъ, музыкой; физическое воспитаніе занимало въ ней видное мѣсто: гимнастическія упражненія, игры, прогулки, чередовались съ занятіями учебными предметами. Для оживленія учениковъ и возбужденія въ нихъ охоты къ изученію языковъ, введены были сценическія представленія, для которыхъ самъ Коменскій сочинялъ пьесы, почерпая содержаніе для нихъ изъ школьнаго міра. Такъ, въ одной изъ нихъ представлено состязаніе между грамматикой, логикой и метафизикой, которыя спорятъ изъ-за первенства

и наконецъ окончательно примиряются, условившись между собою благоразумно управлять въ царствѣ мудрости. Сознывая необходимость наглядности при обученіи, Коменскій составилъ для учениковъ школы „Миръ въ картинахъ“ (Orbis pictus)—книгу, состоящую изъ текста и соотвѣтственныхъ рисунковъ, изображающихъ предметы видимаго міра, предметы искусства и дѣятельность человѣка. Книга эта получила всеобщую извѣстность, переведена на многіе языки и вполнѣ справедливо признается безсмертнымъ, незабвеннымъ даромъ школѣ и дѣтству. Она послужила образцомъ для всѣхъ позднѣйшихъ дѣтскихъ книгъ съ картинками.

Устроивъ въ Потаки школу и давъ ей такое направленіе, при которомъ она долго считалась образцовою во всей Венгріи, Коменскій, по просьбѣ единовѣрцевъ, возвратился въ Лиссу. Здѣсь готовился ему и братьямъ новый тяжелый ударъ. Въ 1656 году шведскій король Карлъ X, во время войны съ поляками, взялъ Лиссу. Моравскіе братья, надѣясь найти въ немъ защитника ихъ религіозныхъ убѣжденій, родостно привѣтствовали его. Это раздражало поляковъ и они, овладѣвъ снова Лиссою, предали пламени этотъ городъ. Жители бѣжали въ ужасѣ,—о спасеніи имущества нечего было и думать. Пожаръ поглотилъ все имущество Коменскаго, его бібліотеку, множество рукописей и, между прочимъ, приготовленную уже къ печати пансофію—плодъ 25-ти-лѣтней неустанной работы и латинско-чешскій и чешско-латинскій толковые словари. Самъ онъ бѣжалъ въ Силезію, а оттуда въ Амстердамъ, гдѣ и провелъ послѣдніе годы своей жизни. Потеря рукописей была для него величайшимъ несчастьемъ. Онъ пытался возстановить пансофію, но трудно старику выполнить то, что легко дается въ болѣе молодые годы.

Живя въ Амстердамѣ, Коменскій занимался обученіемъ дѣтей и составленіемъ богословско-нравственныхъ сочиненій. За полтора года до смерти онъ написалъ сочиненіе „Одно—необходимое“ (Unum necessarium), имѣющее автобіографическій характеръ. Въ немъ отразилась благочестивая, полная любви къ добру и человѣчеству личность автора.

15 ноября 1670 г. спокойно скончался семидесяти-восьмилѣтній старецъ, посвятившій всю свою долгую жизнь служенію ближнимъ, переиспытавшій много душевныхъ страданій и оказавшій своими педагогическими трудами неисчерпаемую услугу потомству. Въ Прерау, гдѣ началась его педагогическая дѣятельность, ему поставленъ въ 1874 году памятникъ, а въ Лейпцигѣ учреждена его имени педагогическая бібліотека.

Изъ изложеннаго очерка жизни Амоса Коменскаго видно, насколько разнообразна была его дѣятельность; но преобладающею его дѣятель-

ностью была все-таки педагогическая дѣятельность, состоявшая то въ обученіи и воспитаніи дѣтей, то въ открытіи основъ правильного воспитанія и обученія, то въ составленіи множества педагогическихъ сочиненій. Что же побуждало его отдаваться преимущественно педагогической дѣятельности? Геній неудержимо стремится къ соотвѣтственной ему дѣятельности и въ этой дѣятельности находитъ внутреннее удовлетвореніе. Коменскій несомнѣнно былъ педагогическій геній и внутренняя сила побуждала его къ учительской дѣятельности. Та же сила побуждала и Сократа, и Песталоцци быть никѣмъ инымъ, какъ учителямъ. Кромѣ означенной, были и другія причины, побуждавшія Коменскаго отдаваться преимущественно педагогической дѣятельности. Онъ пламенно любилъ свою родину и своихъ соотечественниковъ и сознавалъ, что только разумное воспитаніе и обученіе можетъ возродить его отечество и создать ему лучшую будущность. „Мнѣ жаль было, говорить онъ, моихъ соотечественниковъ, небрежныхъ въ приобрѣтеніи знаній. Часто раздумывалъ я не только о томъ, чтобы пробудить въ возможно большемъ числѣ людей любовь къ ученію, но и о томъ, при какой экономіи въ средствахъ и трудѣ можно открывать новыя школы, чтобы въ нихъ, съ помощью облегченнаго метода, доводить юношей до значительной степени образованія“. Къ тому же, онъ ясно сознавалъ недостатки современной ему школы, ибо самъ перенесъ всю тяжесть тогдашней школьной жизни, а потому и стремился „спасти подростящее поколѣніе отъ школьнаго искаженія и истощенія“. „Я домогался, говорить онъ, улучшенія школьнаго дѣла, трудился многіе годы, чтобы спасти юношей, посѣщающихъ школы, отъ мрака, въ которомъ они тамъ блуждаютъ“. Наконецъ, онъ полагалъ, что открыть людямъ правильныя основы воспитанія и обученія есть долгъ, завѣщанный ему отъ Бога. „Я свидѣтельствую предъ лицомъ Бога, говорить онъ, что не самолюбіе, не желаніе славы или какихъ-нибудь выгодъ, а единственно любовь къ Богу и желаніе улучшить положеніе людей побуждаютъ меня высказывать то, что рождается въ глубинѣ моей души“.) x

Педагогическія идеи Коменскаго обнимаютъ всѣ стороны домашняго и школьнаго обученія и воспитанія. Онѣ выведены научно изъ твердыхъ, неизмѣнныхъ законовъ природы человѣка и разъяснены множествомъ примѣровъ и сравненій, взятыхъ изъ окружающей дѣйствительности.

Здѣсь мы изложимъ вкратцѣ лишь нѣкоторыя его педагогическія идеи.

Человѣкъ, говорить Коменскій, рождается въ міръ съ возможностью къ образованію, но еще не обладаетъ имъ; оно должно быть приобрѣтено въ жизни. Каждый человѣкъ долженъ получить необходимое ему

образование. „Учите всѣхъ, говоритъ онъ, потому что только чрезъ образование человѣкъ становится человѣкомъ, безъ него же онъ становится существомъ самымъ неукротимымъ; учите всѣхъ потому, что невѣжество обходится обществу и правительству въ сто кратъ дороже самаго широкаго и щедраго образованія“... Образование необходимо какъ для одаренныхъ сильными умственными способностями, такъ и для ограниченныхъ людей: первымъ оно необходимо, чтобы направить ихъ острый умъ на полезное и отвратить его отъ бесполезнаго и даже вреднаго, а вторымъ, чтобы ослабить ихъ ограниченность; оно необходимо какъ лицамъ, поставленнымъ впереди другихъ, такъ и лицамъ, стоящимъ позади ихъ: первымъ оно необходимо, чтобы мудро управлять другими, а вторымъ, дабы благоразумно повиноваться существующимъ законамъ; оно, наконецъ, необходимо какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, потому что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ одинаковую духовную природу, тѣмъ и другимъ одинаково ниспосылается благодать Божія и тѣ и другія одинаково должны стремиться къ тому, чтобы, получивъ правильное наставленіе въ наукѣ, добродѣтели и религіи, могли полезно проводить настоящую жизнь и достойно подготовить себя для будущей.

Хотя въ продолженіе всей своей жизни человѣкъ долженъ совершенствоваться и приближаться къ конечной своей цѣли; однако образование и воспитаніе легче совершается въ первую пору его жизни, когда и слѣдуетъ посѣвать въ немъ сѣмена знанія и добра, дабы въ теченіе послѣдующей жизни они созрѣли и принесли плоды. Какъ воскъ, пока онъ мягокъ, легко принимаетъ въ рукахъ мастера ту или другую форму, отвердѣвши же онъ крошится, такъ и человѣкъ, пока онъ молодъ, легко поддается воспитательному вліянію, въ зрѣломъ же возрастѣ онъ мало податливъ.

Сосудъ долго сохраняетъ запахъ вещества, которымъ былъ наполненъ; дерево, согнутое въ колесо, скорѣе разлетится въ тысячу кусковъ, чѣмъ возвратится къ прежней прямизнѣ. Такъ и первыя впечатлѣнія до такой степени прочно внѣдряются въ природу человѣка, что искорененіе или измѣненіе ихъ оказывается очень труднымъ; потому-то въ первую пору жизни и слѣдуетъ залагать въ питомца основы нравственности и религіи, дабы своевременно предупредить образование въ немъ порочныхъ склонностей.

Весь періодъ воспитанія и обученія Коменской дѣлитъ на четыре ступени, которымъ соотвѣтствуютъ четыре рода школъ: для дѣтскаго возраста—школа матери, для отрочества—народная школа, для перваго юношества—латинская школа или гимназія и для юношества зрѣлаго—академія или университетъ. Для прохожденія каждой изъ этихъ школъ онъ назначаетъ 6 лѣтъ.

Школа матери должна находиться въ каждомъ семействѣ, народная или начальная школа—въ каждомъ приходѣ, гимназія—въ каждомъ городѣ и академія или университетъ—въ каждомъ государствѣ или въ каждой значительной провинціи.

Въ материнской и народной школахъ должно получать образованіе все безъ исключенія юношество обоого пола; въ латинской школѣ получаютъ образованіе юноши, стремленіе которыхъ направлено далѣе занятія ремеслами; академія или университетъ имѣютъ цѣлью образовывать будущихъ учителей и руководителей другихъ, дабы никогда не было недостатка въ людяхъ, способныхъ для управленія церковью, школою и общественными дѣлами.

Въ материнской школѣ обращается вниманіе какъ на физическое, такъ и на духовное воспитаніе дѣтей. Держась той истины, что „въ здоровомъ тѣлѣ живетъ здоровый духъ“, Коменскій требуетъ, чтобы матери доставляли дѣтямъ все то, что способствуетъ укрѣпленію ихъ тѣла, и устраняли отъ нихъ то, что можетъ вредить имъ. Для руководства матерямъ онъ изложилъ гигиеническія требованія относительно физическаго воспитанія дѣтей. Принципъ этихъ требованій: ничего лишняго, а только необходимое.

Умственное воспитаніе въ материнской школѣ состоитъ въ томъ, что подъ руководствомъ матери дѣти воспринимаютъ впечатлѣнія отъ окружающаго ихъ міра и такимъ образомъ изоощряютъ свои внѣшнія чувства, пріучаются надлежащимъ образомъ останавливаться своимъ вниманіемъ на предметахъ и обогащаются представленіями и понятіями, которыя впоследствии послужатъ основаніемъ къ уразумѣнію знаній изъ преподаваемыхъ въ школѣ учебныхъ предметовъ. Разсматривая камни, растенія, животныхъ, ребенокъ получаетъ начала естествознанія; разсматривая цвѣта и звуки, онъ пріобрѣтаетъ начала оптики и акустики, наблюдая небо въ различную пору сутокъ, онъ пріобрѣтаетъ начала астрономіи; ознакамливаясь съ мѣстомъ своего жительства, съ окрестностями, съ сосѣдней горой, рѣкой, онъ пріобрѣтаетъ начала географіи; упражняя свою устную рѣчь, онъ пріобрѣтаетъ основаніе къ будущему изученію языка и т. д.

Изъ примѣровъ и требованій старшихъ, дитя въ материнской школѣ получаетъ основаніе хорошей нравственности и хорошаго поведенія: оно пріучается къ умѣренности, опрятности, почтительности, правдивости, любви къ ближнимъ, благопристойности и т. п. Изъ добрыхъ привычекъ, заложенныхъ въ дѣтствѣ, образуются впоследствии сознательныя нравственныя добродѣтели человѣка.

Въ материнской же школѣ полагается и основаніе христіанскаго благочестія. Мать научаетъ дѣтей молиться и первая залагаетъ въ нихъ религіозное чувство.

Въ народной школѣ дѣти получаютъ общее, необходимое каждому, образованіе и развитіе посредствомъ грамоты и изученія счисленія, измѣренія, а также катехизиса, священныхъ пѣсенъ, Библии и нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ географіи и технологіи. Основнымъ предметомъ обученія въ ней служитъ отечественный языкъ, на которомъ преподаются всѣ предметы обученія. „Учить чужому языку прежде, чѣмъ дитя овладѣетъ роднымъ, это—то же, что заставлятъ ребенка ѣздить верхомъ, прежде чѣмъ онъ научится ходить“.

Въ латинской школѣ или гимназіи ученики получаютъ болѣе глубокое развитіе и образованіе, причемъ, кромѣ древнихъ языковъ, изучаютъ грамматику, діалектику, реторику, ариметику, а также физику (естественную исторію), исторію, иеику и богословіе.

Гимназію Коменскій дѣлитъ на шесть классовъ и называетъ ихъ по преобладающему предмету обученія: I—классъ грамматики, II—классъ физики (естественной исторіи), III—классъ математики, IV—классъ иеики, V—классъ діалектики и VI—классъ реторики.)

Академія или университетъ завершаетъ образованіе ума и воспитаніе нравственнаго чувства и воли молодого человѣка, который, получивши надлежащую подготовку въ латинской школѣ, изучаетъ избранную отрасль знаній во всей подробности.

Забота объ образованіи и воспитаніи дѣтей должна лежать прежде всего на ихъ родителяхъ; но такъ какъ послѣдніе рѣдко обладаютъ свободнымъ временемъ и необходимою для обученія другихъ подготовкой, то потому учреждаются школы, въ которыхъ дѣти многихъ семействъ совмѣстно получаютъ нужное имъ образованіе и воспитаніе. Такъ какъ всѣ люди должны получить образованіе и воспитаніе, то и должно быть учреждено какъ можно больше школъ.

Школы должны быть не мѣстомъ страха и отвращенія для дѣтей, а мѣстомъ, куда бы они шли охотно. Самый внѣшній видъ ихъ долженъ быть привлекателенъ для дѣтей. Онѣ должны находиться въ спокойной, по возможности живописной мѣстности и имѣть садъ или чистый дворъ, гдѣ дѣти могли бы проводить время отдыха. Классныя комнаты должны быть свѣтлы, чисты и украшены картинами, портретами, ландшафтами или изображеніями историческихъ событій.

Учитель можетъ сразу обучать большую массу дѣтей, если прибѣгнетъ къ помощи старшихъ учениковъ и будетъ слѣдить за стройнымъ ходомъ ученія. „Чѣмъ больше у учителя учениковъ, тѣмъ сильнѣе радуется его сердце и тѣмъ энергичнѣе онъ работаетъ. Такъ рудокопы плещутъ руками отъ радости, если откроютъ обильную золотомъ руду“. Да и ученикамъ приятно и полезно имѣть большое число товарищей.

Количество умственнаго труда, предлагаемаго ученикамъ школы, должно соответствовать ихъ силамъ. Утомленіе умственныхъ силъ ведетъ

къ ослабленію ихъ; къ тому же, дѣти, кромѣ ученія, имѣютъ и другія потребности, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ потребность рѣзвиться и играть. Совершенно достаточно, если учащіеся юноши употребляютъ въ сутки около 8 часовъ для ученія, столько же для сна и остальные 8 часовъ для удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей.

Школа, по опредѣленію Коменскаго, — есть „мастерская гуманности“; въ ней умъ учащихся погружается въ сіяніе мудрости, сердце и стремленія ихъ достигаютъ полной гармоніи съ добродѣтелию и воля ихъ настолько укрѣпляется въ добрѣ, что еще здѣсь, на землѣ, они пріучаются вести небесную жизнь.

Коменскій особенно настаиваетъ, чтобы школы одновременно развивали въ учащихся умъ, нравственное чувство и волю. „Большое зло происходитъ, говоритъ онъ, если разсудокъ находится въ разладѣ съ совѣстью и волей человѣка. Еще царь Соломонъ восклицалъ: „Злопучно обученіе, которое не ведетъ къ добрымъ правамъ и благочестію“. Кто преуспѣваетъ въ наукахъ, а въ нравахъ отстаетъ, тотъ больше подается назадъ, чѣмъ идетъ впередъ“.

Человѣку присуще стремленіе къ знанію и дѣятельности; это обнаруживается въ самомъ раннемъ его дѣтствѣ и не ослабѣваетъ въ теченіе всей его жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ комъ нѣтъ сильнаго желанія постоянно видѣть, слышать, познавать что-нибудь новое? Или: въ комъ нѣтъ потребности проявлять свою дѣятельность? Глаза, уши, осязаніе, самый умъ человѣка постоянно требуютъ соответственной пищи и дѣятельности. Если, такимъ образомъ, человѣку присуще стремленіе къ познанію и дѣятельности, то для образованія его и развитія его духовныхъ силъ слѣдуетъ только удовлетворять этому его стремленію. Птица научается летать, рыба плавать, сѣмя прорастаетъ, если только существуютъ нужныя для того условія; такъ точно и человѣкъ духовно развивается, если существуютъ благоприятныя для этого условія. Въ такія условія учитель и ставитъ учащихся. Давая имъ подходящее содержаніе для душевной дѣятельности и руководя этою дѣятельностью, онъ тѣмъ самымъ способствуетъ развитію ихъ душевныхъ силъ. X

Но для того, чтобы обученіе дѣйствительно способствовало развитію духовныхъ силъ учениковъ, а не подавляло ихъ, учитель долженъ придерживаться правильнаго, хорошо обдуманнаго метода. Такой методъ служить тою таинственною лѣстницей, по которой духъ учащихся свободно и бодро переступаетъ съ одной ступени на другую и восходитъ до высотъ знанія и науки.

Вслѣдствіе различія индивидуальныхъ особенностей учениковъ, методъ воздѣйствія на ихъ духовную природу долженъ сообразоваться съ этими особенностями. Учитель обязанъ умѣть обучать какъ способныхъ,

такъ и тупыхъ, — какъ прилежныхъ, такъ и лѣнивыхъ, — какъ вѣж-ныхъ, такъ и грубыхъ, — какъ податливыхъ, такъ и упорныхъ: всѣхъ онъ обязанъ вести къ одной и той же цѣли — мудрости, нравственности и благочестію.

Въ природѣ все совершается послѣдовательно: въ ней нѣтъ скач-ковъ; сообразно съ этимъ должно совершаться послѣдовательно и обу-ченіе учениковъ. Сначала залагаются въ ихъ сознаніи элементарныя свѣдѣнія изъ учебныхъ предметовъ; свѣдѣнія эти послѣдовательно расши-ряются и пополняются, при томъ такъ, что новыя примыкаютъ къ раньше усвоеннымъ или вытекаютъ изъ нихъ. „Такъ на деревѣ новыя вѣтки вырастаютъ изъ раньше образовавшихся вѣтвей и оно увеличи-вается въ объемѣ“. Если обученіе ведется непослѣдовательно, оно не можетъ быть успѣшнымъ. Безполезный трудъ обучать тому, къ воспріятію чего учащіеся не подготовлены и что, такимъ образомъ, не соот-вѣтствуетъ ихъ силамъ.

При обученіи нужно знакомить учащихся съ самымъ предметомъ обученія, а не ограничиваться лишь словами о немъ; нужно давать зерно знанія, а не шелуху его. Отсюда вытекаетъ требованіе обучать *наглядно*. Требованіе это Коменскій называетъ „золотымъ“.

Предметы міра внѣшняго мы познаемъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, которымъ и нужно представлять изучаемые предметы. „Все должно быть представляемо, говорить Коменскій, внѣшнимъ чувствамъ, насколько это возможно, — именно: видимое — зрѣнію, слышимое — слуху, обоняемое — обонянію, вкушаемое — вкусу и осязаемое — осязанію; если же что-нибудь можетъ быть воспринято нѣсколькими чувствами, то и должно представлять его этимъ чувствамъ“... „Истина и достовѣрность познанія основывается на свидѣтельствѣ внѣшнихъ чувствъ, а потому, имѣя въ виду видѣрить въ учащихся истинное и вѣрное познаніе вещей, нужно возбуждать ихъ собственное наблюденіе и опытъ“. Раскройте ученикамъ живую картину природы: въ ней содержится болѣе, нежели сколько могъ бы рассказать имъ кто бы то ни былъ“... „Учащіеся должны познавать и изслѣдовать самые предметы, а не ограничиваться изученіемъ постороннихъ наблюденій надъ этими предметами и чужихъ свидѣтельствъ о нихъ“... „Если бы въ комъ-нибудь возникло сомнѣніе въ возможности представить все внѣшнимъ чувствамъ — и отвлеченное, и отсутствующее (что есть и образуется на небѣ и въ нѣдрахъ земли, и въ заморскихъ странахъ), — то пусть тотъ не забываетъ, что высшее можетъ найти выраженіе въ низшемъ, отсутствующее въ присутствующемъ, невидимое — въ видимомъ“... „Дѣльно и правильно обучать юношей не значить набивать голову ихъ пестрой смѣсью словъ, фразъ и мнѣній, но значить раскрывать имъ пониманіе предметовъ и вещей, дабы изъ этого пониманія, какъ родника живой воды, могли истечь многіе ручейки“.

Обученіе иностранному языку должно идти рука объ руку съ ознакомленіемъ съ предметами, обозначаемами словами этого языка; при чемъ отечественный языкъ долженъ служить посредствующимъ звеномъ. Согласно этому требованію составлены Коменскимъ руководства къ обученію иностраннымъ языкамъ. Кратчайшій путь къ обученію иностранному языку—практическій: посредствомъ разговора, чтенія и вообще упражненій ученикъ скорѣе усваиваетъ языкъ, чѣмъ посредствомъ изученія грамматики; эта послѣдняя служитъ лишь пособіемъ къ практикѣ.

Коменскій требуетъ, чтобы при обученіи не было ни скуки, ни страха, ни бесполезной работы и чтобы оно, напротивъ того, велось а) легко, б) прочно и в) скоро.

а) Хотя встарину и говорили, что корень ученія горекъ, однако онъ не долженъ быть горекъ. Коменскій не допускаетъ, чтобы изъ горькаго корня могъ произрасти сладкій плодъ. Онъ настоятельно требуетъ такого обученія, при которомъ учащіе и учащіеся испытывали бы высокое духовное удовольствіе, а то, что доставляетъ удовольствіе, не трудно, а легко.

Для *легкости* обученія необходимо: начинать его своевременно,—сопровождать постояннымъ возбужденіемъ интереса къ ученію,—соблюдать переходъ отъ легкаго къ трудному,—не обременять учащихся чрезмернымъ количествомъ умственнаго труда,—вести обученіе не слѣша,—не сообщать ученикамъ того, къ уразумѣнію чего они еще не подготовлены,—обучать наглядно,—примѣнять практическія упражненія и вести обученіе по одному и тому же методу.

б) *Прочность* обученія достигается самодѣятельностью учениковъ. Знанія, самодѣятельно усвоенныя, ясно сознаются и прочно сохраняются въ памяти. Тому же способствуютъ: а) органическая связь знаній, при чемъ одни изъ нихъ вытекаютъ изъ другихъ или примыкаютъ къ нимъ и прочно связываются съ ними, б) основательность усвоенія тѣхъ знаній, изъ которыхъ вытекаютъ новыя знанія или къ которымъ они примыкаютъ, в) логичность дѣленія предмета изученія, г) связь усвоенныхъ знаній съ чувствомъ, вызваннымъ ими, д) закрѣпленіе хорошо понятыхъ знаній посредствомъ частыхъ повтореній и упражненій и е) точность и вѣрность формулировки усвоенныхъ правилъ.

в) Для достиженія *скорости* обученія Коменскій требуетъ, чтобы учитель заразъ обучалъ всѣхъ учениковъ класса, а на нѣкоторыхъ только,—чтобы онъ постоянно возбуждалъ и поддерживалъ вниманіе всего класса,—чтобы обучалъ учениковъ только полезному, т. е. тому, что имѣетъ значеніе для умственнаго, нравственнаго или религіознаго ихъ развитія,—чтобы сообщалъ имъ только главныя, существенныя знанія, изъ которыхъ сами собою вытекали бы второстепенныя и, на-

ковецъ, чтобы не разсѣивалъ вниманіе учениковъ употребленіемъ при обученіи многихъ разнородныхъ учебниковъ по одному и тому же предмету.

Каждое изъ намѣченныхъ условій легкости, прочности и скорости обученія подробно раскрыто Коменскимъ въ его „Великой дидактикѣ“.

Существеннымъ условіемъ правильнаго хода обученія и воспитанія учениковъ въ школь Коменскій признаетъ поддержанія въ ней порядка или дисциплины. „Школа безъ дисциплины, говоритъ онъ, то же, что мельница безъ воды. Если отъ мельницы отвести воду, то мельница остановится; такъ точно если въ школь не достааетъ дисциплины, то не можетъ идти успѣшно ни обученіе, ни воспитаніе“. Порядокъ въ школь долженъ проявляться во всемъ: и въ своевременномъ началѣ и окончаніи занятій, и въ правильномъ чередованіи предметовъ занятій, и въ непрерывномъ, стройномъ ходѣ обученія, и въ правильной смѣнѣ труда отдыхомъ и т. д. Онъ долженъ поддерживаться не крикомъ, ударами или угрозами, а бдительностью и предусмотрительностью учителей и завѣдывающихъ школою. Прямою цѣлью школьной дисциплины должно служить воспитательное воздѣйствіе на учащихся и сама она должна носить воспитательный характеръ. Во время уроковъ дисциплина поддерживается главнымъ образомъ предоставленіемъ учащимся матеріала для умственной дѣятельности. „Если въ работающую мельницу не подсыпать зерна, то она изотретъ свои жернова и будетъ только бесполезно поднимать пыль, производя въ то же время шумъ и трескъ, повреждая и ломая составныя части своего механизма; такъ точно дѣятельный умъ учащихся, при недостаткѣ серьезныхъ предметовъ для своей дѣятельности, направляется на пустыя, причудливыя и вредныя вещи, отчего и происходятъ шалости и вообще всякаго рода нарушенія школьной дисциплины“.

Что касается религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей, то оно лежитъ на обязанности какъ семьи, такъ и школы и должно начаться съ самыхъ юныхъ лѣтъ питомцевъ. „Если своевременно не засѣять ниву добрыми сѣменами, то на ней произрастутъ плевелы и сорныя травы“.

Съ раннихъ лѣтъ нужно приучать дѣтей любить Бога превыше всего, повиноваться Его волѣ и прибѣгать къ Его милосердію; съ раннихъ лѣтъ нужно залагать въ нихъ убѣжденіе, что цѣль нашего существованія есть не земная, преходящая, а будущая, вѣчная жизнь,—что первая есть только подготовленіе ко второй... „Къ подобнаго рода наставленіямъ дѣти не такъ непонятливы, какъ нѣкоторые полагаютъ; да, наконецъ, пусть они и не вполне понимаютъ: разумніе явятся позднѣе“. Средствомъ къ религіозному воспитанію служитъ молитва, посѣщеніе общественнаго богослуженія и чтеніе Священнаго писанія.

Въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія огромное значеніе имѣютъ привычки. „Къ добродѣтели дѣти пріучаются на добрыхъ дѣлахъ. Какъ они научаются ходить, упражняясь въ ходьбѣ, — говорить, упражняясь въ разговорѣ, — писать посредствомъ упражненія въ письмѣ; такъ точно они должны научиться послушанію — посредствомъ послушанія, воздержности — посредствомъ воздержанія, правдивости — посредствомъ соблюденія правды, постоянству — посредствомъ упражненія въ терпѣніи“ и т. д.

Не менѣе важное значеніе въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія дѣтей имѣетъ примѣръ окружающихъ лицъ. „Примѣръ нравственной, благочестивой жизни родителей, учителей и вообще лицъ, окружающихъ дѣтей, освѣщаетъ для нихъ путь къ нравственности. Что дѣти видятъ, тому охотно подражаютъ; они научаются раньше подражать, чѣмъ познавать“.

Такъ какъ дѣти одинаково подражаютъ какъ хорошему, такъ и дурному, и даже послѣднему охотнѣе, чѣмъ первому, то слѣдуетъ удалять отъ нихъ все то, что можетъ служить для нихъ соблазномъ къ дурному, какъ, напр., нравственно-испорченныхъ товарищей, соблазнительныя книги, сцены, разговоры и т. п. „Кто соблазнить дитя, тому лучше было бы, если бы его съ камнемъ на шеѣ бросили въ море“, приводитъ Коменскій слова Божественнаго Учителя.

Такъ какъ мы не обладаемъ такою предусмотрительностью, чтобы вполне удалить питомцевъ отъ дурныхъ примѣровъ, а потому, для противодѣйствія вредному влиянію ихъ, слѣдуетъ путемъ назиданія раскрывать имъ нравственное зло тѣхъ или иныхъ дѣйствій.

Наконецъ, для нравственнаго воспитанія питомцевъ очень важно не допускать ихъ до праздности, при чемъ воображеніе ихъ могло бы создавать вредныя образы. Не нужно забывать, что игры служатъ тоже занятіемъ, отвлекающимъ воображеніе питомцевъ отъ нежелательной дѣятельности.

Намѣтивши главнѣйшія педагогическія идеи Коменскаго, замѣтимъ, что въ настоящее время онѣ признаются очень „простыми“ и даже общеизвѣстными; но вѣдь всякое великое открытіе признается „простымъ“ послѣ того, какъ оно сдѣлано. Не признаемъ ли мы законы пара или законы рычага, которыми пользуемся, очень простыми? Триста лѣтъ тому назадъ идеи Коменскаго не могли признаваться ни простыми, ни общеизвѣстными. Онъ первый своимъ проницательнымъ умомъ извлекъ изъ глубины природы законы правильнаго воспитанія и обученія и тѣмъ увеличилъ сумму благъ чловѣческаго существованія.

„Основы воспитанія и обученія у Коменскаго, — говоритъ нѣмецкій историкъ Раумеръ, — выражены въ такой полнотѣ и съ такимъ глубокимъ пониманіемъ, что послѣдующая педагогія получила лишь очень

незначительныя и второстепенныя приращенія, и педагогическій идеаль его такъ совершененъ и полонъ, что всѣ новѣйшія улучшения въ области воспитанія еще далеко не исчерпываютъ его“. Этотъ отзывъ нѣмецкаго автора объ идеяхъ славянскаго педагога многозначителенъ и глубоко вѣренъ.

Коменскій, безъ сомнѣнія, имѣлъ огромное вліяніе на послѣдующихъ педагоговъ; не меньшее вліяніе онъ оказывалъ и на современниковъ. Не напрасно всѣ ему довѣряли, не напрасно и народъ, и правители различныхъ странъ возлагали на него свои надежды. Какія же нравственныя качества его способствовали такому обаятельному вліянію на современниковъ?

Его жизнь и дѣятельность, свидѣтельство его современниковъ и собственныя его признанія даютъ достаточно матеріала для опредѣленія нравственной его личности.

Свой нравственный идеаль Коменскій выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Вознеси духъ свой къ Богу какъ можно выше, а передъ ближнимъ смиришь какъ можно ниже. Всѣмъ земнымъ и преходящимъ пользуйся по необходимости, наслажденія же ищи въ вѣчныхъ и не-тлѣнныхъ благахъ. Будь чувствителенъ къ страданіямъ ближнихъ и твердъ въ своихъ собственныхъ. Будь снисходителенъ къ другимъ и строгъ къ самому себѣ“. Этотъ идеаль выработанъ имъ еще въ юности и служилъ ему путеводной звѣздой до самой его смерти. Онъ неуклонно стремился ко всему возвышенному, доброму и прекрасному. „Благодаря Бога, говоритъ онъ, я весь свой вѣкъ стремился къ лучшему“.

Всѣ свои труды онъ предпринималъ во имя Бога и выполнялъ ихъ во славу Его. Глубокая религіозность, составлявшая основу его духовной природы, поддерживала его въ трудахъ и укрѣпляла его для перенесенія падавшихъ на него тяжелыхъ ударовъ. Объединеніе всѣхъ христіанскихъ исповѣданій подъ знаменемъ любви было его постоянною мечтой.

Сердце его всегда было исполнено горячей любви и состраданія къ ближнимъ. „Доброе, соболѣзнующее бѣднымъ сердце,—свидѣтельствуется его современникъ (Гандели) соединилось въ немъ съ глубокимъ нравственнымъ достоинствомъ; горе другихъ было его собственнымъ горемъ“. Личныя невзгоды и страданія еще болѣе усиливали его сострадательность и готовность помогать страдающимъ.

Онъ всегда строго относился къ самому себѣ и никогда не осуждалъ другихъ. Его чистая, свѣтлая душа довѣрчиво относилась ко всѣмъ и, несмотря на то, что многіе пользовались этимъ во вредъ ему, онъ никогда не переставалъ вѣрить въ челоуѣка и добро.

Онъ обладалъ несокрушимой волей и непоколебимой стойкостью въ своихъ убѣжденіяхъ. Сознавши необходимость достигнуть какой-

нибудь цѣли, онъ твердо шелъ къ достиженію ея. Встрѣчавшіяся препятствія и неудачи не ослабляли, а еще болѣе закаляли его волю. Онъ никогда не измѣнилъ своимъ благороднымъ убѣжденіямъ, своему высокому идеалу, и съ открытымъ лицомъ встрѣчалъ каждый новый ударъ судьбы, глубоко сознавая, что не сломить ей его духовной силы. Трудолюбіе его было безпредѣльно и дѣятельность его была самая разнообразная. Онъ управлялъ паствою, обучалъ въ школахъ, заботился объ угнетенныхъ и страдающихъ соотечественникахъ, поучалъ народъ въ церкви, устраивалъ школы на родинѣ и въ иностранныхъ государствахъ и составлялъ многочисленныя сочиненія по самымъ разнообразнымъ предметамъ — богословію, философіи, физикѣ, исторіи и педагогикѣ. Палацкій насчитываетъ болѣе 90 объемистыхъ его сочиненій. А сколько еще его сочиненій сдѣлалось жертвой пламени въ Фульнекѣ и Лиссѣ! Единственнымъ побужденіемъ къ неутомимому труду было желаніе его исполнить свой долгъ и принести пользу человечеству. „Я предпринималъ, говорить онъ, всѣ свои труды изъ любви къ Господу и Его ученикамъ. Другихъ побудительныхъ причинъ я не знаю и не признаю, и да будутъ прокляты каждый тотъ часъ и каждая та минута, въ продолженіи которой моя дѣятельность возбуждалась и мотивировалась какими-либо иными причинами“.

При своей плодотворной и обширной дѣятельности для блага современниковъ и потомства, онъ отличался поразительною скромностью и неподражаемою простотой. Чувство гордости было чуждо его чистой, возвышенной душѣ. Онъ самъ про себя такъ говоритъ во вступительной главѣ „Великой дидактики“: „Кто меня знаетъ, тому не безызвѣстно, что я не обладаю ни сильными способностями, ни научнымъ образованіемъ, и что я сожалею о потраченномъ бесполезно времени и всегда готовъ учиться у другихъ, если къ этому представляется случай. Мой Христосъ знаетъ, что сердце мое незлобиво и не знаетъ различія между „учить“ и „учиться“, быть ли наставникомъ учителей или ученикомъ учащихся“... „Если въ трудахъ моихъ есть что-либо правильное, то это не мое, но Того, Которому и изъ устъ младенцевъ воздается хвала“... „Что Господь далъ мнѣ замѣтить, то я и излагаю открыто, дабы подѣлиться съ другими. Кто откроетъ лучшее, тотъ обязанъ тоже подѣлиться своимъ открытіемъ съ другими, дабы Господь никого не обвинилъ въ пренебреженіи дарованнымъ ему талантомъ, предназначеннымъ для пользы другихъ“.

Трудясь для пользы другихъ, Коменскій самъ обреченъ былъ переносить одни только страданія. Сердце его страдало не только отъ ударовъ, постигавшихъ его лично, но и отъ ударовъ, падавшихъ на долю его соотечественниковъ. Одно лишеніе родины и отечества сколько причинило ему сердечнаго горя!

Единственнымъ утѣшеніемъ его было сознаніе, что онъ трудится „для другихъ и лучшаго будущаго“. Это сознаніе было высшей его наградой, замѣнявшей ему земныя блага, которымъ онъ, впрочемъ, и не придавалъ особеннаго значенія. „Для себя лично, говоритъ онъ въ своемъ признаніи,—я не желаю никакихъ земныхъ благъ. Самая плохая хижина замѣнить мнѣ дворець; если я не буду имѣть и хижины, гдѣ бы могъ приклонить свою утомленную голову, то по примѣру Спасителя, удовольствуюсь тѣмъ, если кто-нибудь приметъ меня подъ свою кровлю, или останусь подъ открытымъ небомъ, подобно Іисусу, проводившему ночь въ Гефсиманіи. Вмѣсто дорогого платья, я готовъ довольствоваться, подобно Іоанну Крестителю, самою грубою одеждой. Хлѣбъ и вода будетъ моею лучшею пищей; если можно будетъ имѣть нѣсколько овощей, то восхваляю благодать Творца. Моимъ лѣкарствомъ да будетъ умѣренность и строгое воздержаніе“... „Вся жизнь моя протекла внѣ отечества, въ постоянныхъ странствованіяхъ. Изгнанникъ, я не имѣлъ постояннаго пристанища и могу съ Давидомъ воскликнуть: „Я Твой, Господи, гражданинъ!“ Ты всегда посылалъ мнѣ, подобно Іліи, Твоего ангела съ кускомъ хлѣба и глоткомъ воды, чтобы не умереть отъ голода и жажды. Ты охранялъ меня отъ неразумія людей, считающихъ временное благо за существенное, средство за цѣль, переходящее за вѣчное. Да будетъ прославлено имя Твое!“

Приведенное признаніе краснорѣчиво характеризуетъ нравственную личность славянскаго педагога Амоса Коменскаго.)

Джонъ Локкъ.

Англичанинъ Джонъ Локкъ (отъ 1632 до 1704 г.) родился близъ Бристоля. Въ юности онъ получилъ основательное образованіе, при чемъ изучилъ философію и въ особенности медицину. На 34-мъ году своей жизни онъ поступилъ воспитателемъ въ домъ графа Шефтсбери. Сынъ графа, пятнадцатилѣтній мальчикъ, порученный воспитанію Локка, былъ хилъ и болѣзненъ. Но, благодаря дѣятельности своего воспитателя, онъ окрѣпъ, развился, возмужалъ и имѣлъ семеро дѣтей, изъ которыхъ старшаго сына поручилъ для воспитанія своему бывшему воспитателю.

Будучи воспитателемъ въ домъ Шефтсбери, Локкъ время отъ времени принималъ на себя государственныя должности.

Локкъ оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій, изъ которыхъ для педагогики имѣютъ значеніе „О человѣческомъ умѣ“ и „О воспитаніи дѣтей“.

Своимъ сочиненіемъ „О человѣческомъ умѣ“ Локкъ положилъ основаніе новому направленію въ изученіи душевныхъ явленій (психологіи).

Самонаблюдение или внутренней опыт и выводъ посредствомъ него (индуктивнымъ путемъ) законовъ душевной жизни человѣка—вотъ путь, по которому Локкъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ изучать душевныя явленія. Для изученія психологій Локкъ, слѣдовательно, сдѣлалъ то же, что Вэконъ сдѣлалъ для изученія внѣшняго міра.

Локкъ не признаетъ, вопреки господствовавшему тогда мнѣнію, прирожденныхъ идей. Въ умѣ, по его ученію, нѣтъ ничего такого, чего бы не было прежде въ воспріятіи; умъ или душа человѣка отъ природы есть *tabula rasa*, чистая доска, на которой ничего не написано; всѣ понятія и идеи происходятъ изъ опыта. „Но самый опытъ бываетъ двоякаго рода: или онъ происходитъ чрезъ познаніе внѣшнихъ предметовъ посредствомъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, и тогда мы называемъ его ощущеніемъ; или онъ есть результатъ внутренней дѣятельности нашей души, и тогда мы называемъ его рефлексіей. Ощущеніе и рефлексія даютъ разуму всѣ его идеи, и на нихъ должно смотрѣть, какъ на единственныя окна, сквозь которыя падаетъ свѣтъ идеи въ темное пространство души. Внѣшніе предметы даютъ намъ идеи чувственныхъ качествъ; внутренней предметъ или душевная жизнь доставляетъ идеи ея собственной дѣятельности“. Изъ простыхъ идей, воспріятыхъ внутреннимъ или внѣшнимъ опытомъ, душа вырабатываетъ сложныя, высшія идеи. Образовавшіяся посредствомъ внѣшняго или внутренняго воспріятія представленія и идеи составляютъ достояніе, богатство души.

Въ сочиненіи „О воспитаніи дѣтей“ Локкъ говоритъ о физическомъ, нравственномъ и умственномъ воспитаніи. Воспитаніе, по его словамъ, имѣетъ огромное вліяніе на человѣка. Изъ ста человѣкъ дѣвности—добры или злы, полезны обществу или бесполезны именно вслѣдствіе того воспитанія, которое они получили. Воспитаніе болѣе, нежели что-либо другое, обусловливаетъ различіе между нравами и склонностями людей.

Домашнее воспитаніе и обученіе Локкъ ставитъ выше общественнаго, утверждая, будто при первомъ мальчикъ скорѣе можетъ сохранить чистоту и скромность помысловъ, чѣмъ при второмъ. „Достаточныя родители несравненно лучше поступать, если, вмѣсто того, чтобы отдавать своихъ дѣтей въ школу, возьмутъ для нихъ воспитателя, который научитъ ихъ изящнымъ манерамъ, вселитъ въ нихъ благороднѣйшія мысли, стремленія, знаніе добра, чести и благопристойности и обогатитъ ихъ всякаго рода свѣдѣніями“... „Домашнее воспитаніе, порученное добросовѣстному воспитателю, вѣрнѣе и лучше всего ведетъ къ добродѣтели, а въ ней заключается главная задача воспитанія“.

Съ мнѣніемъ Локка о преимуществѣ домашняго воспитанія передъ общественнымъ нельзя, конечно, согласиться. Только плохой школь

можетъ быть предпочтено воспитаніе и обученіе дома. Хорошая же школа всегда будетъ имѣть многія преимущества въ дѣлѣ обученія и воспитанія мальчиковъ.

Давая предпочтеніе домашнему воспитанію, Локкъ совѣтуетъ возможно ранѣе держать ребенка въ обществѣ взрослыхъ людей, но съ условіемъ, чтобы послѣдніе своимъ поведеніемъ не подавали ему худого примѣра или не вводили его въ соблазнъ.

Для вліянія на ребенка Локкъ совѣтуетъ родителямъ или воспитателямъ приобрести въ его глазахъ значеніе безусловнаго авторитета. „Утверждайте свою власть и укрѣпляйте свой авторитетъ надъ дѣтьми, сколько возможно ранѣе, дабы онъ дѣйствовалъ на нихъ неотразимо. Пусть дитя любитъ и боится васъ; эти два чувства суть рули воспитанія. Когда же утвердите свою власть, показывая ребенку, что онъ отъ васъ зависитъ; когда неослабною строгостью излѣчите его отъ худшихъ дѣтскихъ пороковъ, каковы: ложь, упрямство, непослушаніе; когда онъ пойметъ всю вашу къ нему любовь и самъ сознательно и горячо полюбитъ васъ,—тогда можете измѣнить свой образъ дѣйствій, а именно: по мѣрѣ того, какъ онъ начнетъ выростать, отодвигайте мало-по-малу строгость и приказанія на задній планъ и дайте просторъ дружескому и ласковому съ нимъ разговору и сужденіямъ; дѣлайте его участникомъ въ вашихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ, насколько признаете его способнымъ къ такой довѣренности“.

„Цѣлью воспитанія должно быть образованіе здороваго духа въ здоровомъ тѣлѣ“. Здоровое тѣло при здоровомъ духѣ составляетъ необходимое условіе счастья человѣка. Если человѣкъ обладаетъ или больнымъ, слабымъ тѣломъ, или слабымъ умомъ, онъ не можетъ быть счастливымъ.

Для образованія здороваго тѣла Локкъ предлагаетъ рядъ гигиеническихъ совѣтовъ. Вотъ главнѣйшіе изъ нихъ:

Нужно стараться приучить организмъ ребенка къ измѣненіямъ погоды (закалить тѣло), дабы предохранить его отъ простуды. Слѣдуетъ также, для укрѣпленія тѣла, дѣлать ему холодныя ванны. Плаваніе въ рѣкѣ есть одно изъ лучшихъ укрѣпляющихъ средствъ. Мальчики должны проводить большую часть дня на открытомъ воздухѣ, во всякое время года и даже во всякую погоду. Укутывать дѣтей въ слишкомъ теплыя и узкія платья Локкъ не совѣтуетъ. Пишу дѣти должны принимать въ опредѣленное время, при чемъ она не должна быть приправлена пряностями. Употребленіе дѣтьми вина или спиртныхъ напитковъ не должно быть допускаемо. Дѣти должны рано ложиться спать и рано вставать; восемь часовъ для сна—достаточно. Постель не должна быть слишкомъ мягкой: перины и пуховики должны быть изгнаны изъ дѣтской. Не слѣдуетъ приучать организмъ ребенка къ дѣкарствамъ.

Въ лѣкарствамъ и врачу можно прибѣгать лишь въ серьезныхъ случаяхъ. Вообще физическое воспитаніе дѣтей знатныхъ родителей должно приближаться къ воспитанію дѣтей достаточныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ.

При нравственномъ воспитаніи питомца Локкъ совѣтуетъ приучать его руководиться въ своихъ поступкахъ не прихотью или страстью, а благоразуміемъ. „Никогда не слѣдуетъ потворствовать капризамъ или прихотямъ ребенка, напротивъ, всегда нужно ставить имъ сильный отпоръ. Никогда не слѣдуетъ удовлетворять тѣмъ желаніямъ ребенка, исполненія которыхъ онъ требуетъ съ неистовствомъ, неотступно, желая во что бы то ни стало поставить на своемъ и добиться желаемого крикомъ. Настоящія же потребности ребенка, напротивъ, должны удовлетворяться охотно, съ готовностью. Если, напр., дитя проситъ ѣсть или пить, то, разумѣется, необходимо накормить или напоить его. Но если при этомъ оно указываетъ, какой именно пищи или питья оно требуетъ, напр.: сладкаго пирожнаго или вина, то слѣдуетъ всегда наотрѣзъ отказывать ему въ просимомъ и не давать что ему ни заблагоразсудится. Ребенокъ рано долженъ ознакомиться съ ограниченіемъ своихъ прихотей“.

Самымъ лучшимъ средствомъ вліять на питомца Локкъ считаетъ возбужденіе въ немъ чуткости къ чести и безславію. „Если удастся возбудить въ ребенкѣ любовь къ чести и сдѣлать его чувствительнымъ къ стыду и безчестію, то этимъ самымъ въ его душу будетъ прочно положено начало побужденія, которое безпрестанно будетъ руководить и вести его къ добру. Въ этомъ состоитъ великая тайна воспитанія“.

Похвалу и порицанія, дѣйствующія на честь и чувство стыда, Локкъ считаетъ естественнымъ средствомъ вліянія на ребенка. Испытывая удовольствіе при похвалѣ и непріятное чувство стыда при порицаніи, ребенокъ старается дѣлать то, что влечетъ за собою одобреніе, и уклоняется отъ того, что влечетъ за собою порицаніе.

Локкъ совѣтуетъ хвалить питомца иногда публично, такъ какъ публичная похвала усиливаетъ награду. Но порицать его публично, или оглашать его порокъ Локкъ не совѣтуетъ, такъ какъ это можетъ приглушить его чувство стыда. Тѣлесныхъ наказаній Локкъ не допускаетъ. Къ нимъ онъ дозволяетъ прибѣгнуть лишь въ случаѣ проявленія питомцемъ упорнаго упрямства и самовольнаго непослушанія. Но и въ этомъ случаѣ онъ совѣтуетъ попытаться устроить такъ, чтобы въ стыдѣ и безчестіи отъ побоевъ питомецъ видѣлъ большее для себя наказаніе, чѣмъ въ боли, причиняемой ударами. „Стыдъ дѣлать дурное и позоръ заслужить наказаніе есть единственная истинная узда, способная удерживать людей на пути спасенія“.

Родители сами не должны наказывать дѣтей, а поручать исполнять это слугѣ, такъ чтобы болѣзненное ощущеніе наказанія являлось непосредственно отъ руки другого, а не родителя, хотя и по его приказанію. Такимъ образомъ, родительская власть остается въ уваженіи, а нерасположеніе, возбуждаемое въ ребенкѣ болью отъ испытываемаго имъ наказанія, обратится болѣе на то лицо, которое непосредственно причиняетъ ему ее“.

„Никогда не нужно налагать на ребенка наказанія въ минуту сильнаго гнѣва или раздраженія, такъ какъ въ такомъ случаѣ легко выйти изъ предѣловъ справедливости и тѣмъ ослабить свой авторитетъ въ глазахъ ребенка. Дѣти особенно чутки къ тому, что справедливо и что несправедливо“.

При наложеніи наказанія непременно нужно обращать вниманіе на мотивы проступка. „Какой бы проступокъ ребенокъ ни сдѣлалъ и какъ бы важенъ ни былъ этотъ проступокъ, при обсужденіи виновности надобно обращать вниманіе единственно на причину, побудившую совершить его и на могущую отсюда вкорениться привычку. Однѣ погрѣшности воли достойны наказанія“.

Кромѣ возбужденія чувства чести и стыда и кромѣ наказаній, Локкъ совѣтуетъ вліять на питомца путемъ убѣжденія. „Надобно убѣждать дѣтей посредствомъ разсужденій. Дѣти становятся способными разумѣть истину одновременно съ тѣмъ, какъ начнутъ понимать человѣческой языкъ, и желаютъ, раньше, нежели мы то думаемъ, чтобы съ ними обходились, какъ съ разумными существами. Надобно только умѣть пользоваться этимъ для руководства дѣтьми. Разсужденія, съ которыми обращаются къ дѣтямъ, должны соответствовать ихъ возрасту и понятіямъ. Наиболѣе убѣдительными для дѣтей служатъ примѣры, подходящіе къ той истинѣ, въ которой желательно ихъ убѣдить“.

Не слѣдуетъ предъявлять дѣтямъ слишкомъ много требованій. Нужно требовать отъ нихъ лишь того, что необходимо. Но предъявивши требованія, нужно настойчиво добиваться исполненія ихъ. Всякая поблажка въ этомъ отношеніи—вредна.

Ребенокъ долженъ быть приучаемъ къ хорошимъ манерамъ и къ вѣжливости въ обращеніи, такъ какъ то и другое составляютъ необходимую принадлежность всякаго благовоспитаннаго человѣка. Хорошимъ манерамъ и вѣжливости въ обращеніи ребенокъ научается, вращаясь въ обществѣ учтивыхъ и благопрістойныхъ людей. Обученіе танцамъ сильно способствуетъ, съ одной стороны, уничтоженію угловатости и грубости манеръ, а съ другой—пріобрѣтенію развязности и прістойности въ обращеніи, а потому слѣдуетъ рано начать обучать дѣтей имъ.

Но заботясь о пристойности и вѣжливости въ обращеніи, необходимо стараться, чтобы эти качества согласовались съ внутреннимъ міромъ питомца и съ настроеніемъ его сердца.

Существуетъ четыре главные погрѣшности, противоположныя вѣжливости: 1) грубость, 2) небрежность въ обхожденіи и вообще недостатокъ уваженія къ людямъ, 3) духъ осужденія, злорѣчія, насмѣшки и противорѣчія и 4) страсть спорить или ссориться и прерывать другихъ въ разговорѣ. Все это надобно, при проявленіи въ дѣтяхъ, заботливо искоренять словомъ и примѣромъ.

Слѣдуетъ предупреждать въ дѣтяхъ развитіе скупости, а напротивъ, нужно развивать въ нихъ щедрость по отношенію къ другимъ (но не расточительность).

„Не менѣе того должно стараться не допускать дѣтей до нарушенія правилъ справедливости, самой строгой честности и уваженія неприкосновенности чужой собственности. Иначе нарушеніе этихъ требованій, даже въ мелочахъ, можетъ со временемъ вырасти въ порокъ“.

„Должно внушать ребенку ужасъ и ненависть къ проявленіямъ безчестности и несправедливости и, какъ лучшее предохранительное средство для сего, — прямо не допускать его впадать въ предосудительныя въ этомъ отношеніи дѣйствія“.

Локкъ совѣтуетъ обратить особенное вниманіе на предотвращеніе ребенка отъ лживости. „Такъ какъ ложь, будучи средствомъ прикрывать проступки, ведетъ къ непохвальнымъ дѣйствіямъ, то поэтому нужно стараться вселять въ душѣ ребенка отвращеніе къ ней. Необходимо въ его присутствіи, при всякомъ удобномъ случаѣ, выставлять ложь, какъ самый гнусный порокъ, столь противорѣчащій благородству чувствъ, что всякій, сколько-нибудь дорожащій своею честью, долженъ приходить въ величайшее негодованіе при обвиненіи во лжи. При первой же лжи, сказанной ребенкомъ, необходимо отнестись къ ней съ отвращеніемъ и ужасомъ и въ теченіе нѣкотораго времени смотрѣть на провинившагося холодно и презрительно“.

Стремленіе дѣтей къ знанію начинаетъ проявляться въ любознательности ихъ. Дѣти начинаютъ предлагать вопросы. Локкъ совѣтуетъ давать отвѣты на ихъ вопросы и тѣмъ обогащать ихъ знаніями.

„Какіе бы вопросы ни задавалъ ребенокъ, ни одного не должно оставлять безъ отвѣта, неласково отталкивая дитя. Надобно вразумительно объяснять ребенку то, что хочется ему въ данную минуту знать. Приобрѣтеніе знаній радуетъ его и онъ охотно предлагаетъ вопросы. Отвѣчая на вопросы ребенка, никогда не нужно насмѣхаться надъ нимъ, какъ бы его вопросы ни были наивны. Не нужно также обманывать дѣтей при отвѣтахъ на ихъ вопросы. Если случится, что дитя задастъ вопросъ о предметѣ, о которомъ ему еще рано или непри-

лично знать, то лучше прямо отвѣтить, что ему это еще не годится или ненадобно знать, чѣмъ обманывать его лживымъ или шуточнымъ отвѣтомъ“.

Приступивъ къ собственно обученію ребенка, нужно стараться сдѣлать ему обученіе приятнымъ, нужно приохотить его къ занятію. Приохоченный къ ученію ребенокъ втрое больше сдѣлаетъ успѣховъ, чѣмъ въ то время, когда онъ принимается за ученіе неохотно.

Приохочивать ребенка къ занятію нужно не лакомствами, а дѣйствуя на его любознательность. Наказанія мало помогаютъ при обученіи. „Кто прибѣгаетъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, чтобы заставить питомца изучить какой-нибудь предметъ, тотъ вызываетъ въ немъ только отвращеніе къ этому предмету“. „Угрозы, брань, при непониманіи ребенкомъ содержанія учебнаго предмета, не только не приводятъ къ пониманію, но даже отнимаютъ у него всякую способность проникнуть въ предметъ: заложить въ запуганной душѣ правильныя и ясныя знанія такъ же трудно, какъ трудно начертить правильныя прямыя линіи на пропускающей бумагѣ“.

Въ случаѣ проявленія ребенкомъ неохоты къ ученію, Локкъ совѣтуетъ поступить такъ: заставить такого ребенка заниматься играми втеченіе пѣлаго дня и слѣдить, чтобы онъ не уклонялся отъ игры. Игра, наконецъ, такъ ему наскучитъ и опротивѣетъ, что онъ самъ захочетъ заняться ученіемъ, которое надо выставлать не иначе, какъ приятнымъ отдохновеніемъ. Совѣтуетъ Локкъ также занимать ребенка физическимъ трудомъ, пока онъ не захочетъ заняться ученіемъ.

Локкъ считаетъ обученіе и приобрѣтеніе посредствомъ него знанія ниже воспитанія и упорядоченія чрезъ него поведенія. „Добродѣтельный, разумный и искусный въ веденіи своихъ дѣлъ человекъ далеко предпочтительнѣе великому ученому безъ названныхъ качествъ“. (Замѣтимъ, что, въ противоположность мнѣнію Локка, воспитаніе и обученіе одинаково важны и находятся въ связи и взаимодѣйствіи между собою).

Чтенію Локкъ совѣтуетъ обучать посредствомъ игры. На многогранникѣ или на дощечкахъ наклеиваются буквы одна за другою, и ребенокъ, играя, отгадываетъ ихъ и такимъ образомъ знакомится съ ними. Послѣ изученія буквъ онъ изучаетъ склады, а затѣмъ учится читать. Книга для чтенія должна быть понятна, интересна для ребенка и иллюстрирована доступными для него картинками.

При обученіи письму Локкъ совѣтуетъ сначала научить ученика держать перо и тетрадь, а потомъ упражнять его въ писаніи буквъ, заставляя водить по написаннымъ или литографированнымъ буквамъ. Затѣмъ можно упражнять его въ каллиграфіи и скорописи.

Научивъ питомца писать, слѣдуетъ обучать его рисованію, которому Локкъ придаетъ большое практическое значеніе.

Обученіе религіи должно состоять скорѣе въ насажденіи въ сердцѣ ребенка теплої вѣры и любви, чѣмъ въ изученіи непонятныхъ мѣстъ Библии.

Къ обученію иностраннымъ языкамъ Локкъ совѣтуетъ приступить лишь послѣ того, какъ питомецъ научится хорошо говорить на отечественномъ языкѣ. Нужно начать съ обученія французскому языку. Способъ обученія долженъ быть практическій: ребенокъ научается иностранному языку такъ же, какъ онъ изучаетъ отечественную рѣчь, т.-е. посредствомъ разговора. Грамматика является тогда, когда питомецъ пріобрѣлъ навыкъ въ рѣчи; она не должна быть обширна.

Послѣ французскаго языка питомецъ изучаетъ латинскій языкъ, изученіе котораго, по словамъ Локка, „вошло въ обычай“. Однако онъ находитъ безцѣльнымъ изученіе этого языка тѣмъ, которымъ не представится никакой надобности въ немъ, какъ, напр., дѣтямъ, предназначеннымъ быть купцами, сельскими хозяевами и т. п.

Изученіе латинскаго языка, какъ и изученіе французскаго и отечественнаго, должно совершаться тоже практически, т.-е. посредствомъ разговора и чтенія. Если нельзя найти лицо, которое могло бы практически обучать питомца латыни, то для обученія ей Локкъ совѣтуетъ пріобрѣнуть къ слѣдующему способу:

„Берется какая-нибудь легкая и интересная книга, напр., Эзоповы басни, и между строкъ ея пишется буквальный переводъ, такъ чтобы подъ каждымъ латинскимъ словомъ стояло соотвѣтственное ему слово на отечественномъ языкѣ. Затѣмъ заставляютъ питомца читать и перечитывать этотъ переводъ до тѣхъ поръ, пока онъ не запомнитъ всѣ латинскія слова. Послѣ изученія одной басни можно перейти къ изученію подобнымъ же образомъ другой басни. Тутъ же онъ заучиваетъ латинскія склоненія и спряженія“.

При обученіи языкамъ Локкъ совѣтуетъ обогащать питомца и реальными знаніями. Такъ, во время разговора на французскомъ или латинскомъ языкѣ можно знакомить его съ тѣми или другими предметами. Для перевода съ латинскаго на отечественный языкъ можно давать статьи, способныя обогатить умъ его знаніями изъ ботаники, географіи, астрономіи и анатоміи.

Упражненіе питомца въ писаніи стиховъ Локкъ считаетъ нецѣлесообразнымъ; и вообще онъ придаетъ очень мало значенія поэзіи. „Воздухъ на Парнасѣ хотя и сладостенъ, но почва неплодотворна: никакой пользы нельзя получить“... „Если уже хочется способствовать развитію въ питомцѣ способности къ писанію стиховъ, то для этого можетъ служить несравненно лучшимъ средствомъ чтеніе лучшихъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, нежели сочиненіе никуда негодныхъ латинскихъ стиховъ“.

Въ своемъ трактатѣ Фенелонъ говоритъ, что дурное воспитаніе женщинъ болѣе вредно для общества, нежели дурное воспитаніе мужчинъ. Мужчина, какъ сынъ, братъ, мужъ, находится подъ неотразимымъ вліяніемъ женщины и характеръ его зависитъ отъ ея вліянія, а потому правильное воспитаніе женщины, именно облагороженіе ея сердца, имѣетъ большое значеніе для усовершенствованія общества.

Недостатокъ воспитанія и образованія дѣвушекъ имѣетъ печальныя послѣдствія не только для общества, но и для нихъ самихъ, такъ какъ порождаетъ въ нихъ душевную пустоту и скуку. Если дѣвушка не привыкла къ серьезнымъ занятіямъ, она лишается вкуса и охоты къ работѣ и впадаетъ въ праздность, а праздность ведетъ къ лѣности. Въ ней является страсть къ удовольствіямъ, развлеченіямъ и зрѣлищамъ; она дѣлается любопытною и болтливою. Она пристращается къ романамъ, комедіямъ и къ описаніямъ фантастическихъ происшествій и дѣлается малопрігодной для правильной, разумной жизни.

Нужно избѣгать воспитывать дѣвицъ въ изнѣженности и робости; нужно также удерживать ихъ отъ излишней чувствительности, отъ ревности, лукавства, слезливости и тому подобныхъ, часто встрѣчающихся у дѣвицъ, пороковъ. Всего болѣе слѣдуетъ стараться не допускать развиться у нихъ тщеславію: съ дѣтства уже замѣтно у дѣвушекъ желаніе нравиться. Слѣдуетъ также ограничивать ихъ стремленіе къ нарядамъ и новостямъ.

Такъ какъ каждой женщинѣ придется воспитывать дѣтей, то поэтому слѣдуетъ подготовить ее къ этому. Пускай дѣвушка наблюдаетъ за дѣтьми, изучаетъ ихъ природу, знакомится съ средствами для предупрежденія ихъ отъ зла и для направленія ихъ къ добру.

Кромѣ того, такъ какъ каждой женщинѣ придется управлять домомъ, быть хозяйкой, то поэтому слѣдуетъ приучать ее къ веденію хозяйства. Въ семьѣ полезно поручать дѣвушкѣ разныя хозяйственныя занятія, чтобы она приучалась къ нимъ.

Каково бы ни было положеніе дѣвушки, она должна избѣгать праздности. Природа, наказаніе, наложенное на перваго человѣка, примѣръ Иисуса Христа, — все побуждаетъ насъ здѣсь, на землѣ, вести трудовую жизнь. „Приученіе къ труду должно соответствовать условіямъ, при которыхъ придется дѣвушкѣ жить. Было бы опасно молодой дѣвицѣ выйти изъ предназначенной ей сферы“.

Все воспитаніе дѣвушки должно быть проникнуто религіознымъ началомъ. Чтеніе Священнаго Писанія и исполненіе религіозныхъ обрядовъ должны вести къ возбужденію въ ней нелицемѣрнаго религіознаго чувства.

Для женщины необходимы слѣдующія знанія: чтеніе, правильное письмо, ариеметика и веденіе приходо-расходной книги. Полезно для

нея также знаніе главнѣйшихъ отечественныхъ законовъ. Для владѣющихъ помѣстьемъ не бесполезно знаніе сельскаго хозяйства. Наконецъ женщина должна имѣть понятіе—какъ устраивать и вести школы для дѣтѣй; какъ вести занятія несложными ремеслами, какъ оказывать ближайшую помощь больнымъ, и т. п. Полезно приучать дѣвушку читать историческія книги, особенно по греческой и отечественной исторіи, такъ какъ это развиваетъ ея умъ и возвышаетъ ея душу, обогащая ее высокими идеалами и жизненною мудростью, и предупреждаетъ образованіе въ ней склонности къ комедіямъ, романамъ и вреднымъ стихотвореніямъ.

„Изученіе дѣвицей итальянскаго и испанскаго языковъ не приноситъ пользы, такъ какъ знаніе ихъ большею частью служитъ лишь къ тому, чтобы читать разныя вздорныя и вредныя книги“. „Гораздо полезнѣе изученіе латинскаго языка, ибо это языкъ церкви“. Можно позволить дѣвушкамъ читать произведенія поэзіи и ораторскаго искусства, если только онѣ въ состояніи надлежащимъ образомъ понимать ихъ. Музыкѣ дѣвушекъ можно учить только въ томъ случаѣ, если есть къ тому талантъ, и то обращая главное вниманіе на религіозную музыку, чтобы не убить въ женскомъ сердцѣ страха Божія. Очень полезно обучать дѣвушекъ живописи, такъ какъ это способствуетъ выработкѣ въ нихъ вкуса къ прекрасному, что очень важно для усовершенствованія женскихъ работъ.

Трактатъ „О воспитаніи дѣвицъ“ былъ первой попыткой составить правильную систему женскаго воспитанія, о которомъ во Франціи стали заботиться вообще ранѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ Европы.

Благодаря означенному трактату, а равно и своимъ педагогическимъ способностямъ, Фенелонъ былъ приглашенъ на должность учителя французскаго принца, сына Людовика XIV, мальчика хотя и способнаго, но очень своенравнаго, вспыльчиваго. Фенелонъ успѣлъ овладѣть своимъ питомцемъ и направить его такъ, что онъ самъ сталъ бороться съ своими эгоистическими порывами и страстными увлеченіями.

Обученіе питомца Фенелонъ велъ послѣдовательно. Сначала онъ сообщалъ ему легкіе рассказы, потомъ перешелъ къ мнѣологіи, исторіи и сочиненіямъ древнихъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ. Фенелонъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы своими бесѣдами съ питомцемъ обогащать его знаніями и дѣйствовать на его чувство и волю.

Все образованіе принца было закончено философіей и религіей въ ихъ историческомъ развитіи, и такимъ образомъ были приведены къ единству и осмыслены всѣ отдѣльныя знанія по всевозможнымъ предметамъ.

Для своего питомца Фенелонъ написалъ книгу „Телемакъ“. Книга эта, имѣвшая множество изданій и переводовъ, сдѣлалась во Франціи настольною при образованіи и воспитаніи юношества. Кромѣ того, для него же Фенелонъ написалъ басни, сказки, разговоры мертвыхъ и другія сочиненія, служащія, подобно тому, какъ и „Телемакъ“, и до настоящаго времени, лучшими образцами хорошаго слога и глубины мыслей.

Августъ Германъ Франке.

Августъ Германъ Франке (отъ 1663 до 1727 г.) принадлежитъ къ числу такихъ благотворителей человѣчества, дѣятельность которыхъ оставляетъ по себѣ огромный слѣдъ.

Въ городѣ Галле (въ Пруссіи) существуетъ цѣлый рядъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, помѣщенныхъ въ большихъ зданіяхъ, съ надписью надъ входной дверью: „Уповающіе на Господа обрѣтаютъ новыя силы, такъ что взлетаютъ на крыльяхъ, какъ орлы, постоянно стремятся впередъ и не устаютъ“. Всѣ эти заведенія и зданія обязаны своимъ существованіемъ дѣятельности бѣднаго священника и профессора Августа Франке.

Франке родился въ Любекѣ. Трехъ лѣтъ онъ съ своимъ отцомъ переѣхалъ въ Готу. Здѣсь онъ учился въ гимназій, которую окончилъ 14-ти лѣтъ. На 16-мъ году онъ поступилъ въ Кильскій университетъ, въ которомъ изучалъ преимущественно богословскія и философскія науки. Двадцати-одного года онъ переѣхалъ въ Лейпцигъ, гдѣ получилъ ученую степень и читалъ курсы по богословію. Черезъ три года онъ получилъ мѣсто проповѣдника въ Люнебургѣ. Здѣсь онъ пережилъ мучительное состояніе скептицизма въ предметахъ вѣры. Онъ уже было вознамѣрился вовсе отказаться отъ званія проповѣдника, какъ недостойный, колеблющійся грѣшникъ. Но однажды въ минуту сомнѣнія онъ палъ на колѣни и со слезами просилъ Бога просвѣтить его и, такимъ образомъ, избавить отъ мученія. Изливая свои мольбы къ Богу, онъ почувствовалъ облегченіе. Исчезли его сомнѣнія и утвердилась въ его сердцѣ вѣра. Душа его наполнилась такою радостью, какой онъ, по собственному признанію, никогда прежде еще не испытывалъ. Съ этого времени, прибавляетъ онъ, собственно и начинается мое истинное обращеніе къ Богу, котораго я позналъ не умомъ, а сердцемъ“.

Изъ Люнебурга Франке переѣхалъ въ Гамбургъ. Здѣсь онъ открылъ элементарную школу. „При занятіяхъ въ этой школѣ, говорить онъ, мнѣ становилось все яснѣе и яснѣе, какъ непригодна существующая организація школъ и сколь несовершенно воспитаніе дѣтей; все это побудило меня уже и въ то время желать, чтобъ Богъ

удостоилъ меня принести свою посильную лепту на исправленіе и улучшеніе школьнаго и воспитательнаго дѣла и способствовать совершенствованію его“.

Въ 1692 году Франке получилъ приглашеніе занять должность профессора греческаго и восточныхъ языковъ во вновь открытомъ университетѣ въ Галле и священника въ одномъ изъ предмѣстій этого города. Франке согласился на приглашеніе и переѣхалъ въ Галле, гдѣ и оставался до своей смерти, т.-е. 35 лѣтъ, неустанно проявляя плодотворную благотворительную дѣятельность на поприщѣ воспитанія и обученія юношества.

Началь Франке свою благотворительную дѣятельность съ малаго и только послѣдовательно, благодаря теплой любви къ бѣднымъ и христіанской ревности принести пользу ближнимъ, распространилъ свои благотворительныя учрежденія до огромныхъ размѣровъ. По четвергамъ собирались къ церковному дому, гдѣ жилъ Франке, нищіе за подаеніемъ. Однажды, вмѣсто раздачи поданія, Франке пригласилъ собравшихся нищихъ въ свою комнату и сталъ поучать ихъ. Поученіе кончилось общей молитвой. Когда нищіе уходили отъ него, онъ сказалъ имъ, что будетъ поучать ихъ каждый четвергъ. Охотниковъ слушать поученіе пастора являлось немало. Но Франке особенно озабочивали бѣдныя дѣти, остающіяся безъ всякаго воспитанія и образованія. Онъ сознавалъ, что необходимо устроить для нихъ школу, но у него не было для этого средствъ. Онъ прибилъ къ дверямъ церковнаго дома кружку для добрыхъ приношеній для бѣдныхъ. На кружкѣ онъ написалъ изреченія изъ Апостольскихъ посланій: „А кто имѣетъ достатокъ въ мѣрѣ, но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія“ (Іоаннъ I. 1. 7). „Каждый удѣляй по расположенію сердца, не съ огорченіемъ и не съ принужденіемъ; ибо добродетельно дающаго любить Богъ“ (Коринт. II. 9. 7).

Однажды онъ нашелъ въ кружкѣ семь гульденовъ. „На эту сумму можно устроить школу!“ радостно воскликнулъ онъ. Въ тотъ же день онъ купилъ на два талера учебныхъ пособій, роздалъ ихъ бѣднымъ дѣтямъ и пригласилъ студента обучать послѣднихъ. Многія дѣти не возвратили полученныхъ пособій, но Франке это не остановило. Онъ купилъ новыя пособія, но уже не отдавалъ ихъ дѣтямъ на домъ, а предоставилъ имъ право пользоваться въ школѣ. Школа устроена была въ помѣщеніи Франке. Число учениковъ въ школѣ быстро возрастало: въ первый же годъ ихъ было болѣе шестидесяти. Оказалось необходимымъ раздѣлить ихъ на два класса, для чего нанята была комната въ сосѣднемъ домѣ.

Благотворительность Франке привлекала вниманіе общества, и вмѣстѣ съ тѣмъ росло довѣріе послѣдняго къ нему. Со всѣхъ сторонъ

присылали къ нему пожертвованія и деньгами и вещами, что давало ему возможность увеличивать число учебно-воспитательныхъ заведеній.

Сознавъ, что недостаточно только обучать бѣдныхъ дѣтей, но необходимо также и воспитывать ихъ, Франке устроилъ для нихъ воспитательное заведеніе. Кромѣ того, онъ учредилъ Педагогій для обученія и воспитанія дѣтей знатныхъ родителей. Нѣсколько знатныхъ лицъ просили его заняться воспитаніемъ ихъ дѣтей. Это и дало ему поводъ учредить Педагогій. Въ Педагогіумѣ обучали закону Божію, языкамъ и такъ называемымъ реальнымъ предметамъ. Для нагляднаго обученія послѣднимъ при Педагогіумѣ находились ботаническій садъ, естественно-историческій и физическій кабинеты, химическая лабораторія и др. учрежденія; для физическихъ занятій при Педагогіумѣ были токарныя станки, мастерскія для полировки стекла, крашенія и друг. занятій. Въ учебной организаціи Педагогіума обращаетъ на себя вниманіе то, что каждый ученикъ, сообразно степени своихъ познаній по различнымъ предметамъ, могъ обучаться не только въ одномъ и томъ же классѣ, но въ различныхъ классахъ. Такъ, напр., ученикъ, слабо успѣвшій по греческому языку, обучался по этому предмету вмѣстѣ съ учениками младшаго класса, познанія которыхъ равнялись его познанію. По другимъ же предметамъ онъ шелъ вмѣстѣ съ своими товарищами въ старшемъ классѣ. Такимъ образомъ, каждый ученикъ имѣлъ по каждому предмету одинаково съ нимъ успѣвающихъ товарищей.

Кромѣ Педагогіума, Франке учредилъ Латинскую школу, въ которой также обучали закону Божію, языкамъ и естественнымъ или реальнымъ предметамъ.

Далѣе, онъ учредилъ нѣсколько начальныхъ городскихъ школъ, въ которыхъ сначала преподавались только религія, чтеніе, письмо и счисленіе, а позднѣе къ этимъ предметамъ присоединились: природовѣдѣніе, исторія, географія, счетоводство и нѣкоторые другіе предметы. Дѣвочки обучались еще рукодѣлію. Кромѣ того, онъ учредилъ сиротскій домъ, пріютъ для вдовъ и престарѣлыхъ женщинъ, даровой столъ для бѣдныхъ студентовъ, аптеку, книжный складъ и другія учрежденія.

Во всѣхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ Франке поддерживались религіозность и духъ благочестія. Главною цѣлью Франке было сдѣлать своихъ питомцевъ благочестивыми. Франке считалъ, что „капля христіанской любви и вѣры выше пѣлаго моря знаній всѣхъ тайнъ науки“. Всѣми средствами старались питать и возбуждать благочестіе и религіозное настроеніе питомцевъ. „Молились, проповѣдывали, увѣщавали и цѣли при каждомъ удобномъ случаѣ“.

Для достиженія цѣлей, положенныхъ въ основаніе различныхъ учебно-воспитательныхъ учрежденій, Франке считалъ необходимымъ

имѣть подготовленныхъ къ дѣлу учителей. Для образованія ихъ были учреждены двѣ семинаріи. Курсъ въ нихъ продолжался два года. Кандидаты въ учителя пользовались бесплатно помѣщеніемъ и столомъ. По окончаніи курса они обязаны были прослужить, по крайней мѣрѣ, три года въ учебныхъ заведеніяхъ Франке.

При вступленіи къ учительской дѣятельности, кандидаты были снабжаемы со стороны Франке самыми подробными наставленіями, какъ относительно обученія, такъ и относительно поддержанія дисциплины въ школѣ. Вотъ главнѣйшія дисциплинарныя положенія Франке:

1. Дѣти должны быть подчинены христіанской дисциплинѣ. Для этой цѣли необходимо, чтобы воспитатель молилъ Бога о дарованіи ему мудрости, нужной для поддержанія разумной дисциплины, о наполненіи сердца его любовью къ дѣтамъ и избавленіи его отъ жестокости и суровости.

2. Воспитатель долженъ научиться, при помощи Божіей, владѣть самимъ собою, такъ какъ безъ этого онъ не можетъ ни подчинять себѣ другихъ, ни прибѣгать къ отеческимъ мѣрамъ для исправленія ихъ.

3. Учитель обязанъ сдерживать учениковъ, усовершенствовать ихъ, наказывать, если необходимо, но никогда не долженъ быть ни суровымъ ни строгимъ, а напротивъ, всегда долженъ быть ласковымъ и любящимъ, чтобы дѣти чувствовали любовь его и воспитывались въ страхѣ Божию и въ благочестіи.

4. Учитель никогда не долженъ наказывать въ гнѣвѣ; расположеніе его должно быть всегда благодушное.

5. Если дѣти шумятъ во время урока, учитель для возстановленія порядка, не долженъ ни кричать, ни бить, ни выходить изъ себя; онъ долженъ быть серьезно-спокойнымъ. Если онъ, услышавъ шумъ, спокойно скажетъ: „такой-то говоритъ и мѣшаетъ работѣ“, то сейчасъ же возстановится порядокъ, и онъ можетъ продолжать занятія.

6. Къ наказанію злого ребенка можно прибѣгнуть лишь послѣ трехкратнаго замѣчанія.

7. Не должно наказывать дитя, не объяснивъ ему его вину; въ противномъ случаѣ онъ можетъ только ожесточиться.

8. Провинившемуся ребенку можно дать прочитать мѣсто изъ Св. Писанія, осуждающее его проступокъ.

9. Не слѣдуетъ наказывать дитя за ошибки, свойственныя его возрасту, напр., за рѣзвость, смѣхъ, забывчивость. Необходимо въ этихъ случаяхъ только останавливать и пріучать его быть осмотрительнымъ и сдержаннымъ.

10. Болтливое дитя можно исправить, заставивъ его наблюдать за болтливыми товарищами. Если это не помогаетъ, то можно поса-

дить его подалше отъ другихъ, чтобы онъ не имѣлъ возможности болтать.

11. Ученика, замѣченнаго въ невнимательности, слѣдуетъ остановить, но такъ, чтобы не раздражить его. Если онъ развлекается какою-нибудь вещью, слѣдуетъ отнять ее отъ него до конца урока.

12. Учитель долженъ остерегаться быть причиною безпорядковъ, за которые ему придется наказывать. Это касается тѣхъ случаевъ, когда онъ поздно приходитъ въ школу, часто выходитъ изъ класса или является въ классъ соннымъ и вильнымъ; дѣти пользуются этимъ: кричать, шумять, сеорятся и нарушаютъ порядокъ.

13. За проступокъ, совершенный въ первый разъ, не должно наказывать такъ же, какъ за повторившійся во второй и въ третій разъ. Наказаніе никогда не должно доводить ребенка до раздраженія.

14. Не должно бранить дѣтей оскорбительными словами; напр.: осель, глупецъ, негодяй. Не должно насмѣхаться надъ ними и обращать ихъ въ посмѣшище. Все это противно духу христіанства. Если нужно выразить неодобреніе, то должно выбрать выраженія, могущія напомнить самыя ошибки: злой, безпокойный, непокорный, лѣнивый,— но не слѣдуетъ заходить далѣе, потому что сказать болѣе—значить поступить безъ любви.

15. Не слѣдуетъ слишкомъ часто грозить дѣтямъ карою Божіей или наказаніемъ ада: все это можетъ кончиться хладнокровіемъ къ этимъ угрозамъ. Гораздо лучше изображать имъ счастье покорныхъ дѣтей и предостерегать ихъ, чтобы они за свои проступки не лишились благополучія.

16. Не должно наказывать дитя прежде, чѣмъ оно сознало предосудительность своего проступка. Если оно упорствуетъ въ совершеніи проступка, должно серьезно увѣщавать его, чтобы оно береглось лжи и упрямства.

17. Во время урока не слѣдуетъ разбирать проступки или жалобы учениковъ, а слѣдуетъ откладывать то и другое до окончанія урока.

18. Если обвиняемое дитя желаетъ защититься, учитель долженъ выслушать его съ благосклонностью и подробно ознакомиться съ дѣломъ. Если проступокъ не вполне выясненъ, то слѣдуетъ воздержаться отъ произнесенія приговора, въ ожиданіи новыхъ разъясненій.

19. Никогда не слѣдуетъ наказывать за недостатокъ способностей или за невольнѣ быстрое усваиваніе сообщаемаго. Относительно малоспособнаго нужно удвоить заботу, а не выходить изъ терпѣнія. Только лѣнь и разсѣянность можетъ подлежать порицанію и наказанію.

20. Не слѣдуетъ наказывать ни въ воскресенье, ни въ праздничный день; въ случаѣ необходимости наложить наказаніе, оно должно быть отложено до будня.

21. Слѣдуетъ воздержаться наказывать вновь поступившаго въ школу ученика, дабы онъ полюбилъ ее. Если онъ дѣлаетъ ошибки, нужно исправлять и наставлять его, и лишь по истеченіи трехъ или четырехъ недѣль послѣ поступленія можно прибѣгнуть, если необходимо, къ наказанію. Чтобы снисхожденіе къ новичку не показалось страннымъ другимъ ученикамъ, слѣдуетъ имъ объяснить, что новичка еще не научили исполнять свои обязанности, какъ ихъ, а потому онъ и впадаетъ въ ошибки.

22. Никогда не должно бить дитя по головѣ ни рукою, ни книгою, ни чѣмъ бы то ни было, такъ какъ этимъ оскорбляется чувство деликатности и можетъ быть причинена серьезная боль.

23. Не должно бить дитя ни палкою, ни ногою или колѣномъ, не должно таскать его за волосы, давать щелчки, бить линейкой, такъ какъ все это противно христіанской дисциплинѣ.

24. Никогда не должно ставить на колѣни, такъ какъ это выражаетъ насмѣшку надъ тѣмъ положеніемъ, которое принимаютъ христіане изъ чувства смиренія передъ Богомъ.

25. Не должно запираеть дитя въ темномъ карцерѣ или оставлять одного въ классѣ до ночи, во избѣжаніе зла, какое можетъ произойти отъ этого пугливымъ дѣтямъ.

26. Учитель долженъ стараться узнать характеръ всѣхъ своихъ учениковъ, дабы обращаться съ ними сообразно ихъ характеру.

27. Избѣгая съ дѣтьми чрезмѣрной строгости, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ стараться не впасть въ противоположную крайность и не потерять въ ихъ глазахъ значеніе авторитета или даже не сдѣлаться предметомъ глумленія.

28. Не должно провинившагося ученика водить въ другой классъ для выговора или наказанія передъ учениками этого класса: это раздражаетъ его.

29. Если проступокъ ученика не извѣстенъ его товарищамъ, то лучше сдѣлать выговоръ или наказаніе наединѣ; если же проступокъ извѣстенъ имъ, то можно наказывать и при нихъ.

30. Если между ученикомъ и учителемъ установились враждебныя отношенія, то послѣдній хорошо сдѣлаетъ, если не станетъ наказывать самъ, дабы не дать повода думать, что онъ мститъ, а поручить это другому учителю.

31. Если дитя оказываетъ упрямство, не позволяя наказывать себя, то должно передать дѣло инспектору.

32. Когда наказываемое дитя грозитъ учителю пожаловаться на него своимъ родителямъ или другому лицу, то не должно наказывать его за эту угрозу, а только указать ему на всю бесполезность ея.

33. Если дитя должно быть наказано, то не слѣдуетъ откладывать наказанія до завтра или послѣзавтра, но распорядиться наказать тотчасъ же, чтобы не оставлять его долго подъ вліяніемъ страха и такимъ образомъ не побудить его, пожалуй, оставить даже и школу.

34. Не слѣдуетъ налагать на ученика одно и то же наказаніе нѣсколько уроковъ сряду, дабы не ожесточить его. Для избѣжанія этого, въ каждомъ классѣ ведется книга, въ которой каждый учитель въ нѣсколькихъ словахъ отмѣчаетъ, кто былъ подвергнутъ наказанію и какому.

35. При запрещеніи чего-нибудь не слѣдуетъ опредѣленно указывать наказаніе за нарушеніе запрещеннаго, дабы имѣть возможность дѣйствовать болѣе свободно при обсужденіи проступка и при наказаніи.

36. Прежде чѣмъ наказать, христіанскій учитель всякій разъ испрашиваетъ въ сердцѣ своемъ милости Божіей, чтобы наказаніе было отеческимъ и чтобы оно достигло своей цѣли, т.-е. улучшенія дитяти. При наказаніи нужно удерживать себя отъ гнѣва, вспыльчивости; нужно быть въ одно и то же время и серьезнымъ и сострадательнымъ.

37. Если ученикъ совершилъ очень важный проступокъ, учитель долженъ предоставить дѣло инспектору и довольствоваться назначеннымъ имъ наказаніемъ, если бы даже оно ему показалось слишкомъ мягкимъ. Не должно забывать, что прошеніе болѣе привлекаетъ тѣхъ, на которыхъ не дѣйствуетъ строгость.

38. Учителя не должны также забывать, что чѣмъ болѣе они сами успѣваютъ въ истинномъ благочестіи и кротости и чѣмъ болѣе они дѣйствуютъ отечески и мягко, тѣмъ болѣе приобрѣтаютъ власти надъ сердцами дѣтей, такъ что они скорѣе достигаютъ словомъ того, чего не достигаютъ другіе, употребляя излишнюю строгость.

39. Истинный христіанинъ-учитель долженъ стараться, при управленіи школою, замѣнять наказаніе по возможности увѣщаніями и силою божественнаго слова.

40. Такъ какъ ученики составляютъ поле христіанскаго воспитанія, то учителя стараются не только сами сдѣлаться храмами Св. Духа, но и обучать учениковъ въ духѣ христіанства и управлять ими мудростью и любовью, внушаемыми Св. Духомъ.

Вліяніе дѣятельности Франке на учебно-воспитательное дѣло.

Франке своею учебно-воспитательной дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на учебно-воспитательное дѣло въ Европѣ вообще и въ Германіи въ особенности. По образцу Франковскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній учреждались также заведенія въ Германіи и въ другихъ странахъ. Эти заведенія руководились слѣдующими основными принципами:

Безъ истиннаго благочестія вся ученость, все свѣтское образованіе скорѣе вредны, чѣмъ полезны, ибо они нисколько не обезпечиваютъ людей отъ злоупотребленія знаніемъ. Главная задача воспитанія—облагороженіе сердца и внутренняго человѣка. При воспитаніи слѣдуетъ сообразоваться съ индивидуальными особенностями питомцевъ. Отъ развлеченій и удовольствій, ведущихъ по большей части къ разсѣянности, при воспитаніи, по возможности, слѣдуетъ удалять питомцевъ. Добрые нравы, а не вѣишній только блескъ и вѣишнее приличіе должно быть цѣлью воспитанія.

Обученіе должно доставлять удовольствіе и смѣняться отдыхомъ, для чего лучшимъ средствомъ служатъ: отчасти тѣлесныя движенія, т. - е. игры и гимнастика, отчасти — разсматриваніе новыхъ и интересныхъ предметовъ искусствъ и природы. Обученіе должно подчиняться воспитанію. Задача школы—вовсе не одно сообщеніе извѣстныхъ знаній, а потому всякое обученіе должно въ сущности имѣть воспитательное направленіе. Конечно, цѣль какъ всего обученія, такъ и дисциплины или—что то же—всего воспитанія есть водвореніе царства Божія въ дѣтскихъ сердцахъ: эта идея, присущая христіанству, должна проникать всю систему школы и проходить по вѣмъ ея направленіямъ. Общее образованіе должно предшествовать спеціальному; поэтому народная школа, какъ заключающая въ себѣ всѣ необходимѣйшіе элементы образованности, должна также предшествовать вѣмъ другимъ сословнымъ и спеціальнымъ школамъ.

Въ школахъ, учреждаемыхъ по идеѣ Франке, заняли мѣсто такіе предметы, какъ: естествовѣдѣніе, исторія, географія, начала законовѣдѣнія, математика.

Для юношества, готовящагося къ университету, главнымъ предметомъ были древніе классическіе языки, въ особенности латинскій. Кромѣ древнихъ языковъ, для будущихъ студентовъ считалось также необходимымъ знаніе: географіи, исторіи, математики, астрономіи, естественной исторіи и вообще естествовѣдѣнія, такъ что классицизмъ былъ примиренъ съ реализмомъ.

Съ Франке твердо установилась мысль, что для исполненія учительской обязанности въ такой же мѣрѣ необходима подготовка, въ какой мѣрѣ она необходима и для всякой другой дѣятельности.

Воспитательное направленіе, принятое Франке и его послѣдователями (піэтистами), впоследствии дошло до крайности. Начали болѣе и болѣе отчуждать питомцевъ отъ дѣйствительной жизни, запрещая имъ даже самыя невинныя, самыя безвредныя радости и наслажденія, какъ, напр., танцы, посѣщеніе спектаклей для дѣтей и т. п. Юношеству навязывали несвойственный ему аскетизмъ и тѣмъ вызывали въ немъ ожесточеніе, которое, маскируясь въ школѣ изъ-за страха, обнаружи-

вало себя потомъ въ жизни самымъ разрушительнымъ образомъ. Навращеніе пѣтистовъ, получивъ мрачный отбѣнокъ, породило противъ себя предубѣжденіе и должно было, какъ всякая крайность, вызвать реакцію.

Жанъ-Жакъ Руссо.

Свою жизнь и свой характеръ Руссо изобразилъ въ своей „Исповѣди“ (Confessions), написанной имъ на 58-мъ году отъ рожденія. Въ предисловіи къ этому сочиненію онъ говоритъ: „Я хотѣлъ показать людямъ челоуѣка въ его настоящей природѣ, и этотъ челоуѣкъ — я... Я съ одинаковою откровенностью говорилъ о сдѣланномъ мною добрѣ и злѣ, не скрылъ ничего дурного и не прибавилъ ничего хорошаго... Я показалъ всю мою внутреннюю природу въ такомъ видѣ, въ какомъ зрѣлъ ее Ты, Существо Вѣчное!“

Руссо родился въ Женевѣ въ 1712 году. При рожденіи онъ лишился матери. Отецъ его, небогатый часовой мастеръ, не могъ дать ему хорошаго воспитанія, и, повидимому, мало заботился о сынѣ. На 7-мъ году своей жизни Жанъ-Жакъ проводилъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ ночи за чтеніемъ романовъ, „мало въ нихъ понимая, но все чувствуя“.

Для ученія онъ былъ отданъ сначала въ пансіонъ, а потомъ въ мастерскую гравера. Боясь наказанія за проступокъ, онъ бѣжалъ отъ своего хозяина-гравера и попалъ къ католическому священнику, а потомъ въ католическій монастырь въ Туринѣ, гдѣ и перешелъ изъ реформатскаго въ католическое вѣроисповѣданіе, на 16-мъ году своей жизни. Перемѣну религіи онъ объясняетъ необходимостью, въ которую былъ поставленъ, попавъ къ католикамъ.

Уѣхавъ изъ Турина, Руссо проводилъ жизнь, полную приключеній; онъ то отдавался грубымъ удовольствіямъ, то бросался на изученіе философіи, математики и латинскаго языка, въ которыхъ сдѣлалъ значительные успѣхи. Наконецъ, онъ поступилъ на должность домашняго наставника въ семью судьи въ Лионѣ. „Я обладалъ, говоритъ онъ, необходимыми для наставника знаніями и полагалъ, что имѣю также и способность быть имъ. Но одного года въ должности учителя достаточно было, чтобы разубѣдить меня. Моя кроткая натура была бы пригодна для дѣятельности наставника, если бы не бушевала во мнѣ горячность. Пока все шло хорошо и пока я видѣлъ, что мои заботы и усилія, въ которыхъ вообще не было недостатка, приносятъ плоды, — до тѣхъ поръ я оставался ангеломъ. Но когда что-либо шло дурно, я превращался тотчасъ въ дьявола. Если питомцы не понимали меня, я выходилъ изъ себя; если же и они начинали сердиться, я былъ готовъ уничтожить ихъ. Все это, конечно, не могло сдѣлать ихъ

болѣ умными и разсудительными. Терпѣніемъ и хладнокровіемъ я, вѣроятно, достигъ бы успѣха; но мнѣ не доставало ни того, ни другого; моя работа была бесплодна; мои питомцы успѣвали плохо. У меня не было недостатка въ усиліяхъ; мнѣ не доставало только ровности характера и въ особенности — благородствія. Я прибѣгалъ только къ тремъ средствамъ, которыя оказывались бесполезными, а именно къ чувствительности, къ резонерству и къ гнѣву. Я часто то растрогивался до слезъ и думалъ тронуть этимъ мальчика, рассчитывая на его сердечность; то разливался передъ нимъ въ доказательствахъ разума, какъ-будто мальчикъ былъ способенъ понять меня; то, въ случаѣ его удачныхъ возраженій, принималъ его резонерство за доказательство благородствія. Но чаще всего приходилъ я въ бѣшеную ярость отъ непонятливости ученика, который въ такомъ случаѣ торжествовалъ надо мною, такъ какъ въ это время онъ оставался спокойнымъ мудрецомъ, а я превращался въ ребенка. Я видѣлъ всѣ мои ошибки, я чувствовалъ ихъ, изучалъ моихъ питомцевъ, но ничѣмъ не могъ пособить и всегда дѣлалъ противное тому, что долженъ былъ дѣлать“.

Отказавшись отъ обязанности наставника, вслѣдствіе сознанія своей неспособности быть имъ, Руссо переѣхалъ въ Парижъ, рассчитывая добиться здѣсь славы и высокаго общественнаго положенія. Онъ представилъ въ Парижскую академію свой проектъ замѣны обыкновенныхъ музыкальныхъ знаковъ цифрами. Проектъ не былъ одобренъ. Слава и положеніе не давались. Онъ переѣхалъ въ Венецію, на должность секретаря при посланникѣ. Въ Венеціи онъ прожилъ 18 мѣсяцевъ, отличаясь скандальными похождениями, о которыхъ самъ рассказываетъ въ своей „Исповѣди“.

Возвратившись въ Парижъ, онъ въ 1749 году узналъ, что Дижонская академія назначила премію за лучшее сочиненіе на тему: „Способствовали ли науки и искусства улучшенію нравовъ“. Со всѣмъ пыломъ своей страстной природы онъ принялся за составленіе сочиненія на предложенную тему. Рядомъ блестящихъ, увлекательныхъ парадоксовъ онъ силится доказать совершенно ложную мысль, что науки и искусства и вообще вся цивилизація не только не способствовали поднятію нравственности челоуѣка, но даже привели къ полному развращенію и искаженію его природы. Къ такому парадоксальному взгляду могла привести Руссо только крайне безнравственная жизнь образованнаго французскаго общества въ XVIII стол. Несмотря на невѣрность мысли, положенной въ основаніе сочиненія, Руссо былъ удостоенъ преміи. Это его обрадовало и подняло. На слѣдующій годъ академія предложила на конкурсъ тему: „О происхожденіи неравенства между людьми“. Руссо и на эту тему написалъ сочиненіе, на-

падая, какъ и въ первомъ, на цивилизацію, оторвавшую челоуѣка отъ первобытнаго счастливаго состоянія. Сочиненіе это не было признано достойнымъ преміи.

Въ 1754 году Руссо переѣхалъ въ Женеву. Здѣсь онъ перешелъ обратно въ протестантскую религію и сталъ называть себя „гражданиномъ Женевы“. Черезъ два года онъ поселился около Парижа, сначала въ Эрмитажѣ, а потомъ въ Монморанси. Здѣсь онъ написалъ свой педагогическій романъ „Эмиль, или о воспитаніи“. „Сочиненіе это, говоритъ онъ, написано по просьбѣ одной дамы, дружба къ которой была причиной того, что предметъ, менѣе всего приходившійся мнѣ по вкусу, все болѣе и болѣе сталъ занимать меня“.

Въ 1762 году вышелъ въ печати „Эмиль“. Сочиненіе это, будучи сочувственно принято многими частными лицами, вызвало вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ нападокъ на автора со стороны правительства и духовенства. Основаніемъ для нападокъ послужили, съ одной стороны, то, что Руссо предоставляет Эмилю держаться той религіи, которую онъ самъ признаетъ лучшей, а съ другой—эпизодъ сочиненія подъ заголовкомъ: „Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія“. Парижскій парламентъ и архіепископъ присудили къ сожженію сочиненіе „Эмиль“, а автора его къ заключенію въ тюрьмѣ. Почти одновременно съ произнесеніемъ приговора надъ Руссо и его сочиненіемъ французскимъ правительствомъ, правительство города Женевы приговорило „Эмиля“ тоже къ сожженію, какъ вредное сочиненіе.

Предупрежденный о грозящей опасности въ Парижѣ, Руссо бѣжалъ въ Швейцарію въ городъ Ивердонъ, принадлежавшій тогда Бернцамъ. Эти послѣдніе воспротивились пребыванію въ ихъ владѣніяхъ Руссо, и онъ принужденъ былъ удалиться въ Невшательскій кантонъ подъ защиту прусскаго короля. Но и тутъ онъ долго не прожилъ. Онъ бѣжалъ на островокъ Св. Петра на Билерскомъ озерѣ, въ Бернскомъ кантонѣ. Онъ думалъ, что здѣсь никто его не побеспокоитъ. Но Бернское правительство, узнавъ о пребываніи Руссо въ его владѣніяхъ, приказало ему удалиться. Руссо, выхлопотавъ разрѣшеніе, переѣхалъ въ Парижъ, а оттуда вскорѣ въ Англію, по приглашенію Давида Юма. Разошедшійся съ Юмомъ, онъ возвратился во Францію и жилъ въ деревнѣ, около Парижа.

Руссо постоянно страдалъ мизантропіей, которая значительно усилилась къ старости. Онъ думалъ, что весь міръ смѣется надъ нимъ, и вѣрилъ этому до такой степени, что боялся ходить по многолюднымъ улицамъ. Подъ гнетомъ этихъ тяжелыхъ мыслей, онъ написалъ записку своей жизни, съ намѣреніемъ положить ее на алтарь въ церкви. На рукописи онъ сдѣлалъ надпись: „Вкладъ, довѣренный Провидѣнію. Защитникъ угнетенныхъ, Боже праведный! прими вкладъ отъ несчаст-

наго чужеземца, поручающаго его Твоему Промыслу!“ Принесши рукопись въ церковь, онъ нашелъ входъ въ алтарь запертымъ. Это его такъ поразило, что онъ вообразилъ себѣ, что даже небо въ разговорѣ съ людьми противъ него. Руссо умеръ въ 1778 году въ деревнѣ близъ Парижа, въ домѣ одного своего покровителя. Есть основаніе думать, что онъ умеръ отъ самоубійства.)

Вся жизнь Руссо, какъ уже видно изъ изложеннаго, была пѣбною приключеній и невольныхъ странствованій. Причиной такой жизни въ значительной мѣрѣ можно считать качества его характера. Онъ самъ такъ говоритъ о своемъ характерѣ: „Съ самыхъ раннихъ лѣтъ мой характеръ, всегда ставившій меня въ противорѣчіе съ самимъ собою, былъ смѣсю гордости и нѣжности, нерѣшительности и храбрости, изнѣженности и мужества“...

Сочиненія Руссо должны быть изучаемы съ большою осмотрительностью и со строгой критической оцѣнкой, такъ какъ въ нихъ рядомъ съ глубокими и блестящими мыслями стоятъ парадоксы и крайне невѣрныя мысли, способные однако увлечь читателя, благодаря живости и образности слога, которыми они изложены.

Теорія воспитанія Руссо изложена въ названномъ уже сочиненіи: „Эмилъ, или о воспитаніи“. Сочиненіе это раздѣляется на пять книгъ. Въ первой книгѣ, послѣ краткаго вступленія, говорится о первоначальномъ воспитаніи Эмиля до того времени, когда онъ начинаетъ говорить; во второй книгѣ говорится о воспитаніи его до 12-лѣтняго возраста; въ третьей—до 15-ти лѣтъ; въ четвертой—до женитьбы Эмиля; въ пятой книгѣ описывается жена Эмиля, Софія, и ея воспитаніе. Изложимъ главнѣйшія педагогическія мысли, заключающіяся въ „Эмилѣ“, при чемъ будемъ придерживаться порядка, въ какомъ онъ идутъ въ самомъ сочиненіи „Эмилъ“.

1. *Первый годъ жизни Эмиля.* Первоначальное воспитаніе, по требованію Руссо, должно совершаться подъ ближайшимъ надзоромъ матери. „Къ тебѣ обращаюсь я, нѣжная и заботливая мать! Лелѣй и поливай молодое растеніе, пока оно не завяло: плоды его со временемъ будутъ твоею отрадою“... „Воспитаніе на зарѣ жизни очень важно и неоспоримо должно лежать на женщинахъ: если бы Творецъ вселенной желалъ предоставить его мужчинамъ, то надѣлилъ бы ихъ молокомъ для кормленія дѣтей. Женщинамъ болѣе сподручно заниматься воспитаніемъ дѣтей, чѣмъ мужчинамъ, уже потому, что вліяніе первыхъ на младенцевъ благотворнѣе, чѣмъ вторыхъ“. „Но очень многія матери, пренебрегая своею прямою обязанностью, отказываются кормить своихъ дѣтей и поручаютъ это дѣло наемнымъ кормилицамъ. Отъ этого нарушается нравственный строй въ семьѣ, потухаетъ чувство привязанности во всѣхъ сердцахъ; привычка не скрѣпляетъ узъ крови: нѣтъ болѣе ни матерей, ни дѣтей, ни братьевъ, ни сестеръ“...

„Изъ рукъ матери ребенокъ переходитъ въ руки отца. Какъ настоящею кормилицею должна быть мать, такъ настоящимъ воспитателемъ долженъ быть отецъ. Разсудительный, хотя и необразованный, отецъ воспитаетъ лучше, чѣмъ самый искусный наставникъ въ мѣрѣ, потому что усердіе лучше замѣнитъ недостатокъ знанія и умѣнья, чѣмъ знаніе и умѣнье недостатокъ усердія. Обязанности отца воспитывать своихъ дѣтей никогда не должны отодвигаться на заднее мѣсто. Кто не желаетъ выполнять обязанности отца, тотъ не имѣетъ права быть имъ“.

„Но, подобно тому, какъ матери, подъ предлогомъ слабости своего здоровья, часто отказываются отъ кормленія своихъ дѣтей, такъ точно и отцы, подъ предлогомъ занятія различными дѣлами, передаютъ дѣло воспитанія дѣтей воспитателямъ“.

Между многими качествами, необходимыми для воспитателя, Руссо требуетъ, „чтобы онъ не былъ наемникомъ, не оцѣнивалъ свою обязанность цѣною денегъ. Есть профессіи, которыя настолько возвышены и благородны, что братья за выполненіе ихъ за деньги значить прямо выставляютъ себя недостойнымъ ихъ: такова профессія воспитателя“.

„Принявшись за воспитаніе младенца, воспитатель не долженъ покидать его до зрѣлаго возраста; онъ долженъ быть учителемъ и воспитателемъ, подобно тому какъ воспитанникъ бываетъ въ то же время и ученикомъ своего наставника. Воспитатель и воспитанникъ должны взирать на свои взаимныя отношенія, какъ на неразрывныя. Если между ними не будетъ искренней привязанности, воспитатель будетъ мало бдителенъ, а воспитанникъ мало послушенъ“.

Такому воспитателю и вручаетъ Руссо своего Эмиля. Этотъ воспитатель ведетъ своего питомца до того времени, когда онъ самъ дѣлается отцомъ.

„Ребенокъ, говоритъ Руссо, долженъ воспитываться и подготавливаться для общечеловѣческаго призванія, т.-е. быть прежде всего человѣкомъ, а не для какого-нибудь исключительнаго состоянія или положенія въ свѣтѣ. Человѣкъ, хорошо воспитанный для общечеловѣческаго призванія, сумѣетъ найтись при исполненіи того или другого спеціальнаго призванія. Жить—вотъ ремесло, которому я хочу научить питомца. Онъ долженъ не наставленіями, а путемъ опыта научиться жить просто, самосохраняться и переносить спокойно какъ удары судьбы, такъ и ея ласки. Жить—не значить дышать, а значить дѣйствовать, пользоваться своими органами, способностями и членами, передающими намъ ощущенія нашего бытія. Не тотъ человѣкъ больше жилъ, который насчитываетъ больше лѣтъ жизни, а тотъ, который больше ощущалъ и дѣйствовалъ“.

„Воспитаніе ребенка начинается со дня его рожденія. Прежде чѣмъ ребенокъ начнетъ говорить, онъ пріобрѣтаетъ уже много знаній. Въ первые годы своей жизни человекъ невѣроятно многому выучивается единственно изъ опыта, безъ всякихъ наставленій. Если бы раздѣлили все человѣческое знаніе на двѣ части, изъ коихъ одна обнимала бы знанія, общія всему человечеству, а другая—знанія, свойственныя ученымъ, послѣдняя оказалась бы весьма малой въ сравненіи съ первою“.

Для здоровья ребенка Руссо совѣтуетъ воспитывать его въ деревнѣ, а не въ городѣ, гдѣ воздухъ всегда испорченъ отъ скученности большого числа народонаселенія. Пеленаніе не должно быть допускаемо, такъ какъ оно сковываетъ члены ребенка и полагаетъ непреодолимыя преграды для роста тѣла его; кромѣ того, оно уродуетъ его тѣлосложеніе. Ежедневное купанье и ползаніе Руссо по справедливости считаетъ весьма полезнымъ для ребенка.

Руссо полагаетъ, что не слѣдуетъ вырабатывать въ дѣтяхъ никакихъ привычекъ. „Не годится пріучать дѣтей къ установленнымъ часамъ и мѣрѣ сна, ѣды и т. п.; иначе вскорѣ желаніе будетъ послѣдствіемъ привычки, а не потребности или, вѣрнѣе, привычка прибавитъ новыя потребности къ потребностямъ природы. Единственная привычка, къ которой слѣдуетъ пріучать дѣтей, состоитъ въ томъ, чтобы они не имѣли никакихъ привычекъ и могли свободно распоряжаться собою и во всемъ исполнять свою волю, какъ только выработаютъ въ себѣ такую“ . (Это мнѣніе нельзя считать вѣрнымъ: добрыя привычки должны быть залагаемы еще въ дѣтствѣ).

„Слѣдуетъ предупреждать развитіе въ ребенкѣ боязливости, нужно, напротивъ, пріучать его къ смѣлости, чтобы онъ не боялся ни безобразныхъ животныхъ или насѣкомыхъ, ни рѣзкаго звука, ни стрѣльбы“.

Плачь ребенка сначала выражаетъ неудовлетворенность какой-нибудь естественной его потребности; но при неумѣломъ отношеніи взрослыхъ къ его плачу, онъ можетъ прибѣгать къ нему при капризѣ или при желаніи властвовать; а потому нужно осмотрительно относиться къ плачу ребенка. „Безпричинный плачь дѣтей лучше всего прекращается тѣмъ, что на него вовсе не обращаютъ вниманія. Кромѣ того, можно отлично прекращать безпричинный плачь ребенка, отвлекая его вниманіе какимъ-нибудь красивымъ, поражающимъ глаза предметомъ; но при этомъ крайне важно, чтобы ребенокъ не замѣчалъ намѣренія развлечь его и занялся игрою, не думая, что о немъ заботятся“.

„Должно быть всегда готовымъ на помощь дѣтямъ во всемъ томъ, что для нихъ дѣйствительно полезно и необходимо; но не слѣдуетъ ничего попускать ихъ фантазіямъ и неразумнымъ желаніямъ; кромѣ

того, предоставляя имъ болѣе истинной свободы и менѣе принужденія, слѣдуетъ допускать ихъ сколь возможно болѣе дѣйствовать самимъ въ пользу своихъ потребностей и сколь возможно менѣе требовать услугъ отъ другихъ“.

Дорогія игрушки Руссо по справедливости считаетъ излишнею роскошью для дѣтей. „Простыя, дешевыя игрушки настолько же займутъ ихъ, какъ и дорогія“.

Для развитія рѣчи дѣтей Руссо совѣтуетъ повторять передъ ними немногія, легко выговариваемыя слова, обозначающія предметы, показываемыя имъ. „Словарь дѣтей долженъ быть сколь возможно кратокъ; они должны владѣть числомъ словъ, равнымъ числу ихъ понятій“. „Для развитія правильности рѣчи ребенка достаточно, если окружающіе его говорятъ правильно“.

2. *Отъ начала развитія рѣчи до двѣнадцатилѣтняго возраста.* „Безцѣльно учить ребенка, говоритъ Руссо, тому, чему онъ самъ научится легко, безъ нашей помощи. Такъ, напр., безцѣльно учить дитя ходить. Помочи, ходульки и другія вспомоgetельныя средства не нужны и даже вредны. Пусть ребенокъ тысячу разъ въ день падаетъ (но только не на мостовой),—онъ тѣмъ скорѣе научится подниматься и крѣпче держаться на ногахъ. вмѣстѣ съ силами въ ребенкѣ развивается умъ и способность управлять этими силами“. „Не слѣдуетъ выказывать дѣтямъ лишнее состраданіе при ушибахъ. замѣчая при своемъ ушибѣ страхъ и состраданіе окружающихъ, ребенокъ измѣряетъ свой ушибъ произведеннымъ на нихъ страхомъ и сообразно этому кричитъ и жалуется“. „Держите ребенка единственно въ зависимости отъ порядка или закона вещей, противопоставляйте его неразумнымъ желаніямъ только естественныя преграды или же наказанія, вытекающія изъ самыхъ его поступковъ: вмѣсто того, чтобы ему запрещать дѣлать дурное, достаточно ему мѣшать дѣлать его. Опытъ или невозможность одни должны служить ему закономъ“. „Въ томъ, чего требуетъ природа для развитія физическихъ силъ, какъ-то: въ прыганьи, бѣганьи и т. п., слѣдуетъ предоставить дѣтямъ возможно большую свободу. Но въ томъ, чего они желаютъ, не имѣя возможности исполнить сами, и что, слѣдовательно, другимъ приходится дѣлать для нихъ,—надобно тщательно различать: происходитъ ли желаніе отъ дѣйствительныхъ потребностей, или вслѣдствіе каприза, фантазій дѣтей. Въ первомъ случаѣ необходимо удовлетворить желанію, а во второмъ—нѣтъ“.

„Слезы ребенка не должны имѣть вліянія на удовлетвореніе или неудовлетвореніе его просьбы. Пусть ребенокъ знаетъ, что его просьба, вызванная потребностью, и безъ его слезъ найдетъ васъ готовымъ къ исполненію ея. Уступая слезамъ ребенка, вы поселяете въ немъ недо-

вѣріе къ вашей готовности быть ему полезнымъ и даете поводъ ему думать, что его докучливость и неотступность имѣютъ на васъ сильное вліяніе“. „Не приучайте ребенка повелѣвать помощьюъ вѣжливыхъ обротомъ рѣчи. Замѣтивъ, что ласковыя и льстивыя слова ведутъ къ достиженію желаемого, онъ и будетъ прибѣгать къ нимъ. Будьте осторожны и осмотрительны!“

„Лучшее средство сдѣлать ребенка несчастнымъ на всю жизнь состоитъ въ томъ, чтобы приучить его все получать по первому желанію. Итакъ, не исполняйте всѣхъ его просьбъ: желанія его, возрастая непрестанно влѣдствіе легкости удовлетворенія, рано или поздно все же приведутъ васъ, своею неисполнимостью, къ отказу, и этотъ непривычный отказъ доставитъ ему больше мученій, нежели лишеніе того, чего онъ желаетъ“.

„Природа требуетъ, чтобы дѣти были дѣтьми, прежде чѣмъ сдѣлаются людьми. Желая избѣгать этотъ естественный порядокъ, мы взростимъ скороспѣлый плодъ, лишенный вкуса и зрѣлости и способный быстро подвергнуться порчѣ: у насъ будутъ молодые мудрецы и старыя дѣти. Дѣтство имѣетъ ему лишь свойственныя манеры смотрѣть на вещи, думать и чувствовать: нѣтъ ничего неразумнѣе, какъ замѣнить ихъ нашими; требовать, чтобы ребенокъ умѣлъ правильно разсуждать въ десять лѣтъ—то же, что требовать отъ него въ эти годы пятифутаго роста“. Проводя эту мысль до крайности, Руссо требуетъ, чтобы до тѣхъ поръ, пока питомецъ не станетъ существомъ разумнымъ, ему ничего не сообщали о нравственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ между людьми.

„Пусть то, отъ чего ребенокъ долженъ воздерживаться, будетъ для него непреодолимою необходимостью“. „Самымъ дурнымъ воспитаніемъ бываетъ тогда, когда дитя постоянно колеблется между своею и твоею волею и когда между нимъ и тобою идетъ постоянный споръ, кому надъ кѣмъ господствовать“.

„Первоначальное нравственное воспитаніе, по мнѣнію Руссо, должно состоять не въ томъ, чтобы учить ребенка различать добродѣтель и порокъ, но чтобы сердце его предохранить отъ ошибокъ и умъ отъ заблужденій“. Единственное ученіе, которое Руссо считаетъ приличнымъ для дѣтства и вообще наиболѣе важнымъ для всѣхъ возрастовъ, есть: „никогда не дѣлать никому зла“.

При воспитаніи необходимо сообразоваться съ индивидуальными особенностями своего питомца. „Каждый умъ имѣетъ особую, лишь одному ему свойственную форму, и управлять имъ нужно, соображаясь съ этою формою, а не съ другою“.

Выходя изъ той мысли, что всѣ знанія наши основываются на воспріятіяхъ посредствомъ органовъ внѣшнихъ чувствъ и „что перво-

начальный разум ребенка есть разум чувственный, который затѣмъ служить основаніемъ разуму отвлеченному“, — Руссо требуетъ, съ одной стороны, развитія внѣшнихъ чувствъ, „этихъ первыхъ учителей философіи“, а съ другой — наглядности при обогащеніи знаніями. Питомецъ долженъ обогащаться понятіями и представленіями, а не словами только, обозначающими ихъ. При обученіи географіи необходимо исходить изъ той мѣстности, въ которой питомецъ живетъ; при обученіи геометріи нужно исходить изъ геометрическихъ тѣлъ; рисованію нужно учить, заставляя питомца рисовать съ натуры.

Спѣшить обучать чтенію Руссо не совѣтуетъ. „Тогда можно приступить къ обученію питомца чтенію, когда онъ почувствуетъ потребность въ чтеніи“. „Именно потому, что Эмиля лѣтъ до 15 не будутъ торопить чтеніемъ, онъ уже въ 10 лѣтъ, вѣроятно, будетъ умѣть читать и писать“.

Доведши Эмиля по своей системѣ воспитанія до двѣнадцатилѣтняго возраста, Руссо дѣлаетъ такую его характеристику:

„Его внѣшность, осанка, поступь выражаютъ увѣренность и довольство; здоровье и развивающаяся сила сказываются во всемъ его существѣ. Разговоръ его наивенъ и простъ, безъ прикрасъ и тщеславія; онъ не тратитъ словъ въ бесполезной, пустой болтовнѣ. Понятія его ограничены, но ясны; онъ ничего заученнаго наизусть не знаетъ, но ему многое извѣстно по опыту. Если онъ хуже другихъ дѣтей читаетъ въ нашихъ книгахъ, зато онъ гораздо лучше ихъ читаетъ въ книгѣ природы; умъ его не въ разговорѣ, а въ головѣ; онъ говоритъ только на одномъ языкѣ, но понимаетъ, что говорить; если онъ не выражается такъ гладко и изящно, какъ другіе, зато онъ поступаетъ искуснѣе, нежели они. Онъ не имѣетъ никакихъ понятій объ обычаяхъ; привычкахъ; то, что онъ дѣлалъ вчера, нисколько не вліяетъ на то, что онъ дѣлаетъ сегодня. Онъ никогда не уступаетъ ни авторитету ни примѣру и говорить и дѣйствуетъ только по своему усмотрѣнію. Отъ него нельзя услышать ни внушенныхъ рѣчей, ни заученныхъ манеръ, но зато рѣчь его точна и поведеніе его сообразно съ его понятіями и наклонностями. Онъ простъ и лакониченъ въ выраженіяхъ; не умѣетъ ни подличать ни повелѣвать“.

„У него мало нравственныхъ понятій, но всѣ они соотвѣтствуютъ его возрасту. Заговорите съ нимъ о долгѣ, о повинненіи: онъ васъ не пойметъ; прикажите ему что-нибудь, онъ и ухомъ не поведетъ; но скажите ему: если ты сдѣлаешь мнѣ это въ угоду, то и я при случаѣ отвѣчу тебѣ тѣмъ же,—и онъ тотчасъ же поспѣшитъ исполнить ваше желаніе. Если вы исполните его просьбу, онъ не станетъ благодарить васъ, но будетъ чувствовать, что онъ сдѣлался вашимъ должникомъ. Если вы откажете, онъ не станетъ ни жаловаться ни настаивать, но подчинится признанной невозможности“.

„Живой, дѣятельный, бодрый, онъ никогда ничего не предприметь такого, что превышаетъ его силы, которыя онъ знаетъ и испыталъ много разъ. Его средства всегда приспособлены къ его намѣреніямъ, и онъ рѣдко позволить себѣ дѣйствовать, не будучи увѣренъ въ успѣхъ. Глазъ его внимателенъ и разуменъ; Эмиль не станетъ глупо спрашивать другихъ обо всемъ, что видитъ, но рассмотреть это самъ. Такъ какъ его воображеніе еще недѣятельно и ничего не предпринималось, чтобы возбуждать его, то онъ видитъ только то, что есть въ дѣйствительности, никогда не преувеличиваетъ опасностей и всегда сохраняетъ все свое хладнокровіе“.

„Между дѣтьми, воспитывающимися въ городѣ, не найдется ни одного болѣе его ловкаго и сильнаго. По силѣ онъ равенъ съ крестьянскими мальчиками, но превосходитъ ихъ въ ловкости. Онъ искусенъ всѣхъ въ бѣганьи, въ прыганьи и въ опредѣленіи на глазо-мѣръ пространства“.

Изъ приведенной характеристики двѣнадцатилѣтняго Эмиля видно, что это здоровый, ловкій и чувственно-развитой мальчикъ, съ неразвитой фантазіей, лишенный понятія о Богѣ и обладающій самыми узкими нравственными понятіями. Онъ готовится только для земной жизни, и высшіе интересы еще не коснулись его. Холодомъ вѣетъ отъ этого мальчика!

3. *Отъ двѣнадцатаго до пятнадцатаго года жизни.* „Въ питомцѣ въ этомъ возрастѣ сильно дѣйствуетъ любознательность, побуждающая его узнавать окружающее. Единственною книгою, изъ которой онъ почерпаетъ знанія, должна быть вселенная; единственнымъ ученіемъ — факты“.

„Желая питать пробудившееся любопытство, никогда не спѣшите удовлетворять его. Пусть мальчикъ знаетъ что-либо не потому, что вы это сказали ему, а потому, что онъ самъ достигъ пониманія этого“... „Не такъ важно обучать мальчика наукамъ, какъ внушить ему вкусъ и стремленіе къ нимъ и сообщить ему методъ изученія ихъ тогда, когда стремленіе къ нимъ сильнѣе разовьется и опредѣлится“. „Воспитатель представляетъ случаи, при которыхъ Эмиль пріобрѣтаетъ знанія по космографіи, географіи, естественной исторіи, физикѣ и друг.“.

Кромѣ изученія природы, Эмиль изучаетъ ремесла. Онъ съ своимъ воспитателемъ ходитъ по разнымъ мастерскимъ и изучаетъ ходъ работъ. Здѣсь онъ куетъ, тамъ стругаетъ или обтесываетъ камни. Полезность служить основаніемъ для оцѣнки пригодности знаній, пріобрѣтаемыхъ Эмилемъ. Онъ пріучается давать предпочтеніе вещамъ, удовлетворяющимъ матеріальнымъ потребностямъ, передъ предметами искусства и роскоши. „Желѣзо въ его глазахъ цѣннѣе золота; башмачника, каменщика и въ особенности булочника онъ поставитъ выше всѣхъ

ювелировъ Европы“. Даже часовое мастерство пользуется у него очень ничтожнымъ уваженіемъ...

Единственной книгой для чтенія у Эмиля будетъ „Робинзонъ Крузе“. „Пусть этотъ одинокій на своемъ необитаемомъ островѣ Робинзонъ, лишенный всякой помощи себѣ подобныхъ и всякихъ вспомогательныхъ въ трудѣ орудій, но доставляющій самъ себѣ не только все нужное для своего существованія и продовольствія, но и известнаго рода комфортъ,—пусть этотъ находчивый въ безвыходномъ положеніи человѣкъ сдѣлается идеаломъ нашего воспитанника“.

Приведемъ теперь характеристику, какую даетъ Руссо Эмилю на пятнадцатомъ году его жизни:

„Принужденный учиться самодѣтельно, онъ руководствуется своимъ собственнымъ, а не другихъ людей разумомъ, и ни въ чемъ не полагается на авторитетъ. Изъ такого постояннаго упражненія его умъ пріобрѣтаетъ силу, подобную той, которая дается тѣлу трудомъ и работою. Онъ дѣлаетъ свою память хранилищемъ только того, что вполне усвоилъ себѣ его разумъ. Эмиль, поэтому, обладаетъ только небольшимъ количествомъ знаній, но зато эти знанія—неотъемлемая его собственность; онъ ничего не знаетъ въ-половину. Онъ знаетъ, что весьма многое еще ему неизвѣстно; но онъ можетъ со временемъ достигъ этихъ знаній, умъ его открыть, понятливъ, рѣшительнъ, и если не просвѣщенъ, зато способенъ къ просвѣщенію. Относительно всего, что онъ дѣлаетъ, онъ знаетъ, *какая въ томъ польза*, и во что онъ вѣруеть—*почему* онъ въ это вѣруеть. Онъ крайне медленно, но зато увѣренно подвигается впередъ. Всѣ знанія Эмиля исключительно принадлежать къ области естествовѣднія. Онъ ставитъ выше всего то, что для него болѣе всего полезно, и ни во что не ставитъ постороннее мнѣніе“.

„Эмиль трудолюбивъ, умѣренъ, терпѣливъ, твердъ и исполненъ мужества. Невозбужденная его фантазія никогда не преувеличиваетъ ему опасностей; онъ умѣетъ твердо выносить страданія, потому что его не научили возмущаться противъ предписаній судьбы. Онъ не имѣетъ еще яснаго понятія о смерти; но, привыкнувъ безъ сопротивленія подчиняться закону необходимости, онъ, когда придетъ смертный часъ, умретъ безъ стenanій и мученій“.

„Эмилю недостаетъ теперь только добродѣтелей относительно другихъ, но онъ обладаетъ уже всѣми тѣми, которыя относятся къ нему самому. Онъ разсматриваетъ самого себя безъ отношенія къ другимъ и находитъ естественнымъ, что и другіе не думаютъ о немъ. Онъ ни отъ кого ничего не требуетъ и думаетъ, что и съ своей стороны онъ никому ничѣмъ не обязанъ. Стоя одиноко въ человѣческомъ обществѣ, онъ рассчитываетъ только на одного себя и имѣетъ право болѣе другихъ такъ рассчитывать, ибо онъ достигъ всего, чего возможно достигъ“.

въ его возрастѣ. У него нѣтъ заблужденій, кромѣ неизбѣжныхъ намъ; нѣтъ пороковъ, кромѣ тѣхъ, отъ которыхъ ни одинъ человекъ не въ состояннн уберечься. Его тѣло здорово, члены гибки и ловки, умъ правиленъ и незнакомъ съ предрасудками, сердце его свободно и не знаетъ страстей. Въ немъ едва еще сказывается самолюбіе, —эта первая и самая естественная страсть. Не смущая ничево покоя, онъ счастливъ, доволенъ и свободенъ, насколько допускаетъ это его природа“.

Вотъ характеристика мальчика, вышедшаго изъ воспитательнаго вліянія Руссо. Мальчикъ этотъ лишенъ всякой внутренней теплоты; онъ не хочетъ знать ни Бога ни людей и не чувствуетъ ни малѣйшей потребности въ любви; онъ не обладаетъ ни малѣйшей чуткостью ни къ поэзіи, ни къ прекрасному; онъ не имѣетъ никакихъ лучшихъ идеаловъ, да и не можетъ ихъ имѣть при отсутствіи любви. Все его достоинство заключается лишь въ физической силѣ и ловкости, приспособленной къ животной жизни, въ грубомъ знаннн внѣшняго мира.

4. *Эмиль отъ пятнадцатилѣтняго возраста до своей женитьбы.* Съ 15-лѣтняго возраста Эмиль вступаетъ въ новый періодъ жизни. Въ немъ жизнь начинаетъ бить ключомъ. Это самое важное время для воспитанія. Въ эту пору слѣдуетъ познакомить его съ социальными отношеніями людей. Эта же пора самая лучшая для обученія его исторіи, изъ которой онъ знакомится съ человекомъ. Изъ всѣхъ историковъ Руссо находитъ для Эмиля наиболѣе пригоднымъ Плутарха, который не пренебрегаетъ ни малѣйшими чертами изображаемыхъ имъ великихъ мужей и женъ. Въ этотъ же періодъ жизни Эмиль можетъ быть введенъ въ религіозный міръ, при чемъ онъ останавливается на той религіи, какую ему укажетъ разумъ. (Неосновательность этого мнѣнія Руссо видна сама собою. Вопреки этому мнѣнію, слѣдуетъ еще съ юныхъ лѣтъ залагать въ душѣ питомца религіозно-нравственныя чувства).

Будучи на 20-мъ году жизни введенъ въ общество, питомецъ, при хорошемъ руководствѣ, въ одинъ годъ, по мнѣнію Руссо, сдѣлается милве и разумно-вѣжливве, чѣмъ тотъ, котораго воспитывали въ свѣтѣ съ малолѣтства.

Введши Эмиля въ свѣтъ, Руссо дѣлаетъ такую характеристику его: „Эмиль держитъ себя свободно и съ достоинствомъ. Онъ прямо высказываетъ свое мнѣніе, не нападая на мнѣнія другихъ, такъ какъ онъ прежде всего уважаетъ свободу во всемъ. Онъ говоритъ мало, вовсе не думая заинтересовать своею личностью, и слишкомъ много имѣетъ знаній, чтобы не сдѣлаться пустымъ болтуномъ. Далекій отъ шепетильности въ манерахъ, онъ всячески старается не возбуждать собой общаго вниманія. Онъ спокоенъ, но не до сосредоточенности; его приемы свободны, но не до беспорядочности; только рабы простираютъ свою сво-

боду за предѣлы приличія, истинная же независимость никогда не переходитъ въ аффектацію. Въ свѣтъ онъ имѣеть множество случаевъ задуматься надъ тѣмъ, что такъ льститъ человѣческому сердцу и что производитъ въ немъ отвращеніе. Теперь для него наступила пора чтенія и серьезной переписки съ людьми; теперь онъ въ состояніи вдумываться въ составъ рѣчи и въ условія ея красоты и силы“.

5. *Софія и ея воспитаніе.* Въ этой главѣ Руссо, представивши воспитаніе Софіи и ея качества, говорятъ о бракѣ съ нею Эмиля и о дальнѣйшей жизни его до рожденія у него ребенка. Сдѣлавшись отцомъ, Эмиль говоритъ своему воспитателю: „Избави Богъ, чтобы святую и сладкую обязанность воспитателя моего ребенка исполнялъ не я, а кто-нибудь другой“.

Въ этой же главѣ Руссо говоритъ о путешествіи Эмиля съ своимъ воспитателемъ для изученія политическихъ учрежденій и правъ и обязанностей гражданъ у разныхъ народовъ и избранія себѣ такой страны, гдѣ бы онъ могъ жить согласно своимъ убѣжденіямъ. Послѣ путешествія Эмиль возвращается въ Парижъ съ убѣжденіемъ, что „высшая мудрость состоитъ въ подчиненіи установленнымъ въ странѣ учрежденіямъ“.

Въ теоріи воспитанія Руссо рядомъ съ вѣрными мыслями, какъ сказано уже, идутъ мысли невѣрныя. Въ дѣйствительности нельзя воспитать и образовать человѣка внѣ всякой зависимости отъ времени, мѣста и общественной среды, какъ этого желаетъ Руссо. Если бы и можно было добиться этого какимъ-ни-будь искусственнымъ путемъ, то питомецъ оказался бы совершенно непригоднымъ для жизни, потому что онъ вовсе не зналъ бы и не понималъ бы ея. Эмиль—созданъ фантазіей Руссо и мало имѣеть общаго съ обыкновенными дѣтьми. Въ дѣйствительности нѣтъ такой обстановки, въ какую ставить Руссо своего Эмиля. Устраняя авторитетъ въ дѣлѣ воспитанія Эмиля, Руссо тѣмъ самымъ ставитъ воспитателя въ искусственное положеніе къ своему питомцу. Устраняя при воспитаніи Эмиля выработку высшихъ нравственныхъ идеаловъ—истиннаго, добраго и прекраснаго, Руссо возводитъ въ идеаль единственно полезное въ жизни и практичное, что не можетъ считаться, въ своей исключительности, цѣлесообразнымъ.

Иванъ Базедовъ.

Педагогическія идеи Руссо прежде всего нашли себѣ послѣдователей въ Германіи, въ лицѣ Базедова и другихъ его сподвижниковъ.

Иванъ Бернгардъ Базедовъ родился въ Гамбургѣ въ 1723 году. Отецъ его былъ парикмахеромъ и обладалъ раздражительнымъ и грубымъ характеромъ; мать его подвержена была меланхолии. Вслѣдствіе

грубаго обращенія отца, Иванъ Бернгардъ, будучи еще отрокомъ, бѣжалъ изъ родительскаго дома и поступилъ на службу лакеемъ къ одному сельскому лѣкарю. Только вслѣдствіе увѣщаній отца и матери онъ чрезъ годъ возвратился домой и началъ посѣщать сперва городскую школу, а потомъ гимназію. Будучи гимназистомъ, Базедовъ отличался многими проказами и составленіемъ стиховъ на различные случаи. 21-года отъ роду онъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ для изученія богословія. Хотя отъ природы онъ одаренъ былъ замѣчательными способностями, но въ періодъ своего ученія не отличался настойчивостью и сосредоточенностью въ занятіяхъ.

Двадцати-шести лѣтъ, уже послѣ окончанія курса наукъ въ университетѣ, онъ принялъ въ Гольштиніи обязанность наставника семилѣтняго мальчика. На этомъ мальчикѣ онъ испробовалъ свой методъ обученія языкамъ посредствомъ разговора.

Въ 1753 году онъ получилъ кафедру этики и словесности при дворянской военной академіи въ Сорѣ. Философскія и богословскія его сочиненія навлекли на него неудовольствіе властей, вслѣдствіе чего онъ лишенъ былъ кафедры и перемѣненъ въ Альтону учителемъ гимназіи. Здѣсь онъ продолжалъ писать и за свои сочиненія былъ отлученъ отъ причащенія Св. Таинъ.

Въ 1768 году онъ обратился къ императорамъ, королямъ, князьямъ, академіямъ, университетамъ и ко всемъ ученымъ и богатымъ людямъ съ просьбой—оказать ему пособіе къ осуществленію его педагогическихъ плановъ и предположеній, изданію элементарной энциклопедіи и учрежденію новыхъ школъ. На его просьбу откликнулись многіе и онъ получилъ возможность издать „Начальную книгу“—энциклопедію для дѣтей, съ картинами для нагляднаго обученія, и „Методику для отцовъ и матерей, семействъ и народовъ“.

Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій, Леопольдъ Фридрихъ Францъ, ревнитель просвѣщенія, услышавъ о Базедовѣ, пригласилъ его въ 1771 году въ Дессау. Онъ назначилъ ему 1100 талеровъ содержанія и для устройства учебно-воспитательнаго заведенія подарилъ особое зданіе съ большимъ садомъ и 12000 талеровъ. Базедовъ переехалъ въ Дессау и въ 1774 году открылъ учебное заведеніе, названное имъ Филантропіномъ.

Въ 1776 году онъ опубликовалъ отчетъ о своемъ заведеніи. Въ немъ, между прочимъ, сказано: „Посылайте дѣтей въ счастливую юношескую жизнь посреди несомнѣнно успѣшныхъ занятій. Они учатся у насъ естественнымъ способомъ, безъ утомленія и наказаній: латинскому, французскому, нѣмецкому языкамъ, естественной исторіи, технологіи и математикѣ. Достаточно пробыть въ Дессау шесть мѣсяцевъ, чтобы научиться говорить на одномъ изъ языковъ, и еще шесть—для ус-

вершенствованія въ грамматикѣ. Наша метода сокращаетъ ученіе въ три раза и въ три раза пріятнѣе. Четырехъ лѣтъ пребыванія въ Филантропинѣ достаточно, чтобы подготовиться къ поступленію въ университетъ“... „Наше заведеніе ни католическое, ни лютеранское, ни реформатское, но истинно-христіанское... Мы—филантропы или космополиты. Правительства Россіи и Даніи въ нашемъ ученіи не будутъ унижены передъ швейцарскою свободою“... „Цѣлью воспитанія должно быть образованіе европейца, жизнь котораго была бы настолько полезна и счастлива, насколько это можетъ сдѣлать воспитаніе, и мы заботимся: 1) чтобы нашъ воспитанникъ возможно меньше подвергался раздраженію, печалямъ или болѣзнямъ и 2) чтобы онъ пріучался къ внимательному изученію всего хорошаго“.

„Каждый воспитанникъ обучается у насъ своей религіи у подлещащаго священника. Общее же христіанское, — филантропическое, — религиозное основаніе и наставленіе сообщаемъ мы сами, не вдаваясь ни въ какія церковныя секты и ученія, такъ что никто изъ воспитанниковъ, будь онъ христіанинъ, еврей, магометанинъ и т. д., не услышитъ въ этихъ наставленіяхъ ничего такого, чего бы онъ не могъ одобрить съ точки зрѣнія своей религіи. Всѣ нами составленныя учебныя книги, употребляемыя въ Филантропинѣ, свободны отъ всѣхъ благословескихъ различій между христіанами, іудеями, магометанами, дестами, диссидентами и всѣми прочими религиозными сектами, какъ бы онѣ ни назывались“.

Отчетъ оканчивается приглашеніемъ свѣдущихъ людей всѣхъ странъ прибыть на публичный экзаменъ учениковъ Филантропина, назначенный въ срединѣ мая 1776 года. На экзаменъ прибыло нѣсколько компетентныхъ лицъ. Послѣ экзамена явились отчеты о всемъ видѣнномъ и слышанномъ на экзаменѣ. Приведемъ отрывки изъ отчета профессора Шуммеля. Отчетъ этотъ изложенъ въ формѣ писемъ двѣнадцатилѣтняго сына профессора.

„Когда мы вошли въ Филантропинъ, говорить онъ, мы увидѣли маленькихъ филантропинцевъ. Всѣ они были острижены и ни у кого не было парика; у нихъ не было галстуковъ, и воротнички отъ сорочекъ были загнуты сверхъ платья. Съ ними была маленькая дочь Базедова, въ бѣломъ платьицѣ. Увидѣвъ насъ, она привѣтствовала по-латыни: *salve* (здравствуй).

„На экзаменѣ продѣлывали такія вещи. Сначала происходила игра въ команду. Вотъ въ чемъ она состоитъ. Всѣ филантропинцы поставлены были въ линію, какъ солдаты. Г. Вольке (сотрудникъ Базедова) командовалъ *по-латыни*. Дѣти обязаны были исполнять все то, что онъ приказывалъ. Онъ, напр., приказывалъ сомкнуть глаза—и всѣ это дѣлали; онъ приказывалъ показать, какъ шьютъ портные, сапожники—и всѣ исполняли приказанное, и т. д.

„Во второй игрѣ учитель писалъ позади доски по-латыни названіе растенія, животнаго, города, страны, а ученики должны были угадать написанное слово. Они называли по-латыни названія всѣхъ однородныхъ предметовъ, пока кто-нибудь не угадывалъ написанное слово. Угадавшій получалъ въ награду кусокъ сладкаго пирога.

„Еще игра. Г. Вольке командовалъ по-латыни, а ученики, сообразно командѣ, подражали крику различныхъ животныхъ.

„Однажды Вольке принесъ большую картину и началъ спрашивать учениковъ, что на ней изображено, и излагать идею этой картины и мысли, которыя можно было вывести изъ содержанія ея.

„При экзаменѣ по ариметикѣ Вольке написалъ число, изображенное длиннымъ рядомъ цифръ. Едва только оно было написано, какъ Эмилія сказала, сколько написано квадриллионовъ, триллионовъ, биллионовъ, миллионовъ и т. д. Потомъ складывали вмѣстѣ не менѣе десяти чиселъ. Все это дѣлалось безъ мѣла въ рукѣ, съ удивительною быстротою, не погрѣшая ни на волосъ. Иногда самъ Вольке нарочно дѣлалъ ошибки въ счетѣ—и ученики его поправляли. Всѣ зрители остались довольны рѣшеніемъ учениками ариметическихъ задачъ.

„Послѣ рѣшенія задачъ, Вольке спросилъ дѣтей, что хотятъ они, чтобы онъ имъ нарисовалъ. Дѣти сказали по-латыни. Вольке нарочно рисовалъ не вѣрно—и дѣти по-латыни говорили, что не вѣрно и какъ нужно сдѣлать.

„На экзаменѣ изъ французскаго языка учитель показывалъ дѣтямъ предметы одинъ за другимъ, а они должны были называть ихъ по-французски.

„На экзаменѣ изъ латинскаго языка Базедовъ читалъ латинскія фразы, а ученики быстро переводили на нѣмецкій языкъ. Послѣ экзамена ученики сыграли двѣ драмы: одну на нѣмецкомъ, другую на французскомъ языкѣ.

„Весь экзаменъ вообще произвелъ на зрителей хорошее впечатлѣніе“.

Въ Филантропінѣ установленъ былъ опредѣленный строй. Все носило печать простоты и порядка. Всѣ дѣти носили одинаковый костюмъ. Для обѣда полагалось два блюда, а для ужина—одно. Дѣти иногда знакомились съ нѣкоторыми лишеніями, чтобы подготовиться къ всевозможнымъ въ жизни случайностямъ. До 12-ти-лѣтняго возраста отъ питомцевъ требовалось безусловное послушаніе. Наказаніе налагалось лишь за неисполненіе однѣхъ механическихъ работъ. Умственные занятія поддерживались интересомъ къ дѣлу. Все суточное время было распредѣлено: 7 часовъ на сонъ, 6 часовъ на принятіе пищи, одѣванье и разныя удовольствія; 1 часъ на приведеніе въ порядокъ жилища, платья, книгъ и другихъ вещей; 5 часовъ на обученіе, 3 часа

на гимнастическія игры, музыку, танцы, купанье и т. п. и 2 часа на свободное занятіе какою угодно работою. Лѣтомъ всѣ вставали въ 5 и ложились въ 10 часовъ, а зимой вставали въ 6 и ложились въ 11 часовъ. Въ наказаніе учебное время могло быть замѣняемо совершенно празднымъ, такъ какъ бездѣйствіе и одиночество, по мнѣнію филантропистовъ, невыносимы для человѣка. Изъ наградъ исключаются такія, которыя льстятъ чувственности. Лучшее поощреніе для взрослыхъ питомцевъ—допущеніе ихъ засѣдать въ совѣщаніяхъ старшихъ и въ извѣстныхъ случаяхъ подавать свое мнѣніе. Больные нравственно считаются также больными и физически, а потому требуютъ также гигиеническихъ мѣръ: движенія, діеты, дѣятельности и т. п. Всѣ обязательно упражнялись въ военныхъ движеніяхъ и приѣмахъ, такъ какъ это по справедливости считалось полезнымъ для духа и тѣла. Во время занятій питомцы всегда стояли, исключая уроковъ чтенія, письма и рисованія, такъ что до 15 лѣтъ мальчику не приходилось сидѣть долѣе трехъ часовъ въ день. Младшимъ строго запрещалось дѣлать доносы на старшихъ или сверстниковъ; но старшіе могли указывать на проступки младшихъ, и то лишь единственно съ цѣлью исправленія ихъ.

При обученіи была соблюдаема въ высшей мѣрѣ наглядность. Даже обученіе азбукъ совершалось на какихъ-нибудь дѣйствительныхъ предметахъ, напр., на печенки, сдѣланномъ въ видѣ буквъ. Заучиваніе наизусть какихъ-нибудь свѣдѣній изъ географіи, исторіи, естествознанія сопровождалось игрой. Обученіе подчинялось воспитательнымъ цѣлямъ: развитію въ питомцѣ любви и уваженія къ людямъ, добродѣтели и внутренняго благополучія. Базедовъ самъ управлялъ Филантропиномъ только до 1778 г. Благодаря своему упрямому и непостоянному характеру, онъ разсорился со своими сослуживцами, оставилъ заведеніе и удалился въ Магдебургъ, гдѣ и умеръ въ 1790 году. Филантропиномъ послѣ Базедова сталъ управлять Вольке.

Несмотря на блестящія обѣщанія Базедова, обученіе и воспитаніе въ Филантропинѣ не давали ожидаемыхъ результатовъ. При отсутствіи серьезности обученія, питомцы не получали навыка къ серьезному труду. Они большею частію выходили безъ всякихъ основательныхъ знаній. Кромѣ того, система религіознаго и нравственнаго воспитанія, принятая въ Филантропинѣ, не вырабатывала въ питомцахъ глубокаго религіознаго и нравственнаго чувства. Они выходили съ поверхностными, религіозными и нравственными чувствами и понятіями. Это скоро было замѣчено — и Филантропинъ началъ мало-по-малу пустѣть.

Но, несмотря на это, онъ оказалъ плодотворное вліяніе на школу. Первые дѣятели Филантропина были горячо преданы своему педагогическому дѣлу и тѣмъ показали, какъ вообще слѣдуетъ относиться къ

нему. Многія лица, работавшія въ Филантропинѣ, перенесли впослѣдствіи свою педагогическую дѣятельность въ другіе города.

Филантрописты старались изгнать изъ школы побои и грубыя наказанія, къ которымъ усердно прибѣгали учителя стараго закала; они обратили вниманіе на возбужденіе въ ученикахъ охоты и удовольствія при ученіи; они же оказали значительныя услуги физическому воспитанію дѣтей, введши въ кругъ занятій ихъ физическія упражненія и, освободивъ ихъ отъ тѣснаго костюма, носимаго со времени Людовика XIV, облекли ихъ въ свободныя матросскія куртки и панталоны. Филантрописты выдвинули правильную цѣль обученія и воспитанія — *чужанность*. Они же примѣняли въ обширныхъ размѣрахъ наглядность при обученіи и тѣмъ способствовали болѣе прочному установленію этого принципа въ дѣлѣ обученія дѣтей.

Фридрихъ фонъ-Роховъ.

Фридрихъ Эбергардъ фонъ-Роховъ (отъ 1734 до 1805 г.) можетъ считаться лучшимъ представителемъ филантропистовъ. Юность свою онъ провелъ въ военной службѣ, а съ 25-го года своей жизни всецѣло посвятилъ себя наукѣ, благотворительности и дѣлу образованія народа, за что онъ названъ преобразователемъ и даже отцомъ прусскихъ сельскихъ школъ. Король прусскій Фридрихъ Великій просилъ Рохова принять завѣдываніе всѣми прусскими народными школами; но онъ отказался отъ этого почетнаго мѣста и предпочелъ работать для школъ, имъ самимъ устроенныхъ въ своихъ имѣніяхъ. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ о причинахъ, побудившихъ его приняться за устройство народныхъ школъ:

„Два лѣта сряду, въ 1771 и 1772 годахъ, шли постоянные дожди, пропали всѣ посѣвы и все сѣно, настала голодь, и повальныя болѣзни начали свирѣпствовать въ народѣ и уничтожали скоть. Я старался помогать, чѣмъ только могъ, и словомъ и дѣломъ, бѣднымъ обитателямъ сосѣднихъ деревень. Я пригласилъ городского врача, назначивъ ему отъ себя жалованье, безмездно пользоваться больныхъ поселянъ и доставлять имъ лѣкарство. Они получали отъ врача письменныя и устныя наставленія, какъ можно остановить распространеніе заразы. Но гибельные предразсудки, лѣность и жалкое суевѣріе ихъ, вмѣстѣ съ совершеннымъ незнаніемъ ими грамоты, дѣлали всѣ мои благія намѣренія безплодными. Поселяне не ходили къ врачу для сообщенія хода болѣзни пациентовъ, не принимали полученное отъ меня или врача лѣкарство. Вмѣсто этого, они тайно употребляли всѣ нелѣпыя средства: бѣгали къ колдунамъ, ворожеямъ, знахаркамъ, мельникамъ и т. д., платили имъ деньги и — умирали. Вотъ послѣдствія невѣжества! Кто

исчислить весь вред его! Невѣжда не умѣетъ помочь себѣ, не знаетъ, что ему полезно и что вредно, а потому и дѣлается жертвою случайности. Сокрушенный сердцемъ, погруженный въ глубокую мучительную скорбь всѣми, потрясающими все существо человѣка, слѣдствіями глупости и крайняго невѣжества, сидѣлъ я однажды за письменнымъ столомъ и рисовалъ льва, лежащаго въ тенетахъ. Точно такъ же, думалъ я, можетъ благородный, самый высшій даръ Бога—разумъ человѣка, опутанный сѣтями предразсудковъ, грубости и безсмыслія, столь же ничтожно-мало пользоваться своими мощными силами, какъ здѣсь нарисованный левъ. О, если бы только явилась мышь и перегрызла хоть нѣсколько петель въ этой сѣти!.. Можетъ быть, этотъ левъ проявилъ бы свои силы, воспрянулъ бы и вырвался на свободу! И тутъ же нарисовалъ я мышь, которая уже перегрызла нѣсколько петель. Какъ молнія промелькнула во мнѣ мысль и затеплилась въ душѣ моей: ну что, если бы я сдѣлался этою мышью? Передо мною потянулась вереница причинъ, по которымъ крестьянинъ таковъ, каковъ онъ есть. Онъ живетъ, какъ животное. Ничто не облагораживаетъ его. Онъ не понимаетъ проповѣди священника, а потому она не производитъ на него вліянія. Никто не образовываетъ его дѣтей. Учителя ихъ, по слову Христа, вожди слѣпые. Отсюда и происходитъ, что государство страдаетъ. Правительство находитъ въ невѣжествѣ народа отпоръ всѣмъ своимъ благимъ начинаніямъ. Господи, Боже мой—думалъ я,—неужели всему этому и быть такъ должно? Неужели поселянинъ, эта самая существенная и непоколебимая опора, крѣпость и сила государственнаго тѣла, не можетъ быть даже относительно развитъ и образованъ, сдѣланъ способнымъ на благое дѣло? Сколько мощныхъ производительныхъ головъ и рукъ, погибшихъ жертвами невѣжества, могъ бы я сберечь въ эти бѣдственные годы для отечества!.. Да, я хочу быть мышью! Боже, помоги мнѣ! И тотчасъ, въ то же утро, набросалъ я названія 13-и главъ моей книги для учителей и поселянъ, на другой сторонѣ того же листа, на которомъ были нарисованы левъ, тенета и мышь“.

Для надлежащаго устройства школъ въ государствѣ Роховъ, подобно другимъ педагогамъ XVIII ст., считалъ необходимымъ учрежденіе учительскихъ семинарій. „Единственно необходимое есть учрежденіе семинарій для образованія народныхъ учителей. Такія семинаріи должны на государственнѣйшій счетъ воспитывать опытныхъ, знающихъ учителей, проникнутыхъ христіанскимъ чувствомъ“.

Для своихъ школъ Роховъ самъ писалъ уставы, самъ составлялъ наставленія учителямъ и учебники для дѣтей. Основной принципъ, изъ котораго вытекаетъ вся система обученія и воспитанія Рохова, выраженъ слѣдующими его словами: „Старайся прежде всего ознакомить дѣтей съ простыми, ежедневно попадающимися на глаза предметами и увлекать ихъ

такими занятіями. Научай дѣтей вглядываться во многое и потомъ замѣчать, чтобы они могли правильно усваивать себѣ представляющееся ихъ внѣшнимъ чувствамъ, и потомъ выражать это усвоенное. Очищай и развязывай при этомъ языкъ и особенно сообщай дѣтямъ только такія знанія, какія они могутъ въ то время усвоить и примѣнить“. Школы Рохова процвѣтали. Многіе учителя и начальники учебныхъ заведеній посѣщали ихъ, для ознакомленія съ методомъ обученія Рохова. Многія народныя школы устраивались по плану школъ Рохова. Изданная въ 1773 году прусскимъ правительствомъ „Инструкція для сельскихъ учителей“ составлена подъ влияніемъ Рохова.

Фельбигеръ. Киндерманъ (Шульштейнъ).

Фельбигеръ и Киндерманъ имѣютъ большое значеніе въ исторіи народнаго образованія въ Австріи. Они же имѣютъ значеніе и въ исторіи образованія Россіи, такъ какъ устройство, данное ими австрійскимъ народнымъ школамъ, послужило образцомъ для „Положенія о народныхъ училищахъ“, составленнаго по повелѣнію Императрицы Екатерины II-й.

Иванъ Игнатій Фельбигеръ былъ священникомъ, а потомъ благочиннымъ въ Сеганѣ (въ Силезіи). Онъ былъ возмущенъ необразованностью народа, найденной въ округѣ, и рѣшился помочь юношеству, лишенному всякихъ попеченій объ умственномъ развитіи. Для ознакомленія съ устройствомъ народныхъ школъ и учительской семинаріи у протестантовъ, онъ тайно посѣтилъ Берлинъ. Найдя устройство берлинскихъ начальныхъ школъ и семинарій удовлетворительнымъ, онъ испросилъ разрѣшеніе у пріора Силезской провинціи послать нѣсколько молодыхъ католиковъ въ Берлинскую учительскую семинарію; эти молодые люди и были потомъ первыми учителями въ начальныхъ, или тривиальныхъ, школахъ, устроенныхъ Фельбигеромъ въ Сеганскомъ округѣ.

Въ 1765 году Фельбигеръ составилъ „Регламентъ для римско-католическихъ народныхъ училищъ въ городахъ и деревняхъ Силезіи“. Регламентъ этотъ былъ утвержденъ австрійскимъ правительствомъ.

Въ 1772 году было издано составленное Фельбигеромъ подробное „Руководство“ для учителей, подъ названіемъ „Качества, ученіе, поведеніе добросовѣтныхъ учителей, необходимыя для сообщенія юношеству полезнаго образованія въ тривиальныхъ городскихъ и сельскихъ школахъ, на основаніи Регламента для народныхъ училищъ въ Силезіи“. Въ „Предисловіи“ къ „Руководству“, между прочимъ, читаемъ: „Школа ничего не сдѣлаетъ хорошаго, если будутъ только наполнять память дѣтей и мучить ихъ заучиваніемъ наизусть; чему дѣти учатся, то они

должны *понимать* и *примѣнять* къ дѣлу; поэтому учитель долженъ учить *понятно* и быть въ состояніи провѣрить, дѣйствительно ли дѣти поняли и усвоили преподанное имъ и могутъ ли они сдѣлать изъ выученнаго надлежащее употребленіе...“ „Для того, чтобы опѣнить всю важность призванія учителя, надо понимать и помнить, что посредствомъ обученія дѣтей въ школахъ онъ долженъ сдѣлать ихъ полезными членами государства, разумными людьми, честными христіанами, т.-е. дѣйствительными соучастниками временнаго и вѣчнаго блаженства...“

Для практичности и успѣшности обученія учитель долженъ руководиться слѣдующими требованіями: 1) обучать дѣтей въ школахъ не по одиночкѣ, а всѣхъ вмѣстѣ (совмѣстное обученіе); 2) постоянно убѣждаться посредствомъ прилежнаго спрашиванія, дѣйствительно ли ученики поняли преподанное (катехизація); 3) при заучиваніи на-память пользоваться такъ называемою *буквенною методою*, состоящею въ томъ, что подлежащее заучиванію пишется на доскѣ начальными буквами каждаго слова и ученики по этимъ буквамъ повторяютъ то, что нужно твердо выучить; 4) прибѣгать къ *таблицамъ*, на которыхъ схематически (въ видѣ программъ, плановъ) изображено подлежащее усвоенію учениками.

(Примѣненіе при обученіи *буквенной методы* и *таблицъ* заимствовано Фельбигеромъ изъ Берлинской учительской семинаріи во время посѣщенія имъ ея).

Фердинандъ Киндерманъ (Шульштейнъ), чехъ, былъ священникомъ въ южной Богеміи. Педагогическое образованіе онъ получилъ въ Сеганѣ у Фельбигера, съ методомъ котораго и познакомился. Онъ съ энергіей принялся за устройство училищъ въ Богеміи. Несмотря на неблагопріятныя условія, при которыхъ ему приходилось дѣйствовать, онъ положилъ прочное основаніе народнымъ училищамъ въ Богеміи и свою приходскую школу въ Каплицѣ возвелъ на степень образцоваго заведенія. Онъ ввелъ въ народное обученіе: пряденіе, шитье, уходъ за фруктовыми деревьями и овощами, пчеловодство и т. п. занятія. Императрица Марія Терезія почтила его заслуги, возведя его въ дворянское достоинство и давъ ему имя „Шульштейнъ“ (камень школы). Кромѣ того, она поручила ему вмѣстѣ съ Фельбигеромъ завѣдываніе школами въ государствѣ.

Въ 1774 году было издано составленное Шульштейномъ и Фельбигеромъ „Общее училищное положеніе о нѣмецкихъ нормальныхъ, главныхъ и тривіальныхъ, школахъ для всѣхъ императорско-королевскихъ наслѣдственныхъ земель“. По этому „Положенію“ установлено было учредить троякаго рода нѣмецкія училища: 1) *Нормальныя школы* въ главномъ городѣ каждой провинціи, какъ образцовыя высшія реальныя училища. Въ этихъ школахъ приготовлялись учителя

для 2) *Главныхъ школъ*, учреждаемыхъ въ болѣе значительныхъ городахъ и при монастыряхъ, такъ чтобы въ каждомъ провинціальномъ округѣ было, по крайней мѣрѣ, одно такое училище, и 3) *Простыя тривіальныя* школы во всѣхъ небольшихъ городахъ и въ ярмарочныхъ мѣстечкахъ и селахъ.

Въ нормальныхъ училищахъ преподавались: 1) религія по указанному катехизису; 2) азбука, склады, чтеніе, правописаніе и чистописаніе, счисленіе; 3) науки и искусства; нѣмецкій языкъ, исторія, географія, естествовѣдѣніе, начала геометріи, механика, земледѣліе, строительное искусство, и т. п.; 4) для будущихъ учителей: „О качествахъ, ученіи и поведеніи добросовѣстныхъ учителей“, методика, училищное управленіе и дѣловодство.

Въ главныхъ училищахъ преподавались тѣ же предметы, но въ меньшемъ объемѣ. Въ тривіальныхъ школахъ обучали: 1) религіи, св. исторіи и нравственности; 2) чтенію, письму и счисленію; 3) необходимому для сельскаго населенія наставленію въ хозяйствѣ, по изданной для сего книгѣ.

ОТЪ ПЕСТАЛОЦЦИ ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Генрихъ Песталоцци.

Песталоцци начинается собою новый періодъ въ исторіи воспитанія и обученія. Хотя еще филантрописты и Руссо высказывали, что воспитаніе и обученіе должно итти сообразно съ природою ребенка, однако никто въ такой степени не раскрылъ законовъ развитія человѣческой природы, какъ Песталоцци. Идеи Песталоцци о природѣ дѣтей и цѣлесообразномъ воспитаніи ихъ были развиваемы его послѣдователями, педагогами минувшаго (XIX) столѣтія.

Генрихъ Песталоцци родился 12-го января 1746 года, въ Цюрихѣ. Отецъ его былъ врачомъ, а мать — дочерью земледѣльца. Пяти лѣтъ онъ лишился отца и остался на попеченіи матери и ея вѣрной служанки. Воспитаніе на рукахъ только одвѣхъ женщинъ не могло не имѣть вліянія на складъ его характера. „Я росъ, говоритъ онъ, подъ неуспынными взорами лучшей матери и не имѣлъ возможности приобрести мужество и твердость характера, столь мнѣ необходимыя при слабости, женственности моего личнаго я“... „Я видѣлъ свѣтъ только въ небольшомъ пространствѣ комнаты моей матери, а потомъ въ столь же ограниченномъ пространствѣ школьной комнаты; дѣйствительная же человѣческая жизнь была мнѣ столь чужда, какъ будто бы я вовсе не существовалъ въ томъ мѣрѣ, въ которомъ жилъ“.

У Песталоцци рано начали проявляться чувствительность и пылкое воображеніе. Онъ съ жаромъ отдавался влеченію своего чувствитель-

наго сердца. Къ людямъ онъ всегда относился съ состраданіемъ и довѣрчивостью.

Въ дѣтствѣ и отрочествѣ Генрихъ часто гостилъ у своего дѣда, пастора, въ деревнѣ Генге, находящейся вблизи Цюриха. Здѣсь онъ присмотрѣлся къ бѣдствіямъ народа и полюбилъ его.

Для ученія Песталоцци поступилъ въ Цюрихскую гимназію. О своей школьной жизни онъ говоритъ: „Во всѣхъ дѣтскихъ играхъ я былъ самымъ неловкимъ и неповоротливымъ. Это часто давало товарищамъ поводъ насмѣхаться надо мною. Однако большинство учениковъ любили меня за добродушіе и услужливость“... „Хотя я считался въ школѣ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, тѣмъ не менѣе дѣлалъ самыя непонятныя, самыя безмысленныя ошибки, какихъ не дозволилъ бы себѣ сдѣлать самый плохой ученикъ. Я быстро и вѣрно схватывалъ сущность учебнаго предмета, но оставался совершенно равнодушнымъ къ формѣ, въ которой онъ излагался. По однимъ отдѣламъ предметовъ я шелъ впереди товарищей, по другимъ—оставался далеко позади ихъ“. Будучи еще ученикомъ гимназіи, Песталоцци перевелъ одну изъ рѣчей Демосѣна, и переводъ былъ удостоенъ печати.

Нѣкоторые преподаватели съ увлеченіемъ изображали доблести древнихъ римлянъ и грековъ. Этого достаточно было, чтобы Песталоцци и нѣкоторые другіе его товарищи стали мечтать подражать имъ. „Мы, говоритъ Песталоцци, будучи еще въ мальчишечьихъ башмакахъ, получивъ самыя поверхностныя школьныя знанія о величіи греческой и римской гражданской жизни, воображали, что превосходно подготовлены къ созданію такой же гражданской жизни въ одномъ изъ швейцарскихъ кантоновъ“.

Сначала Песталоцци готовился къ духовному званію. Онъ мечталъ, что, сдѣлавшись пасторомъ, будетъ въ состояніи учить, убѣждать и исправлять народъ. Но прирожденная робость помѣшала ему осуществить это свое желаніе. Онъ растерялся при произнесеніи первой же проповѣди и рѣшилъ, что онъ не годится для пастырской дѣятельности. Думая, что, изучивъ юридическія науки и сдѣлавшись общественнымъ дѣтелемъ, онъ въ состояніи будетъ принести пользу народу,—сталъ изучать правовѣдѣніе и сблизился съ тогдашнимъ извѣстнымъ ученымъ Блюнчли. Этотъ послѣдній, умирая, подозвалъ къ себѣ Песталоцци и сказалъ ему: „Я умираю; ты остаешься самому себѣ предоставленнымъ, поэтому прошу тебя, не берись за дѣятельность, которая, при твоёмъ добродушіи и слѣпомъ довѣріи ко всякому, можетъ привести тебя къ печальнымъ послѣдствіямъ. Иди поприща спокойнаго и мирнаго. Не имѣя челоуѣка, который содѣйствовалъ бы тебѣ надежно и вѣрно, не берись за обширное предпріятіе“. Какъ видно, Блюнчли хорошо понялъ характеръ Песталоцци и вѣрно угадалъ, какии превратностямъ судьбы онъ подвергнется.

Послѣ смерти Блюячли Песталоцци заболѣлъ, главнымъ образомъ отъ усиленныхъ умственныхъ трудовъ, и долженъ былъ, оставивъ занятія, переѣхать для поправленія здоровья въ деревню. Здѣсь онъ познакомился съ вѣдѣемъ сельскаго хозяйства и въ особенности съ разведеніемъ марены и задумалъ устроить свое хозяйство. Около села Бирра, въ кантонѣ Ааргау, онъ приобрѣлъ нѣсколько десятинъ земли, выстроилъ домъ, названный имъ „Новымъ дворомъ“ (Нейгоффъ), женился на дочери цюрихскаго купца и занялся хозяйствомъ. Но хозяйство шло неуспѣшно, принося только убытки. Песталоцци сталъ чувствовать нужду. Собственная нужда напоминала ему о нуждѣ, которую испытываютъ бѣдные крестьяне. Онъ, забывая о себѣ, стремился „вырвать крестьянъ изъ сѣтей нужды“.

Онъ былъ увѣренъ, что всѣ бѣдствія люди терпятъ отъ своего невѣжества, и рѣшился основать въ Нейгоффѣ воспитательное заведеніе для безпріютныхъ и бѣдныхъ дѣтей. Чтеніе „Эмиля“ Руссо еще болѣе укрѣпило его рѣшеніе. „Прочитавъ „Эмиля“, говоритъ онъ, я былъ доведенъ до энтузіазма; я сравнивалъ свое домашнее и школьное воспитаніе съ тѣми требованіями и предназначеніями, которыя высказалъ Руссо для воспитанія своего Эмиля. Домашнее и общественное воспитаніе всего міра и всѣхъ сословій показались мнѣ въ совершенно искаженномъ видѣ и могли найти себѣ исцѣленіе отъ своего жалкаго дѣйствительнаго состоянія въ осуществленіи идей Руссо“.

Въ 1775 году нейгоффскій институтъ для бѣдныхъ дѣтей былъ открытъ. Собрано болѣе 50 дѣтей. Всѣ они были грязны, нечистоплотны и съ нравственными недостатками. Песталоцци былъ для нихъ и отцомъ, и воспитателемъ, и учителемъ, и даже слугой. Лѣтомъ дѣти должны были заниматься полевыми работами, а зимою ремеслами, при чемъ Песталоцци постоянно обучалъ ихъ чтенію, письму, счисленію и другимъ предметамъ. Расходы по заведенію должны были покрываться изъ пожертвованій благотворителей и главнымъ образомъ изъ выручки за издѣлія питомцевъ. Но хозяйство института шло плохо и издѣлія питомцевъ, конечно, не могли конкурировать съ фабричными издѣліями, да и вообще занятія ремесленныя и учебныя въ школѣ несовмѣстимы. Положеніе Песталоцци и его института было тяжелое. Самъ Песталоцци нерѣдко отказывалъ себѣ въ здоровой пищѣ, лишь бы прокормить своихъ питомцевъ. Институтъ существовать долго не могъ. Просуществовавъ пять лѣтъ, онъ былъ закрытъ въ (1780 г.). Недоброжелатели стали смотрѣть на Песталоцци, какъ на неразумнаго, вѣтренаго мечтателя, какъ на полоумнаго. „Но и среди извѣстнаго смѣха отвергавшихъ меня людей, среди ихъ громкихъ восклицаній: „Бѣднякъ, ты менѣ послѣдняго поденщика въ состояніи помочь самому себѣ, и воображаешь, что можешь помочь народу!“ — среди этихъ извѣ-

тельно-насмѣшливыхъ восклицаній, которыя я читалъ на устахъ всѣхъ, мое взволнованное сердце не уставало стремиться къ единственной цѣли — закрыть источникъ нищеты, въ которой я видѣлъ погруженнымъ народъ“...

Занятія въ нейгофскомъ воспитательномъ заведеніи не остались для Песталоцци и потомства безслѣдными. Воспитывая дѣтей, онъ на дѣлѣ изучалъ ихъ характеръ и законы ихъ развитія. Плодомъ этого изученія явились афоризмы, подъ заглавіемъ „Вечерніе часы отшельника“, напечатанные въ 1780 году въ журналѣ „Эфемериды“, издававшемся Изелиномъ.

Приведемъ главнѣйшіе изъ этихъ афоризмовъ, тѣмъ болѣе, что они служатъ какъ бы сѣменами, развившимися въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Песталоцци:

„Пастыри и учителя народовъ, знаете ли вы человѣка? Составляетъ ли для васъ дѣло совѣсти — познать природу и назначеніе человѣка?“

„Всѣ люди по природѣ своей равны и имѣютъ только *одинъ путь* къ достиженію своего назначенія. Природныя способности всѣхъ и cadaго должны быть развиты до чистой человѣческой мудрости. Въ этомъ состоитъ *общее человѣческое образованіе*, и оно должно *предшествовать всякому спеціальному, всякому сословному образованію*“.

„Способности, полученныя отъ природы, развиваются и возрастаютъ посредствомъ упражненій“.

„Духовныя силы ребенка не должны быть увлекаемы въ далекія *чуждыя* пространства, прежде чѣмъ онѣ не окрѣпнутъ, упражняясь на близкомъ, окружающемъ, *родномъ*.“

„Кругъ знаній начинается съ окружающаго, ближайшаго къ человѣку и расширяется постепенно, концентрически“.

„Реальныя знанія должны предшествовать изученію словъ“.

„Вся мудрость человѣческая покоится на силѣ добраго и повиновагося истинѣ сердца“.

„Какъ изученіе и пониманіе ближайшаго должно предшествовать изученію и пониманію дальнѣйшаго, такъ и образованіе семейныхъ добродѣтелей должно предшествовать образованію гражданскихъ. Но ближе отца и матери — Богъ. Онъ есть самое ближайшее къ человѣчеству. Вѣра въ Бога есть отношеніе дѣтски-довѣрчиваго чувства человѣчества къ отеческому чувству Бога. Эта вѣра не есть слѣдствіе и результатъ ученой мудрости, но чистое чувство простоты и невинности. Дѣтское чувство и повиновеніе не есть слѣдствіе оконченнаго воспитанія, но раннее и первое основаніе всего человѣческаго воспитанія“.

„Вѣра въ Бога освящаетъ и скрѣпляетъ союзъ дѣтей съ родителями, союзъ подданныхъ съ государями; невѣріе разрушаетъ всѣ союзы, уничтожаетъ всякое благословеніе“.

„Свобода покоится на справедливости, справедливость же на любви; слѣдовательно, и свобода—на любви“.

„Семейная справедливость, самая чистая, самая благословенная, имѣть своимъ источникомъ любовь“.

„Чистое дѣтское чувство есть истинный источникъ свободы, покоящейся на справедливости, и чистое отеческое чувство есть источникъ силы каждаго правительства, которое достаточно благородно и возвышенно, чтобы творить правосудіе и добро и любить свободу. Источникъ же справедливости и благословенія для всего міра, источникъ любви и братскаго чувства всего человѣчества покоится на великой идеѣ религіи, — что мы всѣ дѣти Бога и что вѣра въ эту истину есть твердое основаніе міроваго блаженства. Утрата человѣчествомъ сыновняго чувства къ Богу есть величайшее для міра несчастіе, ибо она дѣлаетъ невозможнымъ отеческое отъ Бога воспитаніе; восстановление же этого утраченнаго сыновняго чувства есть искупленіе погибшихъ дѣтей Божиихъ на землѣ“.

„Вечерніе часы“ имѣли успѣхъ. Друзья уговаривали Песталоцци продолжать литературныя занятія. Онъ взялъ повѣсти Мармонтеля, сталъ перечитывать ихъ и по ихъ образцу составилъ нѣсколько повѣстей. Но повѣстями этими онъ остался недоволенъ и уничтожилъ ихъ. Наконецъ, въ его воображеніи стали рисоваться сцены изъ крестьянской жизни, и въ нѣсколько недѣль былъ написанъ разсказъ „Лингардъ и Гертруда, книга для народа“. Лингардъ — каменщикъ, слабохарактерный и пьяница. Гертруда — его жена; она борется съ бѣдностью съ тѣмъ мужествомъ, какое внушаютъ ей вѣра въ Бога и любовь къ дѣтямъ. Она хочетъ исправить своего мужа; но ему трудно выпутаться изъ сѣтей старшины (мера) и личностей, посѣщающихъ кабаки. Въ минуту скорби она обращается къ судѣ за защитою и помощію; она указываетъ ему на злоупотребленія мера и его сообщниковъ. Судья намѣренъ, при помощи пастора, школьнаго учителя, Гертруды и нѣсколькихъ другихъ крестьянокъ, преобразовать всю деревню, впашую въ развратъ. Является однако много препятствій къ осуществленію ихъ намѣренія, но вмѣстѣ съ тѣмъ излагаются и средства къ преодолѣнію этихъ препятствій.

Гертруда—главное лицо „Книги для народа“. Въ ней авторъ изобразилъ идеаль лучшей матери, жены и хозяйки въ крестьянскомъ быту. Въ семьѣ ея, благодаря ея уму и доброму сердцу, царствуетъ порядокъ, довольство и благочестіе. Она сама воспитываетъ и учитъ своихъ дѣтей. Первоначальное воспитаніе и ученіе, которое Гертруда

даетъ своимъ дѣтямъ, и есть то воспитаніе и обученіе, котораго Песталоцци желалъ для народа и которымъ онъ надѣялся улучшить нравственное и матеріальное его состояніе. „Цѣль книги „Лингардъ и Гертруда“, говоритъ онъ въ предисловіи, — содѣйствовать установленію лучшаго народнаго образованія, соотвѣтствующаго дѣйствительному положенію народа и его естественнымъ потребностямъ“.

Свою книгу Песталоцци далъ для просмотра Изелину, жившему въ Базель. „Впечатлѣніе, произведенное на него моимъ сочиненіемъ, говоритъ Песталоцци, было чрезвычайное. Онъ прямо выразился, что не знаетъ въ этомъ родѣ ничего подобнаго моей книгѣ и что господствующіе въ ней взгляды составляютъ настоятельную потребность нашего времени“. Изелинъ взялся передать рукопись для напечатанія издателю-книгопродавцу.

Въ 1781 году книга явилась въ свѣтъ. Она, по словамъ Песталоцци, возбудила повсюду, не только въ Швейцаріи, но и въ цѣлой Германіи, весьма лестный интересъ. Всѣ журналы и альманахи ее хвалили. Самымъ неожиданнымъ для Песталоцци было то, что тотчасъ по выходѣ книги бернское ученое общество прислало ему благодарственный адресъ и удостоило золотой медали.

Вскорѣ за появленіемъ въ свѣтъ „Лингарда и Гертруды“ Песталоцци издалъ сочиненіе „Христофъ и Эльза“, въ основаніе котораго положена такая же идея, какъ и въ первомъ сочиненіи. Однако „Христофъ и Эльза“ стоитъ далеко ниже „Лингарда и Гертруды“.

Въ 1782 году Песталоцци началъ издавать газету „Швейцарскій листокъ“, въ которой печатались его небольшіе повѣсти и рассказы. Затѣмъ онъ написалъ продолженіе „Лингарда и Гертруды“ и „Мои наблюденія надъ дѣйствіемъ природы въ развитіи человѣчества“.

Въ 1798 году французская революціонная армія вторглась въ Швейцарію и разрушила Унтервальденъ и нѣкоторые другіе кантоны, воспротивившіеся нововведеніямъ французской республики. Сотни гражданъ погибли съ оружіемъ въ рукахъ, сотни покинули отечество, а иные были заключены въ тюрьму. Осталось множество сиротъ-дѣтей безъ крова и призрѣнія. Швейцарское правительство предложило Песталоцци заняться воспитаніемъ безпріютныхъ дѣтей и для этой цѣли отвело ему зданіе бывшаго монастыря въ Станцѣ. Онъ съ радостью принялся за представившуюся ему педагогическую дѣятельность и собралъ до 80 безпріютныхъ дѣтей. Большая часть изъ нихъ были до крайности истощены, поражены чесоткою, покрыты струпами и насѣкомыми. Не менѣе печально было и нравственное ихъ состояніе: это были дѣти ожесточенныя, запуганныя и нравственно одичавшія. Песталоцци всецѣло отдался воспитанію этихъ несчастныхъ дѣтей. Онъ былъ съ ними постоянно, съ утра до вечера. „Мой взоръ, говорилъ

онъ, покоился на ихъ взорѣ, мои слезы смѣшивались съ ихъ слезами; ихъ ѣда, ихъ питье служили и мнѣ ѣдою и питьемъ; они были со мною и я съ ними. Если они были здоровы, я бодрствовалъ среди нихъ; когда же они были больны, я не отходилъ отъ нихъ“. Песталоцци пользовался каждымъ случаемъ, чтобы дѣйствовать на ихъ сердце и волю. „Я хочу, говорилъ онъ, очистить внутренность чаши—и тогда легко будетъ очистить внѣшность ея“.

Умственное образованіе дѣтей Песталоцци снова пытался соединить съ обученіемъ ихъ ремесламъ и слить, такъ сказать, оба занятія въ одно гармоническое цѣлое. Но теперь онъ уже вполне сознавалъ, что этому соединенію должно предшествовать элементарное обученіе, совершенно отдѣленное отъ обученія ручному труду.

О своемъ обученіи въ Станцѣ Песталоцци, между прочимъ, говорить слѣдующее:

„Такъ какъ я видѣлъ себя вынужденнымъ давать дѣтямъ уроки одинъ, безъ всякой помощи, то я учился искусству учить многихъ вмѣстѣ; другого средства, кромѣ громкаго слова, при обученіи у меня не было. Шумъ и крикъ, происшедшіе отъ повторенія дѣтьми за мною словъ, привели меня къ мысли о необходимости такта, а тактъ возвышалъ впечатлѣніе преподаваемаго“... „Нужда заставила прибѣгать при обученіи къ помощи учениковъ. Не имѣя ни одного помощника, я сажалъ болѣе знающаго мальчика между двумя менѣе знающими: онъ обнималъ ихъ обѣими руками, говорилъ имъ, что знаетъ, а они повторяли за нимъ, и такимъ образомъ учились тому, чего не знали. Съ искренней любовью сидѣли они другъ подлѣ друга. Радость и участіе согрѣвали ихъ сердца; взаимно возбуждаемая, ихъ внутренняя жизнь вела ихъ впередъ и они совершенствовались“.

Въ іюнь 1799 года французы, преслѣдуемые австрійцами, вторично явились въ Унтервальденъ и привезли съ собою множество больныхъ. Зданіе воспитательнаго заведенія понадобилось для лазарета. Песталоцци долженъ былъ его очистить и питомцевъ распускать. Это было для него огромнымъ ударомъ. „Когда испытавшій крушеніе морякъ, писалъ онъ въ послѣдствіи объ этомъ событіи въ своей жизни,— послѣ утомительныхъ, бессонныхъ ночей видитъ наконецъ землю, дышитъ надеждою жизни, и вдругъ роковой вѣтеръ опять бросаетъ его въ безпредѣльное море,—онъ въ ужасѣ тысячу разъ повторяетъ: зачѣмъ я не умеръ? и все-таки опять напрягаетъ утомленный взоръ, всматривается и опять ищетъ берега. Въ такомъ точно положеніи былъ и я“...

Отпуская своихъ питомцевъ, Песталоцци сдѣлалъ каждому изъ нихъ по мѣшечку, въ который вложилъ хлѣба и немного денегъ. Прощаясь, онъ плакалъ и цѣловалъ ихъ. Дѣти тоже плакали и называли

его своимъ отцомъ. Страдая душевно и физически, Песталоцци уѣхалъ изъ Станца для поправленія здоровья въ горное мѣстечко Гурниль. Укрѣпивъ свое здоровье, онъ сталъ искать новой учительской дѣятельности. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Бургдорфъ (Бернскаго кантона). Здѣсь онъ добился позволенія давать уроки въ начальной школѣ. Видя дѣятельность и нововведенія Песталоцци, другой учитель бургдорфской начальной школы сталъ опасаться, чтобы онъ не подорвалъ его авторитета и не лишилъ его мѣста, а потому началъ распространять по городу слухъ, что Песталоцци не умѣетъ ни читать, ни писать, ни считать и не обучаетъ катехизису. Песталоцци вынужденъ былъ оставить начальную школу. Онъ въ это время былъ въ крайней нуждѣ и писалъ къ историку Цшокке: „Втеченіе тридцати лѣтъ моя жизнь была отчаянною борьбою съ ужасною бѣдностью. Развѣ тебѣ не извѣстно, что до нынѣшняго дня я не посѣщалъ ни церкви, ни общества, потому что не имѣлъ ни платья ни денегъ для пріобрѣтенія его? О, другъ, развѣ ты не знаешь, что я на улицѣ служилъ посмѣшищемъ, потому что былъ похожъ на нишаго? Развѣ ты не знаешь, что болѣе тысячи разъ я бывалъ безъ обѣда, и въ полуденный часъ, когда даже самые бѣдные сидѣли за столомъ, я съ горечью ѣлъ кусокъ черстваго хлѣба на улицѣ? Да, я до сихъ поръ веду борьбу съ самою крайнею нуждою... И все это для того, чтобы быть чѣмъ-нибудь полезнымъ меньшей братіи“.

Въ 1800 году Песталоцци, соединившись съ Крузе и другими помощниками, рѣшился основать въ Бургдорфѣ свое учебное заведеніе. Правительство отнеслось сочувственно къ этой мысли и уступило ему для заведенія старинный замокъ. Воспитанники скоро собрались въ школу и началось обученіе. Предметами обученія были: отечественный и французскій языки, геометрія, ариметика, отечественная исторія и музыка. Древніе языки вовсе не преподавались. Первоначальное обученіе было чисто элементарнымъ и основывалось на наглядности, т.-е. на чувственномъ воспріятіи. Ученики дѣлились по возрасту и познаніямъ на 6 классовъ. Каждый день было семь часовыхъ уроковъ, которые распределялись между ѣдою, свободнымъ временемъ и играми. Въ послѣднихъ вмѣстѣ съ воспитанниками нерѣдко участвовали и воспитатели. День начинался утренней молитвой въ 7 часовъ, и оканчивался вечерней—въ 10 часовъ. По воскресеньямъ всѣ ходили въ церковь, а потомъ отправлялись за городъ, ходили по полямъ, лугамъ, лазили по лѣсистымъ горамъ, купались и плавали; зимою занимались гимнастическими упражненіями. Душою заведенія былъ Песталоцци. Своею любовью къ дѣлу онъ возбуждалъ къ нему любовь и въ своихъ сослуживцахъ.

Въ Бургдорфѣ Песталоцци написалъ руководство для матерей: „Какъ Гертруда учить своихъ дѣтей“. Въ немъ онъ изложилъ осно-

ванія своего метода элементарнаго обученія. Затѣмъ явилась „Книга для матерей“, за которою послѣдовалъ рядъ учебниковъ для учителей и учительницъ:

Для начертенія новой конституціи въ Швейцаріи, по предложенію Наполеона, собрались въ 1802 году въ Парижѣ депутаты изъ различныхъ швейцарскихъ кантоновъ. Въ числѣ ихъ былъ и Песталоцци. Въ званіи депутата, онъ представилъ Наполеону записку, въ которой съ жаромъ доказывалъ необходимость улучшенія народнаго воспитанія въ Швейцаріи. Наполеонъ не обратилъ вниманія на записку, и на горячую рѣчь педагога рѣзко отвѣтилъ, что онъ не намѣренъ вмѣшиваться въ азбучныя дѣла. Огорченный неудачей, Песталоцци возвратился въ Бургдорфъ.

Въ слѣдующемъ году бургдорфскій замокъ, въ которомъ помѣщался институтъ, понадобился мѣстному начальству, и Песталоцци съ своими учениками долженъ былъ переселиться въ Мюнхенъ-Бухзее, недалеко отъерна. На новомъ мѣстѣ институтъ подпалъ подъ стѣснительную опеку сосѣдняго богатаго помѣщика. Между тѣмъ нѣкоторые города Швейцаріи наперерывъ приглашали къ себѣ знаменитаго педагога. Онъ избралъ Ивердюнь и переселился въ него вмѣстѣ съ преданнѣйшими сотрудниками и нѣсколькими воспитанниками. Ивердюньскій замокъ былъ отведенъ подъ институтъ. Въ 1805 году началась дѣятельность института подъ руководствомъ Песталоцци, который оставался въ немъ втеченіе 20 лѣтъ (до 1825 года).

Черезъ два года послѣ открытія ивердюньскаго института Песталоцци писалъ въ своемъ отчетѣ: „Большая часть учителей въ нашемъ заведеніи постоянно живетъ вмѣстѣ съ воспитанниками, какъ съ равными. Наше воспитаніе имѣетъ то достоинство, что приближается къ воспитанію въ хорошемъ семействѣ. Любезные родители моихъ питомцевъ! посѣщайте насъ всѣ: мой домъ—открытый дворъ. Что мы дѣлаемъ, то дѣлаемъ, въ глазахъ всѣхъ, а если и погрѣшаемъ, то въ глазахъ публики, и не хотимъ такого довѣрія, осужденія или похвалы, какихъ не заслуживаемъ. Не скрывайте передъ нами истины, требуйте отъ насъ исполненія каждой обязанности. Смотрите на мое заведеніе, какъ на свое собственное: въ самомъ дѣлѣ, оно болѣе ваше, нежели мое“.

Ивердюньскій институтъ приобрѣлъ лестную извѣстность. Изъ всѣхъ государствъ Европы посылали въ Ивердюнь питомцевъ. Многія лица, интересующіяся дѣломъ обученія и воспитанія, посѣщали институтъ для ознакомленія съ методомъ Песталоцци,—иные пріѣзжали даже на общественный счетъ. Всѣхъ радушно принималъ Песталоцци и всѣхъ знакомилъ съ ходомъ обученія и воспитанія въ институтѣ. Философъ Фихте и другія лица своими сочувственными отзывами въ печати распространяли славу заведенія Песталоцци. Коронованныя лица не

только нѣмецкихъ, но и другихъ государствъ принимали участіе въ судьбѣ института и оказывали Песталоцци матеріальную помощь.

Въ 1814 году союзныя войска шли противъ французовъ. Австрійское правительство потребовало, чтобы Песталоцци очистилъ зданіе института для лазарета. Для спасенія своего дорогого заведенія педагогъ отправился къ Русскому Императору Александру Благословенному, жившему тогда въ Базель. Готовясь предстать предъ повелителя Россіи, онъ былъ въ волненіи. Но ласковый, благосклонный приѣмъ Императора ободрилъ его и онъ заговорилъ съ свойственнымъ ему жаромъ о томъ добрѣ, которое можно сдѣлать просвѣщеніемъ многимъ милліонамъ русскихъ. Выслушавъ благосклонно рѣчь Песталоцци, Императоръ обнялъ старика и отъ души поцѣловалъ его. Институтъ былъ спасенъ и Песталоцци получилъ орденъ Владимира.

Въ 1815 году умерла супруга Песталоцци. Вслѣдъ за этимъ огорченіемъ старику пришлось перенести еще цѣлый рядъ огорченій отъ раздоровъ и несогласій между его сотрудниками. Несогласія эти не могли не имѣть вреднаго вліянія на ходъ воспитанія и обученія въ институтѣ.

Въ 1825 году Песталоцци, удрученный лѣтами и понесенными трудами, оставилъ Ивердюнскій институтъ и переселился въ Нейгофъ, къ своему внуку. Здѣсь онъ написалъ „Лебединую пѣснь“. Швейцарское челоуѣколюбивое общество избрало старика Песталоцци своимъ предсѣдателемъ. Онъ благодарилъ общество, которое, какъ онъ выразился, „не дереламываетъ надломленнаго тростника и не гаситъ огарка, который еще теплится“.

Изъ Нейгофа онъ посѣщалъ сиротскіе дома и учебныя заведенія. Вездѣ его принимали съ уваженіемъ, подобающимъ старости и заслугамъ. При посѣщеніи имъ института въ Бэйгенѣ, на него возложили дубовый вѣнокъ. Онъ не хотѣлъ принять его и возложилъ его на голову дитяти, сказавъ растроганнымъ голосомъ: „Но мнѣ, а невинности приличенъ этотъ вѣнокъ“.

Песталоцци умеръ 17-го февраля 1827 года, 80-ти лѣтъ отъ роду, и похороненъ въ Биррѣ, около школы. Впослѣдствіи на его могилѣ былъ воздвигнутъ памятникъ, съ бюстомъ его и надписью: „Нашему отцу Песталоцци“.

Изложимъ теперь краткую характеристику Песталоцци, какъ челоуѣка.

Песталоцци обладалъ горячимъ сердцемъ, исполненнымъ любви къ бѣднымъ. Онъ совершенно вѣрно выразился про себя: „Тѣмъ, что я былъ, я обязанъ моему сердцу“. Для того, чтобы помочь стѣсненнымъ и угнетеннымъ, онъ не останавливался ни передъ какою жертвою, не дорожилъ ничѣмъ. Онъ отличался смиренномудріемъ и вѣжливостью, но

если дѣло касалось обездоленныхъ ближнихъ или его воспитательнаго заведенія, онъ поражалъ всякаго мужественной рѣшительностью. Онъ былъ безпечень и довѣрчивъ, какъ дитя, кротокъ и услужливъ донельзя. Онъ ни разу не сказалъ враждебнаго слова о комъ бы то ни было. Онъ отличался чрезвычайнымъ трудолюбіемъ. Въ два часа утра онъ уже диктовалъ свои статьи. Въ бесѣдѣ онъ былъ живъ и выражался картинно, изумляя нерѣдко своею находчивостью. Постоянно серьезный, онъ былъ непрочь поострить и повеселиться, находя удовольствіе въ потѣшныхъ выдумкахъ другихъ лицъ. Образовавшись болѣе самъ собою, чѣмъ при помощи людей, онъ лишенъ былъ дара вліять на людей непосредственно. Ему недоставало хладнокровной осмотрительности, неослабнаго вниманія къ житейскимъ мелочамъ, вѣрнаго такта въ дѣйствіяхъ и расторопности въ обыденной жизни. Несмотря на свои широкія, міровыя идеи, онъ самъ мало былъ способенъ управлять школой. Многіе звали его сумасбродомъ, такъ какъ, не принимая во вниманіе ни его ума, ни его чувства, судили лишь по его неудачамъ въ практической жизни. Черты лица Песталоцци были чрезвычайно выразительны. Въ нихъ отражались то самая нѣжная ласка и кротость, то раздирающая сердце скорбь и тоска, то неумолимая строгость, то цѣлый рай любви и восторга. Его глубоко впашіе глаза то метали лучи, сверкая подобно звѣздамъ, то уходили вглубь, какъ бы проникая взоромъ во внутреннюю безпредѣльность. Высокое чело его было изрыто морщинами—слѣдами глубокихъ думъ; звукъ его голоса былъ чрезвычайно измѣнчивъ, выражая то ласку и нѣжность, то гнѣвъ. Походка его была неровная—то спѣшная, то медленная, то смѣлая и величавая; грудь выдавалась впередъ, и въ движеніяхъ его отражались самоувѣренность и сила, презирающая самыя грозныя бури. Онъ былъ средняго роста и худощавъ. Одѣвался онъ небрежно, часто ходилъ не умывшись, съ растрепанными волосами, съ небритою бородою, съ оттоптаннвыми башмаками и спущенными чулками.

Сказавъ о жизни, дѣятельности о характерѣ Песталоцци, изложимъ вкратцѣ важнѣйшія его педагогическія идеи.

Песталоцци сравниваетъ искусство воспитанія дѣтей съ искусствомъ садовника, подъ присмотромъ котораго растутъ и цвѣтутъ деревья. Деревья имѣютъ внутреннюю растительную силу, вслѣдствіе которой они развиваются и приносятъ плоды; садовникъ только пересаживаетъ ихъ, поливаетъ и старается устранить всѣ вредныя вліянія, которыя помѣшали бы естественному ходу ихъ развитія. Въ какомъ положеніи находится садовникъ относительно своихъ деревьевъ, въ такомъ же положеніи находится и воспитатель относительно воспитывающихся. Онъ не можетъ вложить въ питомца ту или другую силу, сообщить ей жизнь и дыханіе; онъ только слѣдитъ и заботится о томъ, чтобы никакое внѣш-

нее вліяніе не нарушало, не останавливало естественнаго хода развитія его силъ. Садовникъ только тогда успѣшно выраститъ свои деревья, если онъ будетъ знать всѣ условія, необходимыя для ихъ развитія, изучитъ всѣ средства, которыми онъ можетъ способствовать успѣшности ихъ роста. Точно также и воспитатель тогда только можетъ способствовать успѣшному развитію своихъ питомцевъ, когда онъ знакомъ съ ихъ душевною и физической природой и законами развитія этой природы.

Подобно тому какъ дерево растетъ и развивается медленно, послѣдовательно и по присущимъ ему законамъ, такъ точно медленно, послѣдовательно и по своимъ собственнымъ законамъ развивается человѣкъ.

Человѣкъ, какъ духовное существо, отличается отъ всѣхъ животныхъ своимъ *сердцемъ*, *умомъ* и *талантами* (способностями).

Вотъ естественный ходъ развитія этихъ сторонъ человѣческой природы:

Сердце. Добрыя чувствованія, служащія источникомъ нравственной жизни, пробуждаются подъ тѣми теплыми попеченіями и заботами, которыя оказываетъ мать относительно своего ребенка. Удовлетворяя его естественнымъ потребностямъ доставленіемъ ему пищи, покоя, и устраняя отъ него все, что можетъ нарушить его нормальное состояніе, мать тѣмъ возбуждаетъ въ немъ благодарность и довѣріе. Такимъ образомъ дитя привязывается къ матери и вѣритъ ей. Такимъ же образомъ оно привязывается къ отцу, братьямъ, сестрамъ и ко всѣмъ домашнимъ. Замѣчая, къ кому изъ постороннихъ его родные относятся съ довѣріемъ и любовью, онъ и самъ начинаетъ относиться къ нему съ довѣріемъ и любовью. Если мать скажетъ ребенку: „это хорошій человѣкъ“, онъ уже довѣряетъ ему, хотя видитъ его въ первый разъ. Если ребенокъ видитъ измученное, голодное животное и мать скажетъ ему: „посмотри, какъ оно голодно!“ — ребенокъ тотчасъ почувствуетъ жалость къ этому животному и приласкаетъ его. Если окружающіе ребенка любятъ Бога и вѣрятъ въ Него, то и въ ребенкѣ зародится къ Нему вѣра и любовь, которыя прикуютъ его къ нравственной жизни; ибо тотъ, кто вѣритъ въ Бога и любитъ Его, старается исполнять Его волю.

Такимъ образомъ ребенокъ мало-по-малу вводится въ міръ нравственно-религіозный.

Такъ какъ члены семьи обыкновенно въ высшей мѣрѣ проявляютъ теплоту чувства къ ребенку, то поэтому понятно, что семья, руководимая любящей, благоразумной матерью и заботливымъ, разсудительнымъ отцомъ, можетъ считаться наилучшей средой для воспитанія ребенка. Песталлоцци и желалъ, чтобы первоначальное воспитаніе дѣтей велось въ семьѣ. „Я хочу вручить дѣло воспитанія и обученія дѣтей матери и семьѣ“, говоритъ онъ.

Умъ. Умъ въ ребенкѣ пробуждается и развивается подъ вліяніемъ окружающей его природы, внѣшнихъ предметовъ. Посредникомъ между ребенкомъ и внѣшнимъ міромъ служатъ его внѣшнія чувства, которыми онъ воспринимаетъ впечатлѣнія отъ окружающихъ предметовъ. Но дѣятельность ума не ограничивается только однимъ воспріятіемъ: она стремится проявиться наружу и заставляетъ ребенка сначала жестиами, а потомъ словами выражать ту работу, которую она выполнила внутри. Умъ ребенка не только получаетъ, но и отдаетъ. Такимъ образомъ, говоря объ умѣ, мы различаемъ въ немъ двѣ стороны—воспріятіе и выраженіе. Эти двѣ стороны составляютъ—мышленіе, проявляющееся въ сравненіи, сопоставленіи, различеніи и т. п. дѣятельности надъ воспріятыми представленіями. Итакъ, можно сказать, что развитіе ума имѣетъ три степени: воспріятіе, выраженіе и мысль.

Съ этими степенями и должно сообразоваться при развитіи ума ребенка.

Таланты (способности). Основаніемъ для талантовъ или способностей челоуѣка служатъ, съ одной стороны, психическая, а съ другой—физическая природа его; для того, чтобы сдѣлать что-нибудь, челоуѣкъ долженъ имѣть, во-первыхъ, знанія, относящіяся къ его труду, а во-вторыхъ,—умѣнье и ловкость къ его выполненію.

Естественный ходъ развитія таланта такой: челоуѣкъ сначала наблюдаетъ и старается понять процессъ работы; потомъ принимается за подражаніе и, наконецъ, переходитъ отъ подражанія къ свободѣ и независимости въ дѣйствіяхъ.

Умъ, сердце и способности развиваются посредствомъ соответственныхъ упражненій: умъ развивается посредствомъ проявленія мышленія, сердце—проявленіемъ чувствованій, мускулы—посредствомъ физической работы, и т. д. Только сильное упражненіе укрѣпляетъ силы; непосильное же упражненіе ослабляетъ ихъ.

Относительно собственно обученія Песталоцци установилъ слѣдующія дидактическія положенія:

1) При обученіи прежде всего должно быть обращено вниманіе на развитіе душевныхъ силъ челоуѣка. Общее образованіе должно предшествовать всякому спеціальному. Получивъ общее развитіе, челоуѣкъ уже легко можетъ приноровиться къ той или другой спеціальной дѣятельности.

2) Первые начала учебныхъ предметовъ должны быть заложены въ сознаніи учащихся по возможности прочно, основательно. „При обученіи дѣтей я долго останавливался, говорить онъ, на началахъ знаній, и эта остановка повела меня къ знакомству съ той высокою внутреннею силой, которая достигается упроченіемъ начальныхъ знаній, и тѣмъ вѣдомъ, который получается отъ нетвердости начальныхъ знаній. Слѣд-

ствія моея продолжительной остановки на началахъ знаній превзошли всякое ожиданіе: въ дѣтяхъ быстро начало развиваться сознаніе своихъ силъ; ихъ душевное настроеніе было бодро; ихъ силы начали пробуждаться и расти“.

3) Попутно съ обогащеніемъ учениковъ знаніями необходимо выработывать въ нихъ необходимыя умѣнья. „Можетъ ли быть, что ужаснѣе знанія безъ умѣнья? Человѣкъ долженъ не только знать и размышлять о своихъ нуждахъ, но и умѣть дѣйствовать ради ихъ“... „Необходимо, чтобы съ самой колыбели дѣти постоянно упражнялись въ употребленіи своихъ силъ и способностей, чтобы постоянно оживлялась, усиливалась ихъ изобрѣтательная дѣятельность и чтобы настойчивость, неутомимость и ловкость въ выполненіи ежедневныхъ требованій избраннаго ими призванія сдѣлались какъ бы второю природою дѣтей“.

4) Обученіе должно быть нагляднымъ, т.-е. должно исходить изъ созерцанія, изъ чувственнаго знакомства съ внѣшними предметами, изъ возбужденія и сознанія собственныхъ впечатлѣній, а не основываться только на словахъ. „Тамъ, гдѣ основныя силы человѣческаго духа оставлены спящими и къ спящимъ способностямъ привиты слова, тамъ образуются мечтатели, которые тѣмъ смутнѣе мечтаютъ, чѣмъ большія притязанія имѣютъ слова, привитыя къ ихъ жалкому, зѣвающему существу“... „Начало всякаго ученія есть наглядное воспріятіе; конечная цѣль—ясное понятіе“. „Нашъ умъ соединяетъ въ своемъ представленіи въ одно цѣлое всѣ отдѣльныя впечатлѣнія, производимыя внѣшнею природою на органы чувствъ, и потомъ образуетъ понятіе и развиваетъ его до полной ясности“... „Обученіе должно быть подчинено вѣчному закону развитія, по которому человѣческой духъ возвышается отъ чувственныхъ созерцаній къ яснымъ понятіямъ“...

„Сама жизнь, говоритъ Песталотци въ сочиненіи „Лингардъ и Гертруда“, — какъ она дѣйствовала на дѣтей, какъ они пользовались ею, служила источникомъ для обученія ихъ... Каждое слово, сказанное Гертрудой ребенку, находилось всегда въ тѣсной связи съ его жизнью и положеніемъ... Обученіе дѣтей тоже вытекало изъ дѣйствительной жизни дѣтей... Гертруда считала съ ними, сколько шаговъ въ комнатѣ, сколько оконницъ въ окнахъ, сколько нитей въ пряжѣ, рѣшала съ ними вызываемыя жизнью задачи (арифметика)... Она объясняла имъ основныя формы измѣренія, дѣлая чрезъ непосредственныя воззрѣнія ясными для нихъ понятія: уголь—острый и тупой, предметъ—круглый и угловатый, и т. п. (геометрія). Она постоянно и въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ обращала вниманіе дѣтей на явленія природы обнаруживающіяся преимущественно въ жизни домашней—въ комнатѣ, въ кухнѣ, на дворѣ, въ саду, въ лѣсу и въ полѣ; и она дѣлала это такъ, что не казалось это ученіемъ, а простымъ участіемъ къ такимъ

вещамъ и явленіямъ, которыя встрѣчаются дѣтямъ во всѣхъ случаяхъ ихъ жизни, въ ихъ обязанностяхъ, удовольствіяхъ и потребностяхъ. Помогая матери готовить кушанья, разводивъ огонь, приносить дрова и воду, они изучали чрезъ простое, но внимательное наблюдение надъ предметами, къ которымъ принадлежало самое занятіе, — дѣйствіе огня, воды, воздуха, вѣтра, дыма, измѣненіе воды въ спокойно стоящемъ сосудѣ и въ текущемъ источникѣ, превращеніе ея въ ледъ, дождь, снѣгъ, иней, градъ, ея вліяніе на раствореніе соли, на гашеніе огня, и т. д. Все это они узнавали не чрезъ длинные разговоры объ этихъ предметахъ, а посредствомъ обращенія вниманія ихъ на самые предметы, какъ они представлялись ихъ внѣшнимъ чувствамъ и какъ они перемѣнялись на ихъ же глазахъ "... Дѣти Гертруды хотя знали мало, но зато знали все соотвѣтственное ихъ возрасту вполне. То, что они знали, знали не въ-половину, не какъ-нибудь, а совершенно. Это знаніе доведено было въ нихъ, собственными ихъ наблюденіями и упражненіями, до совершенно яснаго сознанія, и они могли просто, но зато съ точностью выразить и объяснить все знаемое "...

„Когда я оглянусь, говоритъ Песталоцци, и спрашиваю самъ себя: что же я собственно сдѣлалъ на пользу человѣческаго образованія, то вижу, что я прочно установилъ главнѣйшее дидактическое положеніе въ признаніи *наглядности*, какъ абсолютнаго основанія всякаго познанія“.

Элементарное обученіе, по мысли Песталоцци, должно стремиться къ достиженію трехъ слѣдующихъ цѣлей: 1) научить дѣтей представлять себѣ предметы, какъ *единицы*, отдѣльныя отъ другихъ предметовъ; 2) научить познавать *форму* каждаго предмета, т. е. его видъ, величину; 3) познакомить ихъ съ *названіями* знакомыхъ имъ предметовъ. Отсюда являются три предмета (силы), на которые нужно обратить вниманіе: 1) способность къ счисленію, 2) измѣренію и 3) даръ слова. „Долгое время въ головѣ моей роились живыя, но смутныя мысли о средствахъ элементарнаго обученія, пока, наконецъ, вся эта путаница внезапно не озарилась новымъ свѣтомъ промелькнувшей идеи, что средства для уясненія всѣхъ возрѣній заключаются *въ числахъ, формахъ и языкѣ*“.

Обученію языку Песталоцци придаетъ большое значеніе. Онъ совѣтуетъ, чтобы мать или няня еще надъ колыбелью ребенка ясно произносила отдѣльные звуки и сочетанія ихъ и такимъ образомъ пріучала ребенка къ произношенію ихъ.

Чтенію Песталоцци обучалъ, ознакамливая дѣтей съ согласными буквами въ соединеніи съ гласными. Послѣ усвоенія дѣтьми гласныхъ, онъ прибавлялъ къ нимъ согласныя и заставлялъ дѣтей произносить за нимъ слоги, пока они не замѣчали и не запоминали согласныя

буквы. Гласныя отъ приставляемыхъ къ нимъ согласныхъ обыкновенно отличались цвѣтомъ.

Присоединяя слоги къ слогамъ, Песталоцци образовывалъ слова и заставлялъ дѣтей произносить ихъ.

Послѣ того, какъ дѣти научились читать, Песталоцци заставлялъ ихъ прочитывать ряды словъ, обозначающихъ названія предметовъ. Впослѣдствіи онъ требовалъ, чтобы они относили къ соотвѣтственнымъ родамъ предметы, обозначенные заученными ими словами.

Ученіе о формѣ Песталоцци подраздѣлялъ на искусство измѣренія, рисованіе и письмо.

Искусство измѣренія, куда относится геометрія, должно быть изучаемо учениками при помощи наглядности. Ученики сами различаютъ формы тѣлъ, сами дѣлаютъ нужные чертежи и построенія.

Обученію письму предшествовало обученіе рисованію, ведущее къ развитію руки и подготовляющее такимъ образомъ къ болѣе правильному письму. Для обученія письму Песталоцци составилъ прописи, удовлетворяющія требованію послѣдовательности, при чемъ буквы расположены генетически.

Обученіе счету идетъ послѣдовательно, наглядно и практично. Дѣти упражняются въ рѣшеніи доступныхъ имъ задачъ и такимъ образомъ ознакамливаются съ ариѳметическими дѣйствіями. Для наглядности Песталоцци совѣтуетъ употреблять ариѳметическія таблицы и другія пособія.

Послѣдователи Песталоцци.

Геній Песталоцци вызвалъ многихъ себѣ послѣдователей, занимавшихся дальнѣйшимъ развитіемъ, критическою провѣркою и практическимъ примѣненіемъ идей Песталоцци. Изъ такихъ послѣдователей въ Германіи обращаютъ на себя особенное вниманіе: Фребель, Нимейеръ, Динтеръ, Стефани и Дистервегъ. Скажемъ объ этихъ педагогахъ.

Фридрихъ Фребель.

Главная заслуга Фребеля заключается въ разработкѣ теоріи воспитанія въ до-школьный періодъ и въ устройствѣ такъ называемыхъ „дѣтскихъ садовъ“.

Фребель (отъ 1782 до 1852 г.) сынъ сельскаго священника, родился въ Обервейбахѣ (Рудольштадтскомъ княж.). На первомъ году своей жизни онъ лишился матери и такимъ образомъ узналъ на опытѣ, чего недостаетъ дѣтямъ, лишеннымъ теплоты и воспитательнаго вліянія матери.

Живя среди богатой природы, Фребель часто уходилъ изъ дому, чтобы въ уединеніи наслаждаться красотами природы и поучаться отъ нея. Онъ слѣдилъ за крестьянскими работами, за жизнью насѣкомыхъ,

птицъ и животныхъ. Въ немъ рано развились наблюдательность и наклонность къ мечтательности и идеальнымъ стремленіямъ.

Отецъ Фридриха часто бралъ сына съ собой при своихъ посѣщеніяхъ крестьянъ и такимъ образомъ далъ ему возможность ознакомиться съ жизненными невзгодами простого народа и недостатками воспитанія крестьянскихъ дѣтей.

Окончивъ гимназію, Фридрихъ началъ практически изучать лѣсоводство. Жажда знаній и стремленіе разрѣшить возникавшіе въ его умѣ вопросы побудили его поступить въ Іенскій университетъ для изученія естественно-историческихъ и математическихъ наукъ. Онъ скоро оставилъ университетъ, но не оставилъ занятія науками.

Ища подходящей для себя практической дѣятельности, Фридрихъ переѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ думалъ заняться садоводствомъ и архитектурой. Случайность здѣсь опредѣлила его истинное призваніе. Онъ познакомился съ педагогомъ Грунеромъ, директоромъ вновь учрежденной тогда образцовой школы. Въ задушевной бесѣдѣ Фребель высказалъ ему свое желаніе найти такую дѣятельность, къ которой можно было бы приложить знаніе законовъ природы и при которой можно было бы еще глубже изслѣдовать эти законы. Грунеръ указалъ ему на дѣятельность воспитателя дѣтей, какъ на такую, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ его стремленіямъ. Законы макрокосма, сказалъ онъ, тождественны съ законами микрокосма, а потому примитесь за воспитаніе дѣтей. Вы должны не землю удобрять, а юныя головы, не дома созидать, а школы, не растеніе растить, а дѣтей". „Грунеръ, говоритъ Фребель, угадалъ мое призваніе и сразу раскрылъ мнѣ глаза, и я, нисколько не колеблясь, сдѣлался педагогомъ".

Фребель поступилъ учителемъ въ младшій классъ школы Грунера. „Когда я, говоритъ онъ, вступилъ въ первый разъ въ мой классъ, состоящій изъ 30 мальчиковъ отъ 9 до 11 лѣтъ, мною овладѣло чрезвычайно пріятное чувство: я сознавалъ себя совершенно въ своей сферѣ". Занятія въ своемъ классѣ Фребель велъ успѣшно и Грунеръ не могъ нахвалиться своимъ новымъ учителемъ. Но самъ Фребель не былъ доволенъ тогдашнимъ преподаваніемъ. „Обычное книжное преподаваніе, говоритъ онъ, мнѣ не нравилось: оно мнѣ всегда казалось сухимъ и мертвымъ. Изъ-за этого преподаванія я давно возненавидѣлъ школу и убѣгалъ изъ нея въ лѣсъ. Природа была моею гимназіей; деревья и цвѣты—моими учителями. Какъ же мнѣ было рѣшиться, теперь мучить другихъ тѣмъ, что самому мнѣ было противно! Поневолю приходилось самому еще искать новыхъ, лучшихъ путей". Онъ принялся за изученіе извѣстныхъ тогда педагогическихъ писателей: Локка, Руссо, Базедова и особенно Песталоцци. Идеи послѣдняго увлекли его и онъ рѣшился побывать въ Ивердюнскомъ институтѣ. Въ 1808 году онъ прибылъ въ Ивердюнь и поступилъ учителемъ въ

институтъ Песталоцци. Чѣмъ больше онъ присматривался на дѣлѣ къ ходу обученія и воспитанія дѣтей въ институтѣ, тѣмъ яснѣе становилась для него необходимость предпринятой Песталоцци реформы обученія и воспитанія. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что для произведенія такой реформы необходимо самое глубокое образованіе. Вслѣдствіе этого сознанія, онъ, оставивъ институтъ чрезъ два года послѣ вступленія въ него, поступилъ сначала въ Геттингенскій, а потомъ въ Берлинскій университетъ. Занимаясь въ послѣднемъ, онъ состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ учителемъ въ извѣстной въ то время школѣ Плама, ученика Песталоцци.

Ударъ, нанесенный русскими французамъ въ 1812 году, побудилъ нѣмцевъ стать за свою независимость отъ французовъ. Фребель вступилъ стрѣлкомъ въ отрядъ Лютцова. Когда отрядъ этотъ былъ распущенъ (въ 1814 г.), Фребель возвратился въ Берлинъ, гдѣ получилъ мѣсто инспектора минералогическаго музея, съ обязательствомъ читать лекціи по минералогіи въ университетѣ. Принимая эту обязанность, онъ утѣшалъ себя мыслью, что занятіе минералогіей, какъ и вообще занятіе естественной исторіей, поможетъ ему уяснить себѣ законы развитія тѣлъ.

Въ это время умеръ братъ Фребеля, оставивъ трехъ малолѣтнихъ сиротъ. Оставивъ музей, Фребель отправился на родину, взялъ сиротъ и еще другихъ дѣтей и основалъ институтъ въ деревнѣ Кельгау. Жизнь въ институтѣ походила на жизнь въ семьѣ.

Управляя институтомъ, Фребель убѣдился, что воспитаніе въ школѣ тогда только улучшится, когда улучшится первоначальное воспитаніе въ семьѣ, а потому задался мыслью открыть и разработать принципы воспитанія дѣтей въ до-школьный періодъ. Съ этою цѣлью онъ началъ изучать маленькихъ дѣтей, наблюдая при всякомъ удобномъ случаѣ за ихъ жизнью. Иногда онъ по цѣлымъ днямъ проводилъ среди дѣтей, принимая нерѣдко участіе въ ихъ играхъ. Плодомъ такого изученія ихъ явилось сочиненіе „О воспитаніи челоука“.

Уяснивъ себѣ законы начальнаго воспитанія дѣтей, Фребель, поручивъ управленіе институтомъ въ Кельгау своему родственнику, занялся учрежденіемъ такъ называемыхъ „дѣтскихъ садовъ“. Такіе „сады“ были открыты въ Гамбургѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ и другихъ городахъ Германіи. Въ нихъ онъ осуществлялъ тѣ педагогическіе принципы, до которыхъ дошелъ путемъ продолжительнаго мышленія и наблюденія надъ дѣтьми. *) Вотъ главнѣйшіе изъ этихъ принциповъ:

*) Нужно замѣтить, что еще до Фребеля стали учреждаться во Франціи, Германіи и въ другихъ государствахъ, такъ называемые «дѣтскіе приюты», «ясли» и другія учрежденія для призрѣнія дѣтей. Но Фребель, какъ сейчасъ сказано, первый потрудился надъ открытіемъ законовъ воспитанія въ дѣтствѣ, указавъ средства къ этому воспитанію и первый прамѣнилъ эти средства въ учрежденныхъ имъ «дѣтскихъ садахъ».

1) Развитие челоѵка совершается по законамъ, присущимъ его природѣ.

2) Проявленіе дѣятельности есть естественное средство для развитія какъ душевныхъ, такъ и физическихъ силъ челоѵка. Вслѣдствіе этого, при воспитаніи проявленіе дѣятельности питомцевъ должно играть важную роль. „Здоровое дитя хочетъ быть дѣятельнымъ: это требованіе его природы; все окружающее должно итти на встрѣчу этому природному его стремленію“. Развитие физическихъ и душевныхъ силъ должно итти совмѣстно. Цѣлесообразная физическая дѣятельность ведетъ не только къ выработкѣ умѣнья, но также и къ развитію душевныхъ силъ дѣтей.

3) Ребенокъ проявляетъ свою дѣятельность съ цѣлью—

а) *познанія предметовъ*. Для этого должны быть предлагаемы ему предметы для ознакомленія съ ними, причемъ должна быть соблюдаема надлежащая послѣдовательность. Фребель предлагаетъ дѣтямъ сначала простѣйшія по формѣ тѣла, напр.: мячъ, шаръ, а затѣмъ уже и болѣе сложныя тѣла, напр.: кубъ и т. д.;

б) *построенія*. „Уже въ ребенкѣ рано и въ высшей степени проявляется творческое стремленіе; какъ только онъ начинаетъ самостоятельно двигать свои члены, онъ начинаетъ уже и работать надъ матерією, разлагать и складывать ее. Съ этой минуты и должно видѣть въ немъ творческое существо и развивать въ немъ творческую дѣятельность“. Для построеній могутъ служить деревянные кубики, кирпичики, изъ которыхъ дѣти могутъ складывать различные предметы, глина, изъ которой они могутъ лѣпить различные вещи,—стружки, изъ которыхъ они могутъ плести коврики, и т. п.;

в) *движенія*. Своей потребности движенія дѣти удовлетворяютъ, съ одной стороны, построеніемъ, а съ другой—подвижными играми. „Вся жизнь ребенка какъ бы исходитъ въ играхъ и занятіяхъ: въ дѣтяхъ заключается какое-то, ничѣмъ неудержимое стремленіе постоянно воспроизводить въ играхъ то, что образовалось въ душѣ ихъ и что должно служить для дальнѣйшаго развитія ихъ. Игра ребенка не есть безплодное, праздное препровожденіе времени, но самая естественная, природою назначенная развивающая и созидающая дѣятельность его. Игры въ дѣтскомъ возрастѣ гораздо важнѣе и благотворнѣе, чѣмъ ученіе; да онѣ и составляютъ самое правильное, естественное и самое производительное ученіе, ибо занимаютъ въ ребенкѣ всего челоѵка, доставляютъ ему новыя знанія, развиваютъ мышленіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ ребенокъ постоянно самъ дѣйствуетъ, самъ создаетъ, творитъ. Слѣдовательно, въ ребенкѣ живетъ и развивается и мысль, и чувство, и воля, вся душа его и все тѣло, однимъ словомъ—весь челоѵкъ“.

Ознакомленіе съ предметами, построеніе и игры (движенія) должны ити не отдѣльно одно отъ другого, но, напротивъ, должны составлять одно общее, нераздѣльное занятіе. Одно и то же занятіе служить для дѣтей игрой, ведетъ ихъ къ ознакомленію съ предметами и пріучаетъ ихъ къ построенію.

4) Въ дѣтяхъ замѣчается стремленіе не только къ построенію и движенію, но также и къ уходу за животными и растеніями. Фребель совѣтуетъ удовлетворять этой потребности дѣтей, поручая имъ, для ухода, растенія или животныхъ. Такъ какъ человѣкъ привязывается къ тому, за чѣмъ онъ ухаживаетъ, то поэтому и въ дѣтяхъ, ухаживающихъ за животными или растеніями, развивается привязанность къ нимъ. Привязанность эта, развившись въ душѣ, можетъ проявиться и по отношенію къ людямъ.

5) Въ дѣтяхъ рано начинается проявленіе къ обществу; они начинаютъ раздѣлять свои игры и занятія съ другими. Взрослые не вполне могутъ удовлетворять этому стремленію дѣтей, — уже потому, что интересы и понятія ихъ не сходятся съ интересами и понятіями дѣтей. Дѣти наилучше себя чувствуютъ среди сверстниковъ.

Своими „дѣтскими садами“, въ которые собираются дѣти болѣе или менѣе одного возраста, для общихъ игръ и занятій, Фребель вполне удовлетворилъ означенному стремленію дѣтей.

Удовлетворяя стремленію къ общественной, „дѣтскіе сады“ вмѣстѣ съ тѣмъ оказываютъ благотворное воспитательное вліяніе на дѣтей. Отношеніе дѣтей между собою, подъ руководствомъ подготовленныхъ воспитательницъ (садовницъ), способствуетъ выработкѣ въ нихъ добрыхъ, нравственныхъ чувствъ и хорошаго поведенія. При общихъ играхъ и занятіяхъ дѣти пріучаются къ взаимной уступчивости и къ взаимнымъ услугамъ. Кромѣ того, они пріучаются къ порядку, дисциплинѣ.

Въ „дѣтскіе сады“ собираются для совмѣстныхъ игръ и занятій и мальчики и дѣвочки, что, въ свою очередь, оказываетъ благотворное вліяніе какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ, такъ какъ тѣ и другія своими особенными душевными качествами взаимно вліяютъ другъ на друга.

6) Дѣти любятъ сопровождать свои игры пѣніемъ; любятъ они также и рассказы. Согласно съ этимъ, пѣніе и рассказы составляютъ необходимую принадлежность „дѣтскихъ садовъ“. Фребель составилъ пѣльный сборникъ дѣтскихъ игръ и пѣсенокъ. О происхожденіи этого сборника онъ такъ говоритъ: „Этой книгой я обязанъ одной матери и ея ребенку. Однажды мать, съ ребенкомъ на рукахъ, идетъ мнѣ навстрѣчу и говоритъ своему малюткѣ: „Помани цыплятокъ, чтобы они

пришли къ тебѣ“, или: „Покажи этому человѣку, который очень любить дѣтей, что ты умѣешь“. Глубоко проникнутый этимъ простымъ, самымъ обыкновеннымъ и безыскусственнымъ явленіемъ, его причинами и слѣдствіями, я тотчасъ же пошелъ домой и записалъ эту первую дѣтскую игру, потомъ другую, третью, и такимъ образомъ набралось у меня немалое число такихъ пѣсенокъ и игръ. Я послалъ ихъ къ одной матери, ребенокъ которой былъ боленъ. Она потомъ со слезами благодарила меня, говоря, что присланныя мною пѣсенки и игры сдѣлали ребенка ея совершенно счастливымъ. Такимъ образомъ, въ постоянномъ взаимномъ общеніи съ матерями и дѣтьми, составила вся эта книга, въ ея настоящемъ видѣ; потому она не есть придуманное мною произведеніе, а только собраніе дѣйствительно существующихъ, самыхъ обыкновенныхъ занятій доброй матери съ дѣтьми. Игры, слово и пѣніе, въ своемъ взаимномъ сочетаніи, представляютъ матери самыя дѣйствительныя и естественныя средства для воспитанія ея малютокъ: это непреложно, ибо этому научаетъ насъ сама жизнь“.

7) Дѣло воспитанія дѣтей въ младшемъ возрастѣ принадлежитъ преимущественно женщинамъ, такъ какъ онѣ, по своимъ психическимъ и органическимъ особенностямъ, наиболѣе способны къ этому дѣлу. Воспитаніе дѣтей въ „дѣтскихъ садахъ“ Фребель и поручаетъ такъ-называемымъ „садовницамъ“ — женщинамъ, подготовленнымъ къ воспитанію дѣтей.

Положеніемъ начала къ открытію „дѣтскихъ садовъ“ Фребель оказалъ услугу не только дѣтямъ, но также и матерямъ, особенно недостаточнымъ. Уходя изъ дома на свои работы, матери приносятъ въ „дѣтскій садъ“ своихъ дѣтей. Здѣсь за ними смотрятъ, доставляютъ имъ полезныя и пріятныя для нихъ занятія, руководятъ ихъ играми. Вечеромъ, по окончаніи дневныхъ работъ, возвращаясь домой, матери заходятъ въ „дѣтскій садъ“ и увозятъ своихъ дѣтей.

Въ настоящее время „дѣтскіе сады“ существуютъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ не только Европы, но и другихъ частей свѣта.

Августъ Германъ Нимейеръ.

Августъ Нимейеръ (отъ 1751 до 1828 года) былъ директоромъ въ заведеніи Франке. Руководясь идеями Песталоцци и трудами предшествовавшихъ педагоговъ, онъ составилъ первое систематическое руководство педагогики — „Основаніе воспитанія и обученія“. Цѣлью воспитанія онъ ставитъ гармоническое развитіе всѣхъ человѣческихъ силъ и способностей. Обученіе должно, съ одной стороны, возбудить, укрѣпить и направить умственныя силы питомца и такимъ образомъ сдѣлать изъ него человѣка, наименѣе нуждающагося въ посторонней

помощи, а съ другой—доставить этимъ силамъ матеріалъ, на которомъ онѣ могли бы упражняться и совершенствоваться и который необходимъ какъ вообще для человѣка, такъ и для такой или иной его дѣятельности.

Свои дидактическія и методическія положенія Нимейеръ строить на психологическихъ основаніяхъ. Онъ разсматриваетъ каждую сторону духовной природы человѣка (умъ, память, чувствованія, волю и т. д.) и указываетъ средства къ развитію ея. (По Нимейеру составленъ, въ тридцатыхъ годахъ, Ободовскимъ первый на русскомъ языкѣ курсъ педагогики).

Фридрихъ Динтеръ.

Фридрихъ Динтеръ (отъ 1760 до 1830 г.) отличался большимъ искусствомъ въ веденіи катехизаціи при обученіи.

Въ своемъ сочиненіи „Главнѣйшія правила катехетики“ онъ разработалъ катехизическую форму обученія. Катехизація, по его опредѣленію, есть искусство обучать посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Катехизаціи онъ даетъ мѣсто уже послѣ того, какъ дѣти ознакомились путемъ наглядности съ многими предметами.

Для успѣшнаго веденія катехизаціи, учителю, по мнѣнію Динтера, необходимо обладать пронипательностью и живостью мышленія, живымъ сочувствіемъ къ истинѣ и нравственности, присутствіемъ духа, вкусомъ и гибкостью и пріятностью голоса. Кромѣ того, онъ долженъ имѣть большой запасъ знаній изъ исторіи, естественной исторіи, Библіи, гражданскихъ и политическихъ учрежденій и т. п. Далѣе, ему необходимо практическое знакомство съ логикой и психологіей и особенно съ душевною природой дѣтей. Наконецъ, онъ долженъ вполнѣ владѣть отечественнымъ языкомъ, такъ какъ отъ этого въ значительной мѣрѣ зависитъ достоинство вопросовъ.

Катехетъ долженъ умѣть: 1) предлагать вопросы, 2) пользоваться полученными отвѣтами, 3) привлекать вниманіе учениковъ, 4) подбирать цѣлесообразный матеріалъ для бесѣды и удачно располагать его, 5) пользоваться усвоенными уже учениками знаніями для вывода новыхъ знаній, 6) просто и доступно объяснять и убѣдительно доказывать.

Вопросы, предлагаемые ученикамъ при веденіи катехизаціи, должны быть просты, ясны и точны, такъ какъ на сложные, неясные или неточные вопросы не можетъ послѣдовать хорошаго отвѣта. Они не должны быть двойными, т.-е. требующими за-разъ двухъ отвѣтовъ: такіе вопросы запутываютъ учениковъ. По формѣ и содержанію вопросы должны соответствовать развитію учениковъ. Слѣдуетъ избѣгать вопросовъ, на которые нужно отвѣтить лишь словомъ „да“ или „нѣтъ“:

такіе вопросы мало возбуждаютъ мышленіе учениковъ. Можно прибѣгать къ вопросамъ, требующимъ, чтобы ученики изъ двухъ положеній, подумавъ, выбрали одно: такіе вопросы побуждаютъ и лѣнливыхъ учениковъ думать. Но при наведеніи учениковъ на главную мысль, нужно осторожно пользоваться такими вопросами. Если ученики не даютъ вѣрнаго отвѣта на предложенный имъ вопросъ, можно прибѣгнуть къ наводящимъ вопросамъ, направленнымъ къ устраненію ложныхъ представленій и къ направленію, такимъ образомъ, ума учениковъ къ выводу истиннаго знанія. Могутъ быть допускаемы иногда вопросы, относящіеся къ возраженію противъ сообщеннаго ученикамъ свѣдѣнія. Такіе вопросы побуждаютъ ихъ мыслить. Слѣдуетъ избѣгать такихъ вопросовъ, при которыхъ учитель начинаетъ фразу, а ученику приходится только окончить ее; слѣдуетъ также избѣгать и такихъ вопросовъ, въ которыхъ въ самомъ вопросѣ заключается уже и отвѣтъ на него.

Вопросы должны быть предлагаемы съ надлежащей интонаціей голоса. Слѣдуетъ спрашивать учениковъ въ разбивку, а не въ опредѣленномъ порядкѣ, при которомъ они могли бы знать, кому придется отвѣчать. Нужно вести катехизацію такъ, чтобы на всякій вопросъ каждый ученикъ готовился отвѣчать. Каждый ученикъ во время урока долженъ быть спрошенъ нѣсколько разъ. Одновременные отвѣты нѣсколькими учениками нецѣлесообразны, такъ какъ при такихъ отвѣтахъ обыкновенно сознательно говорятъ только болѣе способные ученики, менѣе же способные лишь повторяютъ слова своихъ способныхъ товарищей. Впрочемъ, если ученикамъ приходится заучить что-нибудь уже объясненное, то совершенно умѣстно прибѣгнуть къ хорошему произношенію заучиваемаго.

Вопросы нужно распределять между учениками такимъ образомъ, чтобы на каждый вопросъ послѣдовалъ удовлетворительный отвѣтъ. Болѣе трудные вопросы, требующіе для своего рѣшенія болѣе сильной сообразительности, могутъ падать на способныхъ учениковъ, легкіе же вопросы умѣстно предлагать слабѣйшимъ ученикамъ.

Если ученикъ не отвѣчаетъ на предложенный ему вопросъ, то причиной этого можетъ быть или непониманіе имъ вопроса, — въ такомъ случаѣ нужно поставить вопросъ въ болѣе удобной формѣ, или въ невнимательности ученика, — въ такомъ случаѣ нужно пристыдить его, спросивъ младшаго ученика; или въ недоумѣніи, съ чего начать отвѣтъ, — въ такомъ случаѣ нужно навести его на отвѣтъ; или въ неумѣніи его выражаться, — въ такомъ случаѣ слѣдуетъ помочь ему выразить свою мысль.

Между предлагаемыми ученикамъ при катехизаціи вопросами должна быть связь и послѣдовательность. Вопросы должны обусловливаться цѣлью катехизаціи. Сначала предлагаются обыкновенно частные и болѣе

легкіе вопросы. Но случается, что учитель начинает съ общаго и болѣе труднаго вопроса. Это бываетъ тогда, когда изъ рѣшенія общаго вопроса можно сдѣлать нужные выводы. Обыкновенно учитель раздѣляетъ предметъ на части, разсматриваетъ путемъ катехизаціи каждую часть и затѣмъ обобщаетъ или соединяетъ части въ цѣльное знаніе.

Динтеръ различаетъ три рода катехизаціи: 1) катехизація въ собственномъ смыслѣ, или аналитическая, 2) катехизація сократическая, или синтетическая, и 3) катехизація испытательная. При катехизаціи въ собственномъ смыслѣ, или аналитической, учитель представляетъ ученикамъ предметъ, раздѣляетъ его на части и выспрашиваетъ о каждой части. При катехизаціи сократической, или синтетической, учитель, пользуясь тѣми знаніями, которыми ученики уже обладаютъ, наводитъ ихъ, посредствомъ вопросовъ, на выводъ новыхъ знаній. Испытательная катехизація служитъ къ опредѣленію или степени развитія учениковъ, или степени ихъ познаній. Въ первомъ случаѣ обращается вниманіе, насколько ученики способны наблюдать за предметами, сравнивать ихъ, составлять сужденія. Во второмъ случаѣ обращается вниманіе, насколько твердо и сознательно усвоено учениками сообщенное имъ.

Со времени Динтера катехизація стала наиболѣе употребительнымъ приѣмомъ при обученіи въ начальной и средней школь. Признакомъ хорошаго учителя считается умѣнье его вести хорошо катехизацію во время урока.

Хорошая катехизація, безъ сомнѣнія, представляетъ много преимуществъ при обученіи. Но не слѣдуетъ пренебрегать и разговоромъ или изложеніемъ. Катехизація и разговоръ или изложеніе должны чередоваться между собою. При сообщеніи фактическихъ знаній, а также при обобщеніи знаній слѣдуетъ прибѣгать къ изложенію; при составленіи же выводовъ изъ сообщенныхъ знаній или при сравненіи фактовъ можно прибѣгать къ катехизаціи.

Генрихъ Стефани.

Генрихъ Стефани (отъ 1761 до 1851 года) былъ баварскимъ училищнымъ совѣтникомъ и много трудился для поднятія учительскаго сословія и улучшенія школьнаго обученія. Онъ ратовалъ за независимость школь и учителей отъ церковной администраціи. Кромѣ того, онъ окончательно разъяснилъ преимущество звуковаго способа обученія грамотѣ передъ другими способами и установилъ примѣненіе его на практикѣ своими „Азбукою“ (1802 г.) и „Методическими указаніями“ (1804 г.).

Изъ сочиненій Стефани общаго педагогическаго содержанія обращаютъ на себя вниманіе „Руководство къ искусству обученія“ и „Ру-

ководство къ искусству воспитанія“. Задачей воспитанія Стефани ставитъ развитіе всѣхъ способностей и силъ человѣка: тѣла, сердца (чувства), ума (духа) и воли,—къ нравственному самоопредѣленію. Школа, по его мнѣнію, должна быть не только учебнымъ заведеніемъ, но также „нравственною гимназіей“, т.-е. должна воспитывать въ человѣкѣ всѣ его душевныя силы и наклонности въ нравственномъ направленіи и готовить человѣка для практической дѣятельности въ обществѣ.

Адольфъ Дистервегъ.

Адольфъ Дистервегъ принадлежитъ къ наиболѣе энергичнымъ подвижникамъ народнаго образованія въ Германіи. Своею практическою дѣятельностью и особенно своими сочиненіями онъ имѣлъ вліяніе на учителей и народное образованіе не только своего отечества, но и другихъ государствъ Европы. Не напрасно его называютъ „воспитателемъ учителей“.

Дистервегъ родился въ Зигенѣ, въ Вестфаліи, въ 1790 году и умеръ въ Берлинѣ въ 1866 году.

По окончаніи гимназій на родинѣ, онъ поступилъ въ Тюбингенскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ докторомъ богословія. Своимъ глубокимъ, многостороннимъ образованіемъ онъ обязанъ не столько гимназій и университету, сколько собственному неутомимому трудолюбію, самодѣятельности и любознательности.

По окончаніи курса въ университетѣ онъ избралъ педагогическую дѣятельность. На 21-мъ году онъ поступилъ домашнимъ учителемъ въ Мангеймѣ, потомъ мы видимъ его школьнымъ учителемъ въ Вормсѣ. Въ 1813 году онъ получилъ мѣсто въ образцовой школѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Здѣсь, занимаясь въ образцовой школѣ, онъ учредилъ для рабочаго класса воскресную школу, въ которой самъ преподавалъ съ большимъ самоотверженіемъ. Если принять во вниманіе, что онъ ежедневно долженъ былъ давать по пяти уроковъ въ образцовой школѣ по два или по три частныя урока, заниматься въ воскресной школѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ работать для своего умственнаго самоусовершенствованія, то станетъ яснымъ, насколько неутомимъ и трудолюбивъ былъ Дистервегъ.

Въ 1818 году онъ переехалъ въ Эльберфельдъ учителемъ латинской школы (т.-е. гимназій). Здѣсь составилъ кружокъ изъ педагоговъ, научныя бесѣды которыхъ имѣли благотворное вліяніе какъ на самого Дистервега, такъ и на другихъ членовъ кружка.

Черезъ два года открылось болѣе широкое поле для педагогической дѣятельности Дистервега: онъ получилъ мѣсто директора учительской семинаріи въ Мерсѣ, Рейнской провинціи. „Сознавая матеріальныя

и нравственныя нужды моего народа и понимая положеніе многихъ учителей, я охотно — писалъ онъ, — сошелъ съ поприща преподавателя въ высшихъ школахъ, чтобы посвятить себя навсегда образованію народа и всему тому, что его прямо касается. Я далъ святое обѣщаніе всѣ силы и средства мои употребить въ пользу народа, его воспитанія и образованія, чтобы со временемъ могъ себѣ сказать: я не напрасно жилъ и трудился“.

Двѣнадцать лѣтъ Дистервегъ неутомимо трудился въ Мёрской семинаріи для образованія начальныхъ учителей. Онъ приобрѣлъ здѣсь всеобщую любовь и уваженіе.

Для расширенія своей педагогической дѣятельности онъ съ 1827 года сталъ издавать педагогическій журналъ „Рейнскіе листы“, который издавался имъ до конца жизни.

Дѣятельность Дистервега была оцѣнена по достоинству тогдашнимъ прусскимъ правительствомъ, державшимся еще либеральнаго направленія. Онъ переведенъ былъ въ 1832 году въ Берлинъ на должность директора учительской семинаріи для подготовленія учителей въ городскія школы. Пятнадцать лѣтъ онъ со славою управлялъ этою семинаріей, выпуская изъ нея лучшихъ учителей для своего отечества. Работалъ онъ въ ней тѣмъ болѣе усердно, что былъ убѣжденъ, что успѣхъ школъ находится въ прямой зависимости отъ личности и дѣятельности учителей. „Если школы въ упадкѣ, говорилъ и писалъ онъ, то виною тому сами учителя; если же онѣ возвышаются, то возвышаются учителями. Только образованные, мыслящіе, съ возвышеннымъ духомъ, съ самостоятельностью сужденія, однимъ словомъ — зрѣлые мужи могутъ быть достойны званія учителя“. Отъ каждаго школьнаго учителя Дистервегъ требовалъ надлежащаго развитія и воспитанія. Учитель не можетъ ни развивать, ни образовывать, ни воспитывать другихъ, если онъ самъ не развитъ, не воспитанъ и не образованъ. Нельзя дать другому того, чего самъ не имѣешь“. „Учитель можетъ дѣйствовать образовательно и воспитательно на другихъ лишь въ той мѣрѣ и въ той степени, насколько онъ самъ причастенъ образованію и воспитанію, — и только до тѣхъ поръ, пока онъ самъ работаетъ надъ своимъ собственнымъ воспитаніемъ и образованіемъ“.

Кромѣ практической дѣятельности въ семинаріи, Дистервегъ усердно занимался литературнымъ трудомъ. Во многихъ своихъ статьяхъ онъ ратовалъ за самостоятельность народной школы; онъ требовалъ для нея собственнаго, правительствомъ назначеннаго, свѣдущаго начальства; доказывалъ необходимость возвысить положеніе и значеніе учителей и т. п. Этими, равно и другими своими мыслями, въ настоящее время признанными вѣрными, онъ нажилъ себѣ много враговъ. Его обвинили въ реформаторскихъ стремленіяхъ и въ 1847 году уволили отъ

должности, съ сохраненіемъ, впрочемъ, содержанія. Никакихъ причинъ увольненія выставлено не было.

Удаленіе отъ практической дѣятельности въ семинаріи было огромнымъ ударомъ для Дистервега. „Какъ я страдалъ отъ лишенія меня дѣятельности въ семинаріи, говорилъ онъ,—могутъ понять только тѣ, которымъ приходилось испытывать нѣчто подобное. Мнѣ казалось, что я какъ бы переживаю собственную смерть. Я старался позабыться въ путешествіи, но напрасно; мнѣ недостаетъ практической дѣятельности. Хотя мнѣ и оставили мой хлѣбъ (т.-е. жалованье), но не о хлѣбѣ единомъ живетъ человекъ. Я слишкомъ привыкъ жить въ кругу молодыхъ, полныхъ стремленій людей; это было моимъ жизненнымъ первымъ и я чувствую, что не могу обойтись безъ него... Я долго думалъ о томъ, что теперь мнѣ дѣлать. Одна литературная дѣятельность не можетъ удовлетворить меня; для меня она имѣетъ значеніе только тогда, когда является въ соединеніи съ дѣятельностью практической. Разъ какъ-то мнѣ пришла въ голову мысль: не приняться ли за какой-либо другой родъ занятій? Чтобы развлечься чтеніемъ, я отправился въ свою бібліотеку. На моемъ столѣ были разложены мои любимые писатели; я сталъ перебирать ихъ, и какъ разъ всѣ сочиненія оказались чисто-педагогическія. Тогда мнѣ опять стало ясно, что я могу быть только учителемъ“.

Со времени выхода въ отставку до самой смерти Дистервегъ не вступалъ въ службу, а оставался лишь при дѣятельности педагогическаго писателя. Стѣсненія и ограниченія народныхъ школъ и особенно учительскихъ семинарій регулативами (законами) 1-го, 2-го и 30-го сентября 1854 года не могли найти сочувствія у Дистервега и у другихъ лучшихъ педагоговъ Германіи. Дистервегъ писалъ противъ регулативовъ. Съ 1859 года дѣйствіе стѣснительныхъ регулативовъ начало ослабляться министерскими циркулярами и въ 1872 году были окончательно отмѣнены стѣснительныя регулативы и изданы новыя „Общія постановленія о народныхъ школахъ, семинарскихъ приготовительныхъ курсахъ и объ учительскихъ семинаріяхъ“. Новый законъ 1) изъялъ народныя училища изъ вѣдѣнія духовенства и подчинилъ ихъ особымъ инспекторамъ; 2) уничтожилъ введенное регулативами механическое приготовленіе учителей въ учительскихъ семинаріяхъ и столь же механическое ученіе на-память въ народныхъ школахъ, и 3) ввелъ правильное образовательное преподаваніе по всѣмъ предметамъ. Значить, то, чего Дистервегъ добивался своими сочиненіями и своею практическою дѣятельностью, хотя и начало осуществляться еще при его жизни, однако вполнѣ осуществилось спустя лишь пять лѣтъ послѣ его смерти.

Не только своими сочиненіями, но также и своими личными качествами Дистервегъ имѣлъ обаятельное вліяніе на другихъ лицъ. Вотъ

как педагог Ланге характеризует его: „Рѣчь Дистервега обыкновенно была отрывиста и сопровождалась оживленной жестикуляціей. Но когда его охватывало жившее въ немъ воодушевленіе къ своему призванію, что случалось, разумѣется, нерѣдко,—его рѣчь всегда производила глубокое и благотворное впечатлѣніе на слушателей. Возбуждающая сила, исходившая изъ этого духовно-неистощимаго человѣка, была безпримѣрна. При немъ ни взрослымъ, ни малолѣтнимъ ученикамъ, ни юношамъ, ни отрокамъ не было никакой возможности оставаться невнимательными; куда бы онъ ни появлялся—вездѣ пробуждалась жизнь и всестороннее умственное движеніе. Вблизи него каждаго даровитаго юношу охватывало чувство высокаго и необычнаго. Не полицейскимъ надзоромъ, не строгой дисциплиной поддерживалъ онъ своихъ учениковъ на добромъ пути. Его душевное благородство возбуждало въ юношахъ подобное же состояніе души и его великія стремленія находили себѣ отголосокъ и въ ихъ сердцахъ: сами юноши большею частью поднимались выше рутинѣ“.

Изъ педагогическихъ трудовъ Дистервега, кромѣ изданія „Рейнскихъ листовъ“, замѣчательны еще: 1) „Педагогическій ежегодникъ“, выходявшій каждый годъ по книгѣ, до самой смерти Дистервега, и состоявшій преимущественно изъ собственныхъ его сочиненій; 2) „Путеводитель для нѣмецкихъ учителей“, въ двухъ томахъ. Въ этотъ сборникъ вошли лучшія сочиненія Дистервега по психологіи, педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ; 3) „Начатки школьнаго обученія“ и нѣсколько учебниковъ по математикѣ и астрономіи.

Намѣтимъ главнѣйшія дидактическія положенія Дистервега, выраженные въ его сочиненіяхъ и преимущественно въ „Путеводителѣ“.

Основнымъ принципомъ обученія Дистервегъ ставитъ „развитіе самодѣятельности въ служеніи истинѣ, добру и прекрасному“.

Развитіе питомца совершается изнутри, путемъ самодѣятельности. Учитель или воспитатель только способствуетъ этому развитію, ставя питомца въ благопріятныя для этого условія. Развить или образовать человѣка, безъ собственнаго его въ томъ участія, безъ его дѣятельности и усилія—невозможно.

Всякое духовное развитіе начинается съ самаго малаго, съ едва замѣтной точки, а потомъ уже восходитъ до наивысшаго или конечнаго предѣла, поставляемаго вообще человѣческому развитію.

Развитіе каждой способности, отъ начальной до конечной точки развитія, совершается безъ скачковъ, безъ пробѣловъ, непрерывно, постепенно.

Сначала слѣдуетъ обратить вниманіе на гармоническое развитіе духовныхъ способностей ученика, а потомъ уже дать ему спеціальное образованіе, сообразно индивидуальнымъ его способностямъ.

При обученіи центромъ долженъ быть поставленъ самъ ученикъ, а учитель, учебные предметы и учебныя пособия должны играть роль служебную, должны являться средствомъ для достиженія главной цѣли— развитія и образованія ученика.

При обученіи нужно собразоваться съ природою учениковъ, для чего необходимо знать какъ психологію вообще, такъ и психическія особенности каждаго ученика.

Какъ обученіе, такъ и воспитаніе нужно вести сообразно съ естественными ступенями или періодами человѣческаго развитія, т.-е. на каждой ступени физическаго и духовнаго развитія ученика нужно предлагать такой матеріалъ и вести такія упражненія, которыя соотвѣтствуютъ данной ступени его развитія.

Обученіе слѣдуетъ начать съ той точки, на которой ученикъ стоитъ, и вести его постоянно впередъ, безъ пропусковъ и основательно. Такъ какъ не у всѣхъ учениковъ одинаковы душевныя силы, то отсюда понятно, что одинъ и тотъ же ходъ обученія не можетъ быть пригоденъ для многихъ учениковъ.

Ничему не нужно учить преждевременно, т. е. пока ученикъ не доразвился до пониманія сообщаемаго ему. Но, съ другой стороны, не нужно и отставать въ обученіи. слѣдуетъ вести дѣло такъ, чтобы ученики, чувствуя всегда себя въ силахъ овладѣть сообщаемымъ имъ, пріобрѣтали вмѣстѣ съ тѣмъ интересъ къ сообщаемому.

Обученіе должно совершаться наглядно. Это основное дидактическое требованіе. Ему удовлетворяетъ обученіе въ такомъ случаѣ, если знанія учениковъ основываются на наглядныхъ воспріятіяхъ, внутреннихъ или внѣшнихъ. Не только на элементарной, но и на дальнѣйшей ступени обученія наглядность служитъ необходимымъ условіемъ ясности и прочности усвоенія знаній. Само собою разумѣется, что характеръ наглядности съ расширеніемъ кругозора учениковъ измѣняется. На высшей ступени обученія представленія, образовавшіяся раньше путемъ непосредственнаго созерданія предметовъ, могутъ служить нагляднымъ матеріаломъ для составленія новыхъ, высшихъ представленій и понятій.

При обученіи нужно переходить а) отъ близкаго (болѣе доступнаго) къ дальнему (менѣе доступному), б) отъ простаго къ сложному, в) отъ извѣстнаго къ неизвѣстному и г) отъ частнаго (конкретнаго) къ общему (абстрактному).

Форма обученія должна собразоваться со степенью развитія учениковъ и съ характеромъ учебнаго предмета. Вообще же не слѣдуетъ прибѣгать только къ одной какой-нибудь формѣ обученія, съ полнымъ исключеніемъ другой. Впрочемъ, при элементарномъ обученіи должна занимать преобладающее мѣсто эвристическая форма обученія, какъ болѣе способствующая развитію учениковъ.

При обученіи нужно преслѣдовать какъ формальную цѣль, т.-е. развитіе душевныхъ силъ учениковъ, такъ и матеріальную цѣль, т.-е. обогащеніе ихъ знаніями. Формальная цѣль въ общеобразовательныхъ школахъ и преимущественно въ младшихъ классахъ ихъ должна стоять на первомъ мѣстѣ.

Обученіе должно способствовать развитію не одной какой-нибудь душевной силы учениковъ, а по возможности гармоническому развитію всѣхъ силъ ихъ. Всестороннее развитіе учениковъ составляетъ цѣль обученія.

Обученіе должно быть прочно, такъ чтобы ученики не забывали того, что ими усвоено. Повтореніе раньше усвоеннаго и связываніе съ нимъ вновь усваиваемаго должны способствовать къ прочному закрѣпленію въ сознаніи учениковъ знаній.

Основные положенія учебнаго предмета должны быть твердо и основательно усваиваемы учениками, такъ какъ на нихъ строятся и къ нимъ примыкаютъ послѣдующія знанія.

Содержаніе учебнаго предмета слѣдуетъ располагать сообразно естественнымъ ступенямъ развитія учениковъ. При элементарномъ обученіи должна имѣть мѣсто не научная, а педагогическая система расположенія учебнаго матеріала. Концентрическое расположеніе учебнаго матеріала, при чемъ ученики сначала усваиваютъ самыя существенныя, самыя главныя части предмета и къ нимъ послѣдовательно прибавляютъ менѣе главные, второстепенные отдѣлы, считается наиболѣе цѣлесообразнымъ при элементарномъ обученіи.

Содержаніе учебнаго предмета, сообщаемое ученикамъ, должно стоять на уровень съ современнымъ состояніемъ науки. Гипотетическія, непочно установленныя въ наукѣ свѣдѣнія не должны имѣть мѣста при обученіи дѣтей.

Однородные предметы при обученіи должны находиться въ связи между собою и взаимно способствовать болѣе основательному и прочному усвоенію ихъ.

При обученіи необходимо заинтересовать учениковъ предметомъ обученія и тѣмъ возбудить въ нихъ охоту къ изученію его. Оживленность и увлеченіе самого учителя служатъ лучшимъ средствомъ къ возбужденію въ ученикахъ охоты къ ученію.

Необходимо при обученіи требовать, чтобы ученики умѣли хорошо выразить усвоенное ими. Только то можно считать надлежащимъ образомъ усвоеннымъ ученикомъ, что онъ выражаетъ точно, ясно и съ надлежащей интонаціей.

~~Гербартъ. Бенке. Шмидтъ.~~

Современная Педагогика строить свои положенія на психологическихъ и антропологическихъ данныхъ. Изъ лицъ, посвятившихъ себя

изученію психологическихъ и антропологическихъ законовъ, съ цѣлью построенія на нихъ науки Педагогика, въ Германіи особенно замѣчательны: Гербартъ, Бенке и Шмидтъ.

Педагоги эти при изученіи психическихъ явленій пользовались методомъ самонаблюденія или внутренняго опыта и посредствомъ его, индуктивнымъ путемъ, выводили психическіе законы.

Иоаннъ Гербартъ (отъ 1776 до 1841 г.) составилъ слѣдующія педагогическія сочиненія: „Всеобщая педагогика, выведенная изъ цѣли воспитанія“, „Письма о примѣненіи психологіи къ педагогикѣ“ и „О воспитаніи“.

Проявленія душевной жизни составляли главный предметъ его изысканій. „Побудительной причиной для этихъ трудныхъ изысканій, говоритъ онъ, служило мое убѣжденіе, что значительная часть чрезвычайныхъ пробѣловъ въ нашемъ педагогическомъ знаніи зависитъ отъ недостатковъ психологіи; мы должны усвоить себѣ эту науку и тогда будемъ въ состояніи болѣе точно опредѣлить, что вѣрно и что ошибочно дѣлается въ каждомъ отдѣльномъ урокѣ. Только благодаря истинному психологическому знанію, Педагогика, какъ наука, достигаетъ извѣстной степени совершенства. Педагогическія требованія и наставленія, лишь вытекающія изъ психологическихъ основаній, имѣютъ свою разумность и цѣлесообразность“.

Всю воспитательную дѣятельность Гербартъ раздѣляетъ на *а) управленіе*, *б) обученіе* и *в) дисциплину*.

Управленіе состоитъ въ обуздываніи своевольства и въ регулированіи поступковъ ребенка. Мѣрами для этого служатъ: подборъ занятій для питомца, надзоръ за нимъ, приказанія и запрещенія, угрозы и наказанія. Послѣднія, гдѣ возможно, лучше замѣнять авторитетомъ и любовью воспитателя.

Обученіе состоитъ въ систематическомъ возбужденіи и образованіи представленій, какъ элементовъ душевной жизни. Образовывая и систематизируя въ душѣ питомца представленія, обученіе тѣмъ самымъ способствуетъ развитію въ немъ высшихъ и многостороннихъ интересовъ и вліяетъ на образованіе въ немъ вкуса и направленіе его воли. Оно, такимъ образомъ, имѣетъ, да и должно имѣть воспитательный характеръ.

Дисциплина имѣетъ своею прямою цѣлью выработать въ питомцѣ надлежащій характеръ и воспитать его чувство. Она, такимъ образомъ, отличается отъ управленія тѣмъ, что имѣетъ въ виду будущее поведеніе питомца, между тѣмъ какъ управленіе регулируетъ его поведеніе въ данное время.

Гербартъ не оставался только педагогическимъ писателемъ, напротивъ, будучи директоромъ Кенигсбергскаго учительскаго института, онъ примѣнялъ свои педагогическія идеи на практикѣ.

Фридрих Бенеке (отъ 1798 до 1854 г.) былъ профессоромъ въ Берлинскомъ университетѣ. Изъ сочиненій его замѣчательнѣйшія: „Психологія, какъ естественная наука“ и „Теорія воспитанія“.

Бенеке признаетъ, что первоначальное развитіе душевныхъ силъ совершается не иначе, какъ чрезъ впечатлѣнія извнѣ, называемыя возбужденіями.

Различіе въ развитіи людей, по его мнѣнію, происходитъ отъ двухъ причинъ: во-1-хъ, отъ различія по крѣпости и воспримчивости ихъ внѣшнихъ чувствъ и, во-2-хъ, отъ неодинаковости возбужденій.

Такъ какъ развитіе души исходитъ отъ слѣдовъ, образовавшихся отъ впечатлѣній, то поэтому Бенеке требуетъ, чтобы воспитатели не пренебрегали даже первоначальными впечатлѣніями на дѣтскую душу. „Предохраняйте слабыя силы отъ всякаго поврежденія слишкомъ сильнымъ впечатлѣніемъ; заботьтесь о богатствѣ, разнообразіи, живости и свѣжести первоначальныхъ воспріятій. Не предлагайте дѣтямъ ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало впечатлѣній, не отрывайте ихъ то и дѣло отъ одного предмета къ другому, потому что такимъ образомъ вы имъ мѣшаете разглядѣть и постичь предметы надлежащимъ образомъ“.

„Понятія образуются изъ отдѣльныхъ представленій, а потому необходимо заботиться, чтобы накопилось по возможности больше первоначальныхъ представленій...“ „Дайте сперва сложиться первичнымъ представленіямъ и не переходите съ дѣтьми преждевременно къ отвлеченному. Чѣмъ ранѣе начнется отвлеченная разработка представленій, тѣмъ менѣе накапливается матеріала, тѣмъ скорѣе порѣшаются съ нимъ и въ такомъ случаѣ дальнѣйшее развитіе губится. Пусть дѣти остаются дѣтьми“.

Формальное развитіе человѣка, по мысли Бенеке, находится въ связи съ приобретаемыми представленіями. Заучиваніе, напр., латинскихъ вокабулъ не укрѣпляетъ память вообще, а лишь въ извѣстномъ направленіи, именно относительно вокабулъ; обученіе математикѣ усиливаетъ способность созерцанія и соображенія математическихъ отношеній, но нисколько не помогаетъ развитію въ пониманіи лингвистическихъ, жизненныхъ и другихъ отношеній.

„Между формальнымъ и матеріальнымъ образованіемъ, говоритъ Бенеке, собственно нѣтъ никакой разницы. Не существуетъ ни чисто формальнаго, ни чисто матеріальнаго образованія; всякій, оставляемый какимъ бы то ни было образованіемъ слѣдъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сила“.

Раздѣленіе предметовъ на реальные и идеальные Бенеке считаетъ тоже неосновательнымъ. „Идеальное въ свою очередь также реально, но только въ иной области. Идеальные учебные предметы, подобно реальнымъ, образуютъ возрѣніе на извѣстную часть дѣйствительности“.

Обученіе, по мнѣнію Бенеке, отличается отъ воспитанія тѣмъ, что первое имѣетъ дѣло почти исключительно съ представленіями и умѣніями, а второе имѣетъ своей задачей образованіе чувства и характера; однако, обѣ эти стороны педагогической дѣятельности должны постоянно пополнять и проникать одна другую.

Относительно воспитанія собственно характера, Бенеке, между прочимъ, говоритъ: „Мы въ состояніи заложить крѣпкую волю лишь въ той мѣрѣ, въ какой успѣемъ избавить душу отъ вредныхъ и мрачныхъ вліяній“. „Образованію крѣпкой воли болѣе всего вредятъ смутныя представленія или ожиданія: отъ нихъ-то и слѣдуетъ предохранять дитя“... „Необходимо также съ самаго начала устранять всякія слишкомъ сильныя, пылкія желанія, удовлетворяя въ то же время каждой естественной потребности въ дѣтяхъ. Но болѣе всего воспитатель да сохранить душу дитяти отъ зависти, ревности и тому подобныхъ душевныхъ настроеній, возникающихъ уже въ младенцахъ, вслѣдствіе безтолковыхъ похвалъ, подарковъ и тому подобныхъ отличій, оказываемыхъ его сверстникамъ“.

„Если дѣтей занимаютъ соразмѣрно съ ихъ силами, если избѣгаютъ всякихъ бесполезныхъ приказаній и запрещеній, если предупреждаютъ возникновеніе желаній, которымъ нельзя удовлетворить, если въ то же время изгоняютъ всякаго рода потворство, баловство и изнѣженность, то никакое упрямство не можетъ образоваться въ нихъ“.

Для нравственнаго воспитанія питомца Бенеке считаетъ очень важнымъ содѣйствовать развитію въ немъ высшихъ настроеній и подчинять надлежащей дисциплинѣ низшія его настроенія.

Карлъ Шмидтъ (отъ 1819 до 1864 г.) былъ директоромъ учительской семинаріи и членомъ Училищнаго Совѣта въ Готѣ. Онъ приобрѣлъ заслуженную извѣстность своими педагогическими сочиненіями: „Исторія Педагогика“, въ 4-хъ томахъ, „Книга о воспитаніи“, „Гимназическая педагогика“, „Антропология“ и др.

Педагогика, по его мнѣнію, должна основываться не только на психологіи, но вообще на всей антропологіи. Выходя изъ этой мысли, онъ разсматриваетъ человѣка въ его физической и психической организаціи и такимъ образомъ дѣлаетъ свои педагогическіе выводы.

Хотя всѣ люди принадлежатъ къ одному роду, однако каждый человѣкъ отличается своими индивидуальными особенностями. „Подобно тому, какъ буквы алфавита могутъ сочетаться въ громадное количество словъ, точно также и духовныя способности, вслѣдствіе различной ихъ величины, вступаютъ между собою въ громадное количество отношеній и составляютъ такимъ образомъ множество индивидуальностей“.

„Такъ какъ способности у людей находятся въ различныхъ отношеніяхъ между собою, то поэтому можетъ случиться, что одаренный

великимъ умомъ для однихъ дѣйствій, можетъ оказаться слабоумнымъ для другой дѣятельности; онъ, напр., можетъ обладать большими дарованіями для научныхъ занятій и малою сообразительностью въ своихъ практическихъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Воспитатель да не осудитъ окончательно своего воспитанника за то, что послѣдній слабъ въ одномъ изъ учебныхъ предметовъ. Иному языки даются легко, а математика—туго, другому—наоборотъ“.

„Подобно тому, какъ не для всякаго желудка пригодно одно и то же количество пищи, такъ точно и не всѣмъ натурамъ пригодны и полезны одни и тѣ же правила, не всякой памяти—одинъ и тотъ же матеріаль, не всякой способности—одинаковое количество предметовъ, не всякому уму—одинаковый трудъ, не всякой особи—одно и то же ученіе“.

„Какъ садовникъ обрѣзываетъ не всѣ деревья одинаковымъ образомъ и въ одно и то же время, и не отъ всѣхъ ожидаетъ плода въ одинъ и тотъ же срокъ, точно такъ и воспитатель не можетъ безъ насилія ожидать отъ всѣхъ воспитанниковъ одинаковаго развитія силъ въ одинъ и тотъ же срокъ и требовать отъ нихъ одинаковыхъ успѣховъ. Не всякій изъ учениковъ въ умственномъ отношеніи отвѣчаетъ именно той ступени, на которой по возрасту онъ долженъ бы находиться. Разные умы проходятъ свои жизненные стадіи въ разные сроки: для одного отрочество заканчивается уже на 12-ти, а для другого только на 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ“.

Въ своемъ сочиненіи „Гимназическая педагогика“ Шмидтъ очень основательно излагаетъ значеніе каждаго учебнаго предмета гимназическаго курса и дѣлаетъ методическія указанія относительно обученія этимъ предметамъ.

Кромѣ того, въ этомъ сочиненіи онъ говоритъ о внѣшнемъ устройствѣ гимназіи, о воспитательномъ значеніи обученія, и т. п.

Гимназія, по его словамъ, не должна ограничиваться доставленіемъ своимъ питомцамъ умственнаго образованія: она должна, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать имъ и хорошее воспитаніе.

Надлежащее, сообразное съ природою учениковъ обученіе уже дѣйствуетъ воспитательно на нихъ, пріучая ихъ сосредоточиваться на предметѣ, укрѣпляя ихъ волю, вырабатывая въ нихъ послушаніе, самообладаніе и т. п. добрыя качества.

Но, несмотря на это, наставники должны еще и непосредственно дѣйствовать на волю и чувства питомцевъ. Каждая изъ духовныхъ силъ должна имѣть собственную пищу: вѣра можетъ быть возбуждена только вѣрою, а не знаніемъ и пониманіемъ того, во что должно вѣровать; любовь не можетъ возникнуть только изъ пониманія сущности любви и свойствъ достойнаго любви предмета: нравственные поступки

возбуждаются, питаются и укрѣпляются только нравственными поступками и хорошимъ примѣромъ.

Основаніемъ училищному воспитанію служить воспитаніе домашнее. Только тогда можно ожидать успѣха въ воспитаніи, когда между домомъ и школою существуетъ согласіе, т.-е. когда домашній образъ жизни не противорѣчитъ требованіямъ и законамъ училища. Между родителями воспитанниковъ и училищемъ необходимо поддержать сколь возможно тѣсную связь.

Каждая школа, чтобы имѣть благотворное вліяніе на питомцевъ, непременно должна удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) Въ ней во всѣхъ отношеніяхъ долженъ быть соблюдаемъ строгій порядокъ. 2) Школьные правила должны быть кратки и немногочисленны, но строго исполняемы. Никакое нарушеніе установленнаго правила не должно оставаться безслѣдно. 3) Похвалы и награды должны быть раздаваемы съ величайшею справедливостію, такъ чтобы онѣ возбуждали въ награждаемыхъ радость, а не высокомеріе и тщеславіе, а въ товарищахъ награждаемыхъ—желаніе подражать имъ, но не зависть и неудовольствіе. 4) Наказанія не должны дѣйствовать вредно въ какомъ бы то ни было отношеніи на питомца. Они должны имѣть единственную цѣль—исправленіе его. Выговоры должны быть кратки и совершенно чужды оскорбительныхъ намековъ и насмѣшекъ. 5) Между учителями школы должно господствовать совершенное единодушіе и согласіе. Каково бы ни было между ними различіе во взглядахъ на жизнь и свѣтъ,—ихъ воспитательные взгляды и цѣли должны быть согласны между собою. При этомъ только условіи школа можетъ достигнуть хорошихъ результатовъ. 6) Въ преподаваніи должно быть побольше единства, для чего полезно поручать одному и тому же лицу преподаваніе въ классѣ нѣсколькихъ предметовъ. Каждый классъ долженъ имѣть своего наставника—учителя, который имѣлъ бы ближайшій надзоръ за своими воспитанниками и по возможности объединялъ бы дѣло обученія и воспитанія ихъ. 7) Молодому, только-что начинающему учителю должно поручать преподаваніе не въ низшихъ, а въ среднихъ классахъ: для низшихъ требуется уже опытный, знающій свое дѣло педагогъ. 8) Нужно всѣми мѣрами поддерживать въ школѣ добрый духъ. Такой духъ поддерживается главнымъ образомъ учителями. 9) Нужно тщательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и осторожно искоренять замѣченные въ питомцѣ недостатки, дабы, искореняя ихъ, не вызвать въ немъ другіе недостатки или не подавить въ немъ добрыхъ качества. Очень важно, для исправленія недостатковъ въ питомцѣ, знать происхожденіе ихъ, какъ важно доктору знать происхожденіе болѣзни для излѣченія ея.

Каждый наставникъ въ своей воспитательной дѣятельности долженъ руководиться слѣдующими правилами: а) не считать никакого недо-

статка въ питомцѣ ничтожнымъ и не заслуживающимъ вниманія; б) немедленно употребить цѣлесообразныя средства къ излѣченію замѣченной нравственной болѣзни питомца; в) при исправленіи его нужно удалить все, что влечетъ его къ порочному дѣйствию; г) не слѣдуетъ оцѣнивать порочность ребенка мѣрою взрослого человѣка; д) нужно возбудить въ питомцѣ рѣшимость исправиться отъ недостатковъ,—внушить ему мужество и вѣру въ свои собственные силы и доставить ему средство къ исправленію; е) при исправленіи питомца отъ недостатковъ нужно непременно сообразоваться съ его индивидуальными особенностями; ж) не слѣдуетъ при исправленіи воспитанника пренебрегать помощью товарищей его: нерѣдко товарищи скорѣе исправятъ его, чѣмъ самъ наставникъ; з) нужно обходиться съ питомцемъ откровенно, прямодушно и съ любовью, оказывая вѣру въ его добрыя начала и надежду на его исправленіе, и) не слѣдуетъ надѣлать воспитаннику своимъ надзоромъ: непрерывный и неусыпный надзоръ можетъ сдѣлать изъ него хитраго и дурного человѣка. Водить воспитанника безпрестанно на помочахъ—вредно, такъ какъ рано или поздно придется ихъ оставить, и тогда, вдругъ почувствовавъ себя на свободѣ, безъ руководителя, онъ непременно будетъ спотыкаться и падать; к) отношеніе воспитателя къ малолѣтнему должно отличаться отъ отношенія его къ взрослому ученику. На послѣдняго можно дѣйствовать силою убѣжденія; первый же не всегда понимаетъ предлагаемыя ему отвлеченныя наставленія и видитъ для себя главный авторитетъ въ приказаніяхъ наставника; л) при неповиновеніи питомца можно прибѣгнуть къ наказанію. Говоря о тѣлесномъ наказаніи, Шмидтъ повторяетъ слова Квинтиліана: „никогда не должно забывать, что розга уничтожаетъ стыдъ въ ребенкѣ, а потому въ дѣлѣ воспитанія ничто не требуетъ такой осторожности, какъ приложеніе этого наказанія“. Вообще же онъ совѣтуетъ всегда помнить слова Франке: „мягкосердіемъ и дружескою рѣчью можно сдѣлать и съ ребенкомъ, и съ отроками, и съ юношею гораздо болѣе, нежели самымъ строгимъ наказаніемъ“.

Белль и Ланкастеръ.

Въ то время, когда въ Германіи разрабатывались и примѣнялись идеи Песталоцци, въ Англіи развилась и затѣмъ перешла въ другія государства Европы и даже въ другія части свѣта такъ называемая система „взаимнаго обученія“.

Къ помощи старшихъ учениковъ при обученіи дѣтей, какъ видѣли, прибѣгали еще индусы и римляне; Троцендорфъ въ своей школѣ поручалъ старшимъ ученикамъ обучать младшихъ; Песталоцци въ своемъ институтѣ въ Станцѣ прибѣгалъ при обученіи малознающихъ учениковъ

къ помощи учениковъ болѣе знающихъ. Но въ наибольшей мѣрѣ работали идею взаимнаго обученія и примѣнили ее на практикѣ англичане Белль и Ланкастеръ.

Недостатокъ учителей вмѣстѣ съ созрѣвшимъ въ англійскомъ обществѣ сознаниемъ о необходимости распространенія грамотности въ средѣ низшаго класса народонаселенія служили главною причиною быстрого распространенія съ Англiей системы обученія Белля и Ланкастера.

Андрей Белль родился въ 1752 году въ Шотландiи. Будучи начальникомъ военно-сиротской школы близъ Мадраса (въ англійскихъ владѣнiяхъ), онъ увидѣлъ, какъ малабарскiе мальчики учились писать, чертя буквы палочкою на песокъ, при чемъ они помогали другъ другу. Онъ хотѣлъ ввести этотъ приемъ въ своей школѣ, но его помощники нашли это неудобнымъ. Тогда онъ выбралъ одного изъ старшихъ учениковъ школы и поручилъ ему обучать своихъ младшихъ товарищей. Обученiе шло успѣшно, что и навело его на мысль поручить старшимъ ученикамъ обучать младшихъ. Онъ раздѣлилъ всѣхъ учениковъ на небольшiя группы и каждую группу поручилъ для обученія одному изъ болѣе знающихъ учениковъ (мониторовъ). Эти послѣднiя, въ свою очередь, обучались у старшихъ, болѣе знающихъ своихъ товарищей, и т. д. Съ 1795 года мадрасская школа не имѣла другихъ учителей, кромѣ старшихъ учениковъ, — мониторовъ, обучаемыхъ самимъ Беллемъ.

Возвратившись въ 1796 году въ Англiю, Белль получилъ предложенiе устроить по своей системѣ школу въ Лондонѣ. Въ Англiи въ это время составилось „Национальное общество“, съ цѣлью распространенія образованiя, въ духѣ господствующей церкви, въ низшемъ классѣ народонаселенiя. Общество это считало систему обученiя Белля наиболее успѣшною и цѣлесообразною и распространило ее по всей Англiи, Шотландiи и Ирландiи. Въ 1817 году уже болѣе тысячи школъ находилось въ вѣдѣнiи „Общества“ и слишкомъ 200,000 дѣтей обоого пола обучались по системѣ Белля.)

Одновременно съ Беллемъ попалъ на систему взаимнаго обученiя квакеръ *Ланкастеръ*. Онъ родился въ 1778 году и на двадцатомъ году своей жизни (1798 г.) основалъ въ Лондонѣ школу, въ которой за самую малую плату обучалъ дѣтей чтенiю, письму и счету. Школа его начала расти. Не имѣя возможности, по причинѣ ограниченнхъ своихъ средствъ, пригласить въ свою школу учителей, онъ прибѣгъ къ помощи мониторовъ, избиравшихся изъ среды самихъ учениковъ, и, такимъ образомъ, получилъ возможность обучать въ школѣ болѣе 1000 дѣтей. Школа приобрѣла сочувствiе общества, такъ какъ обученiе въ ней шло успѣшно.

Будучи глубоко убѣжденъ въ производительности мониторинной системы обученiя, Ланкастеръ старался ознакомить англiйское общество

съ этой системой. Въ 1814 году составилось „Британское и иностранное школьное общество“, имѣвшее своею цѣлью распространіе школъ по системѣ Ланкастера. Самъ Ланкастеръ переѣхалъ въ Америку и распространилъ тамъ школы взаимнаго обученія.

Школы, построенныя по системѣ Белля, по своей сущности похожи на школы, построенныя по системѣ Ланкастера; отличие только въ томъ, что въ первыхъ, предназначенныхъ для дѣтей, принадлежавшихъ къ господствующей въ государствѣ церкви, положено было проходить катехизисъ и толковать Библию въ духѣ этой церкви; во вторыхъ же принято было только чтеніе Библии, такъ что дѣти, принадлежавшія къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, могли обучаться въ нихъ.

По системѣ обученія Белля и Ланкастера ученики школы раздѣляются на классы или отдѣленія, поручаемыя старшимъ ученикамъ (мониторамъ). Одному и тому же монитору поручаются мальчики, изучающіе одно и то же. Такъ, напр., мальчики, изучающіе сложеніе, поручаются одному монитору, изучающіе вычитаніе—другому, а изучающіе умноженіе—третьему, и т. д. Число мальчиковъ, поручаемыхъ монитору, обыкновенно не превышаетъ десяти. Всѣ они во время занятій помѣщаются въ одномъ мѣстѣ, „полукругомъ противъ монитора“, какъ выражается Белль. Мониторы не только обучаютъ порученныхъ имъ дѣтей, но и наблюдаютъ за ихъ опрятностью и поведеніемъ. Кромѣ обязанности мониторовъ въ школь бывають и другія обязанности, поручаемыя тоже ученикамъ: одинъ ведетъ классный журналъ и отмѣчаетъ отсутствующихъ учениковъ, другой раздаетъ ученикамъ доски и другія учебныя пособія, и т. п. Учитель, подобно начальнику фабрики, только наблюдаетъ за строгимъ исполненіемъ установленнаго порядка, раздаетъ работу мониторамъ и получаетъ отъ нихъ отчетъ. Онъ самъ обучаетъ только старшихъ учениковъ-мониторовъ.

Поборники Белль-Ланкастерской системы обученія выставляли слѣдующія ея преимущества: 1) она даетъ возможность при одномъ учителѣ вести обученіе очень многихъ дѣтей; 2) даетъ возможность ученикамъ, обучающимъ другихъ, укрѣплять свои знанія; 3) даетъ возможность посредствомъ раздѣленія учениковъ на группы, сообразно съ ихъ познаніями, приравнивать обученіе къ степени подготовки ихъ; 4) возбуждаетъ въ ученикахъ любовь къ товарищамъ и порождаетъ въ нихъ сознаніе, что они нуждаются другъ въ другѣ,—развиваетъ въ нихъ духъ общенія и охоту къ общепользующей дѣятельности, такъ какъ они приучаются сознавать, что существуютъ не только ради самихъ себя, но также и ради другихъ, ради цѣлаго, къ которому принадлежать.

Белль-Ланкастерская система быстро распространилась во всей Европѣ и даже въ другихъ частяхъ свѣта.

Но скоро были замѣчены недостатки этой системы, а именно: она слишкомъ механизируетъ обученіе и лишаетъ его образовательной силы

и, кромѣ того, лишаетъ учениковъ непосредственнаго благотворнаго вліянія учителя; а потому стали оставлять эту систему обученія, какъ только явилась возможность имѣть необходимыхъ для школъ учителей.

Ж а к о т о .

Изъ французскихъ педагогическихъ дѣятелей первой половины XIX-го столѣтія скажемъ о Жакото, имѣвшемъ нѣкоторое вліяніе на обученіе въ Европѣ.

Жакото родился въ Дижонѣ въ 1770 году. 19-ти лѣтъ онъ сдѣлался профессоромъ Дижонской коллегіи. Затѣмъ служилъ нѣкоторое время въ военной службѣ, послѣ чего снова принялся за педагогическую дѣятельность: былъ послѣдовательно начальникомъ школы въ Дижонѣ, лекторомъ французскаго языка въ Лувенскомъ университетѣ, директоромъ военной школы въ Бельгіи, гдѣ съ успѣхомъ примѣнялъ свой методъ обученія. Въ 1840 году онъ умеръ въ Парижѣ.

Отъ него остались слѣдующія сочиненія: „Всеобщее обученіе“, „Отечественный языкъ“, „Иностранные языки“ и друг.

Свой методъ обученія онъ развилъ главнымъ образомъ въ сочиненіи „Всеобщее обученіе“.

Методъ его вытекаетъ изъ двухъ главныхъ положеній:

- 1) *Всѣ люди имѣютъ одинаковыя умственные способности;*
- 2) *Все заключается во всемъ.*

Первымъ положеніемъ Жакото говорить, что у всѣхъ людей духъ одинаковаго свойства, но выраженіе его дѣятельности бываетъ различно, смотря по тѣлесной организаціи, по волѣ человѣка и внѣшнимъ условіямъ, въ которыхъ онъ живетъ. „Мы всѣ обладаемъ надлежащею умственною способностью, но иногда у насъ недостаетъ воли: ученикъ не въ правѣ сказать, что онъ не можетъ; пускай онъ сознается, что ему лѣнь, и мы согласимся съ нимъ“.

Второе положеніе требуетъ, чтобы при обученіи каждому предмету въ памяти ученика сначала была запечатлѣна извѣстная основа, къ которой сводилось бы все остальное объ этомъ предметѣ. Заложенную основу слѣдуетъ то и дѣло повторять и снова разсматривать, чтобы она была усвоена во всѣхъ отношеніяхъ. Все вновь изучаемое слѣдуетъ сравнивать съ тѣмъ, что прежде изучено, и тогда окажется, что старое содержится въ новомъ, а новое въ старомъ.

Жакото придаетъ очень большое значеніе развитію памяти. „Главное дѣло въ томъ, чтобы постояннымъ повтореніемъ упражнять *память* учениковъ“. Постоянное укрѣпленіе памяти учениковъ, пока она не достигнетъ непогрѣшимой твердости и вѣрности, — вотъ первое условіе цѣлесообразнаго обученія.

Обученіе чтенію по методу Жакото совершается такъ: учитель беретъ предложеніе и читаетъ его вслухъ, указывая на каждое читаемое слово. Ученикъ повторяетъ взятое предложеніе и заучиваетъ его наизусть. Онъ сперва подь-рядъ, а потомъ въ разбивку взадъ и впередъ, указываетъ на все, что произносится. Затѣмъ прочитывается предложеніе по слогамъ. Ученикъ повторяетъ и замѣчаетъ слоги. Онъ отличаетъ одинаковые слоги. Идя далѣе, онъ замѣчаетъ буквы и знакомится съ ними. Упражненіе продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ безошибочно не указываетъ всѣ слова, слоги и буквы предложенія. Когда одно предложеніе такимъ образомъ изучено, переходятъ къ чтенію подобнымъ же образомъ другого предложенія. Здѣсь ученикъ встрѣчаетъ уже знакомые ему слоги и буквы и ознакамливается съ новыми буквами.

Въ параллель съ чтеніемъ идетъ обученіе письму. Когда первое предложеніе разложено на буквы, заставляютъ ученика писать ихъ; затѣмъ заставляютъ писать слоги, слова и предложенія. Ученики приучаются одновременно и къ каллиграфіи, и къ орфографіи.

Когда ученикъ научился читать, его заставляли выучивать наизусть главы изъ „Телемака“. Главы эти служили для грамматическихъ и стилистическихъ упражненій въ отечественномъ языкѣ.

При обученіи иностранному языку, напр., латинскому, Жакото выходилъ тоже изъ текста съ его переводомъ. Изучая текстъ, ученикъ подмѣчалъ особенности грамматики изучаемаго языка и усваивалъ ихъ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССИИ.

Исторія образованія въ Россіи представляетъ два главные періода: I—отъ введенія христіанства и письменности до Петра Великаго и II—отъ Петра В. до нашего времени.

I. ОТЪ ВВЕДЕНІЯ ХРИСТІАНСТВА И ПИСЬМЕННОСТИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Періодъ этотъ раздѣляется на три части: а) до монгольскаго ига, б) періодъ монгольскаго владычества и в) періодъ преобладанія южно-русской учености и господства схоластики.

а) Отъ введенія христіанства и письменности до монгольскаго ига.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ въ Россіи введена была письменность, такъ какъ безъ книгъ церковныхъ нельзя было совершать богослуженіе. Письменность и церковныя книги внесены были къ намъ отъ родственныхъ намъ по языку Болгарь.

Первыя книги, внесенныя къ намъ изъ Болгаріи, были священное писаніе и вообще книги, нужныя при богослуженіи.

Съ введеніемъ христіанства стали появляться въ Россіи школы, имѣвшія цѣлью готовить свѣдущихъ служителей церкви и наставлять русскихъ въ догматахъ христіанской вѣры. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что Св. Владиміръ собиралъ дѣтей и отдавалъ ихъ на „ученье книгамъ“. Про Ярослава Мудраго лѣтописецъ повѣствуетъ, что при немъ начались у насъ монастыри съ училищами и что онъ самъ любилъ книги, прилежно читалъ ихъ и покровительствовалъ книжному ученію.

Первыми представителями православной церкви были у насъ Греки. Они въ своемъ отечествѣ имѣли школы, которыя и приняты были ими за образецъ при устройствѣ школъ въ Кіевѣ, Новгородѣ и другихъ городахъ, гдѣ насаждалось христіанство.

Предметами обученія въ древне-русскихъ школахъ были: чтеніе, пѣніе, письмо и устный и письменный счетъ.

Обученіе чтенію производилось преимущественно по Псалтырю, который нерѣдко заучивался наизусть. Псалтырь читали на-распѣвъ, въ одиночку и хоромъ. Чтенію по Псалтырю предшествовало ученіе по „азбуковнику“.

Пѣнію обучали церковному.

Письмо составляло предметъ долгихъ упражненій, такъ какъ писаніе *уставомъ* и *полууставомъ* со всеми строчными и надстрочными буквами было трудно. Списываніе книгъ въ древности было очень важнымъ дѣломъ, такъ какъ служило единственнымъ средствомъ распространенія ихъ. Переписать книгу считалось подвигомъ. Такъ какъ чтеніе и письмо служили преимущественно религіознымъ цѣлямъ, то поэтому къ занятію ими относились съ благоговѣніемъ. Книги предписывалось содержать въ сохранности. Ученики, уходя домой, не должны были оставлять указку въ книгѣ или бросать книги, а должны были отдавать ихъ старостѣ или старшему, обязанностью котораго было прибирать книги на мѣсто.

Отношеніе учителей къ ученикамъ въ древней Руси было отеческое и дисциплина въ школахъ была мягкая. Объ отношеніи учителей къ ученикамъ и о дисциплинѣ въ древнихъ школахъ можно судить изъ наставленій митрополита Михаила учителямъ. Онъ наставляетъ ихъ „основательно и стройно учить дѣтей книжному разуму; воспитывать же—въ духѣ заповѣдей Божіихъ, въ благонавіи, правдѣ и любви, не яростию, а снисходительно и кротко“.

Званіе учителя въ древней Руси было почетное, что обусловливалось взглядомъ на грамотность и школы.

Съ учрежденіемъ монастырей въ древней Руси, образованіе начало сосредоточиваться преимущественно въ нихъ. При монастыряхъ учреж-

дались школы; въ нихъ же находили себѣ убѣжище лица, желавшія посвятить себя умственному труду, и изъ нихъ раздавались поученія и наставленія къ народу.

Не только въ школахъ и монастыряхъ, но иногда и въ частныхъ домахъ занимались ученіемъ, о чемъ можно заключить изъ того, что нѣкоторые лица дошли до значительной степени образованія единственно благодаря занятію науками въ своихъ домахъ.

Такимъ образомъ, до нашествія Монголовъ образованіе въ Россіи сдѣлало замѣтные успѣхи и, будучи основано на религіозныхъ началахъ, шло естественнымъ, здоровымъ путемъ.

б) Періодъ монгольскаго ига.

Сдѣланные Россіей до XIII-го вѣка успѣхи въ образованіи были подавлены нашествіемъ Монголовъ. Иго монгольское слишкомъ на два столѣтія задержало движеніе образованія въ Россіи. Находясь подъ гнетомъ Татаръ, Русскіе не могли думать о распространеніи образованія въ странѣ. Бѣольшая часть школъ, появившихся до монгольскаго ига, была закрыта, такъ что если у кого и являлось желаніе выучиться грамотѣ, то негдѣ было. Отсюда происходило, что не только простой народъ, но и многіе бояре и даже князья были неграмотны. Трудно было найти грамотное лицо для замѣщенія священническаго мѣста. Грамотность ютилась еще только въ монастыряхъ. Народъ грубѣлъ и терялъ нравственное чувство.

Но Русь, перенесши первые тяжкіе удары Татаръ, стала мало-помалу крѣпнуть и освобождаться отъ татарскаго ига. Вмѣстѣ съ тѣмъ созрѣвало и сознаніе необходимости поднять образованіе въ государствѣ. Свергнувъ татарское иго, Русь снова обратила вниманіе на образованіе. Уже царь Иванъ Васильевичъ велѣлъ на „Стоглавомъ соборѣ“, чтобы при церквахъ устраивались школы для обученія и воспитанія дѣтей и чтобы на должность священниковъ и діаконовъ ставили только грамотныхъ.

в) Періодъ вліянія южно-русской учености и господства схоластики.

Въ то время какъ восточная Русь коснѣла подъ гнетомъ Татаръ и затѣмъ напрягала свои усилія къ уничтоженію этого гнета, юго-западная Русь, вошедши въ составъ Литовскаго княжества, благодаря близости къ Польшѣ и западной Европѣ, подвигалась впередъ въ своемъ образованіи.

Борьба за вѣру и національность служила сильнымъ стимуломъ къ распространенію образованія въ юго-западной Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ

опредѣляла характеръ этого образованія. Когда Литва присоединилась къ Польшѣ, въ юго-западной Руси появились іезуиты, которые посредствомъ воспитанія юношества и другими мѣрами старались подавить въ краѣ русскую народность и подчинить православныхъ главенству римскаго папы. Съ послѣднею цѣлью введена была религіозная унія.

Русское духовенство и вельможи старались противодѣйствовать такимъ проявленіямъ іезуитовъ. Они образовали при церквахъ въ Вильнѣ, Кіевѣ и Брестѣ и въ другихъ городахъ братства, имѣвшія своею цѣлью оказывать помощь нуждающимся и защищать православіе отъ вліянія католицизма.

Братства стали учреждать училища для образованія надежныхъ защитниковъ вѣры. Училища эти устраивались по образцу іезуитскихъ школъ. Въ нихъ обучали: греческому, славянскому, русскому, латинскому и польскому языкамъ, грамматикѣ, реторикѣ, пиитикѣ, діалектикѣ, богословію и др. предметамъ. Обученіе въ школахъ было чисто схоластическое. Для развитія въ ученикахъ умѣнья отстаивать православіе отъ нападковъ католиковъ, устраивались *диспуты*. Предлагалось какое-нибудь положеніе. Одни изъ учениковъ должны были защищать его, а другіе—опровергать. Диспутами обыкновенно руководилъ ректоръ школы.

Кромѣ того, по образцу іезуитскихъ школъ, учениковъ упражняли въ писаніи стихотвореній. Стихи писались силлабическимъ стихосложеніемъ. Далѣе, ученики братскихъ школъ разыгрывали мистеріи (духовныя драмы).

Изъ всѣхъ братскихъ училищъ особенно прославилась „Школа эллино-славянскаго и латино-польскаго письма“ въ Кіевѣ при Бого-явленской церкви. Митрополитъ юго-западной Руси, Петръ Могила, далъ этой школѣ такое же устройство, какое имѣли высшія іезуитскія collegiи. Для образованія наставниковъ для школы онъ послалъ нѣсколько молодыхъ людей въ европейскіе университеты. Кіевская школа, послѣ преобразования ея Петромъ Могилой, стала называться Кіево-Могилянскою Академіей, а съ 1701 года просто Кіевскою Академіей.

Кіевскіе ученые начали переѣзжать въ Москву и оказывать вліяніе на учреждаемыя здѣсь школы. Конечно, ихъ вліяніе сначала было очень слабо и только послѣдовательно усиливалось. Къ тому же, московское духовенство и бояре очень часто съ недовѣріемъ относились къ кіевскимъ ученымъ и мѣшали ихъ дѣятельности.

Изъ школъ, устроенныхъ въ Москвѣ, слѣдуетъ назвать „Греко-латинскую школу“, при Чудовомъ монастырѣ, устроенную въ 1633 г. патріархомъ Филаретомъ, съ цѣлью противодѣйствовать появившимся ересямъ. Вслѣдъ за этой школой появляются и другія училища. Такъ бояринъ Ртищевъ завелъ училище при Андреевскомъ монастырѣ. Въ

1679 году было основано училище въ Законоспасекомъ монастырѣ. Съ 1700 года училище это было названо Славяно-латинскою Академіей, а съ 1775 года стало называться Славяно-греко-латинской Академіей. Уставъ для этой Академіи былъ написанъ Симеономъ Полоцкимъ, по образцу Кіевской Академіи. Съ введеніемъ новаго устава, въ Московской Академіи водворились всѣ порядки Академіи Кіевской. Московская Академія играла значительную роль въ дѣлѣ просвѣщенія восточной Россіи.

II. ОТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Для изложенія хода образованія въ Россіи въ періодъ отъ Петра В. до настоящаго времени, мы укажемъ, по возможности кратко, что сдѣлано для образованія въ каждое изъ царствованій этого періода.

Петръ В. (1689 до 1725 г.).—Еще задолго до Петра В. многіе русскіе сознавали, что Западная Европа по образованію стоитъ выше Россіи. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., Борисъ Годуновъ, даже посылали въ Европу молодыхъ людей для образованія. Но никто не прибѣгалъ къ такимъ энергичнымъ мѣрамъ для водворенія въ Россіи европейскаго образованія, къ какимъ прибѣгалъ Петръ В. послѣ своего знаменитаго путешествія по Европѣ.

Для своей преобразовательной дѣятельности Петръ В. нуждался въ лицахъ, способныхъ исполнять въ государствѣ обязанности, вызванныя его преобразованіями. Сообразно съ этимъ, онъ учреждалъ училища, которыя готовили бы людей къ той или другой специальной дѣятельности. Такъ, для подготовленія лицъ къ морской службѣ онъ учредилъ морское училище; для образованія инженеровъ онъ учредилъ инженерное училище, и т. д.

Но Петръ В. сознавалъ, что, кромѣ специальныхъ училищъ, необходимо имѣть еще и такія школы, въ которыхъ каждый могъ бы научиться грамотѣ и счету. Вслѣдствіе этого онъ велѣлъ учреждать по городамъ такъ называемыя *цыфирныя школы*. Для образованія же лицъ духовнаго званія онъ велѣлъ учреждать при патриаршихъ дворахъ такъ называемыя *патріаршія школы*.

Видя, что многіе неохотно отдають своихъ дѣтей въ школы, Петръ В. издавалъ принудительные указы. Такъ, однимъ указомъ онъ запретилъ дворянамъ, не научившимся грамотѣ, жениться. Другимъ указомъ онъ велѣлъ брать въ солдаты тѣхъ лицъ духовнаго званія, которыя ничему не учились.

Кромѣ учрежденія школъ, Петръ В. посылалъ молодыхъ людей учиться за-границу. Послѣ ихъ возвращенія, онъ самъ получалъ отъ

нихъ отчетъ въ ихъ занятіяхъ. Далѣе, онъ велѣлъ переводить съ иностранныхъ языковъ тѣ сочиненія, которыя казались ему полезными для русскихъ.

Зная какое значеніе имѣютъ въ образованныхъ государствахъ газеты и журналы, онъ велѣлъ издавать первую русскую газету „Петербургскія Вѣдомости“. Находя начертаніе употреблявшихся до него славянскихъ буквъ слишкомъ сложнымъ и труднымъ для написанія, онъ составилъ болѣе простой по начертанію гражданскій шрифтъ и повелѣлъ печатать имъ всѣ свѣтскія книги; для духовныхъ же книгъ онъ оставилъ славянскій шрифтъ.

Кромѣ перечисленныхъ мѣръ, непосредственно касающихся образованія народа, Петръ В. всѣми своими преобразовательными мѣрами способствовалъ къ поднятію русскаго государства и къ введенію его въ семью европейскихъ государствъ.

Въ концѣ своей жизни Петръ В. рѣшился основать Академію, члены которой разрабатывали бы науку, обучали молодыхъ людей наукамъ и приготавливали изъ нихъ учителей. Онъ уже составилъ уставъ Академіи, нашелъ средства для обезпеченія ея и вызвалъ изъ Европы нѣкоторыхъ ученыхъ. Предначертанная Петромъ В. Академія была открыта уже послѣ смерти его.

Въ слѣдующія непосредственно послѣ Петра В. царствованія, до восшествія на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны, не много было сдѣлано для поднятія образованія въ Россіи, а потому перейдемъ прямо къ царствованію Елизаветы.

Елизавета Петровна (отъ 1741 до 1761 г.) продолжала начатое Петромъ В. дѣло поднятія образованія въ Россіи. Главными помощниками ея въ этомъ дѣлѣ были Ив. Ив. Шуваловъ и Ломоносовъ. При ней былъ открытъ первый въ Россіи университетъ въ Москвѣ (въ 1755 г.). Университетъ этотъ долженъ былъ давать высшее образованіе молодымъ людямъ и такимъ образомъ подготавливать ихъ къ занятію учительскихъ должностей въ училищахъ. Спустя два года послѣ открытія Московскаго университета, были открыты Академія художествъ (въ Петербургѣ) и первый русскій театръ (въ Петербургѣ, а нѣсколько спустя и въ Москвѣ).

Екатерина II (отъ 1762 до 1796 г.), знакомясь съ движеніемъ образованія на Западѣ, особенно въ Пруссіи и Австріи, не могла относиться равнодушно къ образованію въ своемъ государствѣ. Она ясно сознавала, какое важное значеніе имѣетъ образованіе народа какъ для процвѣтанія всего государства, такъ и для счастья каждаго гражданина. Въ своемъ знаменитомъ „Наказѣ“ она писала: „Хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространялось между людьми. Хотите ли обогатить народъ, дать

ему благосостояніе, улучшить его трудъ? Устройте повсюду школы, дайте народу образованіе. Въ числѣ естественныхъ богатствъ надлежитъ считать просвѣщенный умъ жителей. Хотите ли обезпечить будущность дитяти? Не оставляйте ему имѣній, но дайте ему здоровое, правильное воспитаніе. Здоровое и правильное воспитаніе и доброе образованіе—вотъ основы, на которыя опирается развитіе государства“.

Руководясь такимъ убѣжденіемъ, она заботилась о народномъ образованіи, при чемъ обратила вниманіе не столько на образованіе высшихъ сословій, которыя къ этому времени уже достаточно освоились съ мыслью о необходимости образованія, сколько на образованіе низшихъ сословій, продолжавшихъ кочнѣть въ невѣжествѣ.

Указомъ 1775 г. Императрица возложила на обязанность Приказовъ общественнаго призрѣнія открывать повсемѣстно школы. Но Приказы не могли исполнять этого велѣдствіе недостатка учителей, денегъ и педагогическихъ знаній. Императрица образовала Комиссію, которой поручила: 1) составить учебныя книги, 2) сочинить планъ народныхъ училищъ и уставъ ихъ, 3) завести школы по всей имперіи и 4) приготовить способныхъ учителей. Въ помощь Комиссіи былъ вызванъ изъ Австріи сербъ Янковичъ де-Миріево, ознакомившійся на практикѣ съ планомъ обученія Фельбигера и хорошо знавшій русскій языкъ. Ему поручено было составить учебный планъ для народныхъ училищъ, что онъ и исполнялъ, положивъ въ основаніе его организацію школъ, предложенную Фельбигеромъ для Австріи.

Въ 1786 году былъ Высочайше утвержденъ „Уставъ народныхъ училищъ“, выработанный Комиссіей при участіи Янковича. По этому уставу народныя училища раздѣлялись на два рода: *Главные*, состоявшія изъ 4-хъ классовъ, и *Малыя*,—изъ двухъ классовъ. Первыя положено было открыть въ губернскихъ, а вторыя—въ уѣздныхъ городахъ. Какъ тѣ, такъ и другія училища должны были находиться въ ближайшемъ вѣдѣніи Приказовъ общественнаго призрѣнія; высшая же правительственная власть по училищамъ сосредоточивалась въ Комиссіи народныхъ училищъ. Но Приказы мало заботились объ училищахъ, особенно о *Малыхъ*, заботу о которыхъ они свалили на городскія Думы, въ которыхъ тогда засѣдали лица малограмотныя и малосочувствовавшія народному образованію. Думы при всякомъ удобномъ случаѣ дѣлали представленія о закрытіи школъ, на что Комиссія обыкновенно не давала согласія.

Для подготовленія учителей въ Главныя народныя училища была открыта въ Петербургѣ, еще до изданія „Устава объ училищахъ“, учительская семинарія, подготовившая въ свое время значительное число учителей.

Учебники для употребленія въ *Большихъ* и *Малыхъ* училищахъ были составлены большею частью членами Комиссіи, по образцу луч-

шихъ австрійскихъ учебниковъ. Нѣкоторые учебники были просто переведены съ нѣмецкаго языка. Почти каждый учебникъ былъ снабженъ „введеніемъ“, въ которомъ излагались методическія указанія относительно обученія по этому учебнику. Кромѣ того, для руководства учителямъ были переведены дидактическія наставленія Фельбигера.

Задавшись мыслью создать посредствомъ воспитанія и образованія „новую“ породу людей, чуждую предразсудковъ и недостатковъ родителей, Екатерина II учреждала закрытыя воспитательныя заведенія. Усерднымъ сотрудникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ Ив. Ив. Бецкій, составившій планы „воспитанія въ Россіи обоего пола благороднаго и мѣщанскаго юношества“. По плану Бецкаго было основано въ 1764 году въ Петербургѣ, при Смольномъ монастырѣ, первое Воспитательное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ, а въ слѣдующемъ году основано такое же заведеніе для дѣвицъ изъ городского сословія. Въ 1774 году былъ открытъ въ Москвѣ Воспитательный домъ; нѣсколько раньше былъ открытъ такой же домъ въ Петербургѣ. Въ 1762 году основаны Инженерный и Артиллерійскій кадетскіе корпуса. Въ 1766 году учрежденъ Сухопутный кадетскій корпусъ. Въ 1772 году были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ коммерческія училища—для образованія мѣщанскихъ дѣтей. Кромѣ того, въ 1779 г. было учреждено при Московскомъ университетѣ дворянское воспитательное училище, подъ названіемъ Вольнаго благороднаго пансіона.

Изъ ученыхъ учреждений, основанныхъ Имп. Екатериной II, заслуживаетъ вниманія „Россійская Академія“, цѣлью которой положено— „очищеніе и обогащеніе русскаго языка, установленіе правилъ грамматики, краснорѣчія и стихотворства“.

Мѣры, предпринятыя Екатериной В. къ распространенію образованія въ государствѣ, а равно покровительство ею наукамъ и искусствамъ, способствовали умственной и особенно поэтической дѣятельности талантливѣйшихъ людей, что и выразилось значительнымъ усиленіемъ литературной дѣятельности.

Павелъ I въ свое непродолжительное царствованіе (1796—1801) издалъ слѣдующія узаконенія, касающіяся образованія: запретивъ отправлять юношей для образованія за границу, гдѣ они иногда заражались ложными идеями, онъ разрѣшилъ дворянамъ Прибалтійскаго края устроить университетъ въ Дерптѣ. Для высшаго духовнаго образованія онъ учредилъ въ Петербургѣ Духовную Академію. Императрица Марія Ѳеодоровна горячо приняла къ сердцу образованіе женщинъ и, сдѣлавшись покровительницей всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній, основала въ Петербургѣ два института: Маріинскій и Екатерининскій.

Императоръ Александръ I (отъ 1801 до 1825 г.) при востшествіи на престолъ возвѣстилъ, что намѣренъ править народомъ „по законамъ

и сердцу бабки своей Екатерины В. “. Дѣйствительно, онъ прежде всего обратилъ вниманіе на народное просвѣщеніе. Въ 1802 году вышелъ манифестъ объ учрежденіи Министерства Народнаго Просвѣщенія вза-мѣнъ существовавшей до того Комиссіи народныхъ училищъ. Первымъ министромъ былъ назначенъ Завадовскій, бывшій предсѣдателемъ Комиссіи. Въ помощь министру было учреждено Главное Правленіе училищъ.

Одновременно съ учрежденіемъ Министерства приступлено было къ составленію новыхъ положеній объ училищахъ, и въ 1803 году Государь Императоръ утвердилъ „Предварительныя правила народнаго просвѣщенія“. По этимъ правиламъ вся Россія раздѣлена была на шесть учебныхъ округовъ: Московскій, Виленскій, Дерптскій, Петербургскій, Харьковскій и Казанскій. Въ каждомъ округѣ рѣшено было учредить учебныя заведенія четырехъ степеней: 1) училища приходскія, 2) уѣздныя, 3) губернскія или гимназіи и 4) университеты. Приходскія училища—въ церковныхъ приходахъ; уѣздныя училища—въ каждомъ уѣздномъ городѣ, подъ управленіемъ смотрителей уѣздныхъ училищъ; губернскія училища или гимназіи, преобразованныя изъ Главныхъ народныхъ училищъ,—въ каждомъ губернскомъ городѣ, подъ управленіемъ губернскаго директора училищъ; университеты — по одному въ каждомъ учебномъ округѣ. Училища низшаго разряда должны были готовить къ поступленію въ училища высшаго разряда: приходскія училища готовили къ поступленію въ уѣздныя, уѣздныя—въ гимназіи, а гимназіи—въ университеты. Общее завѣдываніе учебною частью каждаго округа возложено было на университетъ. Ближайшее же завѣдываніе училищами въ губерніи возложено было на директора гимназіи, а завѣдываніе училищами въ уѣздахъ—на смотрителей уѣздныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ Министерства Нар. Просв. и изданіемъ „Предварительныхъ правилъ“ организація учебнаго дѣла въ государствѣ получила болѣе единства и учебныя заведенія отошли отъ управленія Приказовъ общественнаго призрѣнія.

Въ 1804 году, взаменъ „Предварительныхъ правилъ“, обнародованъ былъ „Уставъ учебныхъ заведеній“, въ которомъ изложено объ университетскомъ управленіи училищами, о дѣлахъ училищъ всѣхъ степеней, о планахъ ученія, объ обязанностяхъ учителей, директоровъ, смотрителей, о поведеніи учениковъ, объ экзаменахъ, каникулахъ, о правахъ служащихъ и о частныхъ школахъ.

Учебный курсъ училищъ, особенно уѣздныхъ и гимназій, отличался многопредметностью. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что съ 1811 года преподаваніе древнихъ классическихъ языковъ признано однимъ изъ главныхъ способовъ гимназическаго образованія и обращено особенное вниманіе на изученіе отечественнаго языка.

Новый уставъ, поручая управленіе учебною частью округа университета, тѣмъ самымъ предрѣшилъ открытіе новыхъ университетовъ. Кромѣ существовавшихъ уже двухъ университетовъ (Московского и Дерптскаго), при Александрѣ I были открыты еще: Въ Вильнѣ (въ 1803 г.), въ Казани (въ 1804 г.), въ Харьковѣ (въ 1804 г.) и въ Петербургѣ (въ 1819 г.). Послѣдній былъ преобразованъ изъ Педагогическаго Института для подготовленія учителей въ гимназіи, существовавшего съ 1804 года.

Кромѣ университетовъ, къ концу царствованія Александра I-го были въ Россіи еще слѣдующія высшія учебныя заведенія: Петербургское высшее училище, Царскосельскій лицей, Ярославскій Демидовскій лицей, Нѣжинское высшее училище Кн. Безбородко, Таганрогское коммерческое училище и Одесскій Ришлевскій лицей.

Для побужденія родителей посылать своихъ дѣтей для обученія въ правительственныя учебныя заведенія, Императоромъ Александромъ I былъ изданъ указъ, которымъ повелѣвалось не производить въ чинъ коллежскаго асессора лицъ, не имѣющихъ свидѣтельства объ успѣшно выдержанномъ въ университетѣ экзаменѣ, и въ чинъ статскаго совѣтника—лицъ, не выдержавшихъ довольно обстоятельнаго экзамена изъ полного гимназическаго курса, съ дополнительными основательными свѣдѣніями изъ русской литературы, статистики, законодательства, хотя бы лица эти прослужили узаконенное число лѣтъ и имѣли отличія по службѣ.—Указъ этотъ впоследствии былъ отмѣненъ.

Императоръ Николай I (отъ 1825 до 1855 г.) вскорѣ послѣ вступленія на престолъ ясно высказалъ свой взглядъ на недостатки современнаго образованія и воспитанія въ двухъ манифестахъ и въ рескриптѣ Министру народнаго просвѣщенія.

Въ одномъ изъ манифестовъ сказано: „да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума—болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей... порывъ къ мечтательной крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ—погибель“. Въ другомъ манифестѣ сказано, что „правительство создало необходимымъ преобразовать народное воспитаніе на *началахъ народности*“. Въ рескриптѣ на имя Министра народн. проsv. высказано, что училищамъ имперіи недостаетъ „должнаго и необходимаго единообразія, на коемъ должно быть основано какъ воспитаніе, такъ и ученіе“.

Для приданія учебнымъ заведеніямъ бѣльшаго однообразія и устроенія школъ на началахъ народности, составлена была Комиссія, которой предписано: 1) сличить уставы всѣхъ учебныхъ заведеній имперіи, начиная съ приходскихъ и до университетовъ; 2) рассмотреть и сли-

чить курсы ученія и учебныя книги; 3) уравнивать совершенно по всеѣмъ мѣстамъ имперіи все уставы учебныхъ заведеній; 4) опредѣлить на будущее время курсы ученія подробно; 5) организовать обученіе, отыскать профессоровъ и учителей и „воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій, по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ“.

Въ 1828 году былъ обнародованъ новый уставъ учебныхъ заведеній, составленный Комиссіей. Изъ постановленій Комиссіи обращаетъ на себя вниманіе:

1) ограниченіе открытія частныхъ школъ требованіемъ удостовѣрительныхъ свидѣтельствъ. Это ограниченіе начало проявляться еще задолго до изданія Устава 1828 года, именно сейчасъ же послѣ войны 1812 года, когда замѣчено было, что многіе иностранцы открываютъ въ Россіи школы единственно ради матеріальныхъ выгодъ и мало обращаютъ вниманія на надлежащее умственное и нравственное вліяніе на питомцевъ и даже оказываютъ вредное на нихъ вліяніе;

2) раздѣленіе училищъ на ихъ виды (сельскія, городскія—уѣздныя и гимназіи), сообразно раздѣленію народа на сословія;

3) Значительное вліяніе на народныя училища предоставлено духовенству.

Комиссія кромѣ разработки вопросовъ, касающихся организаціи школъ, занялась также разсмотрѣніемъ существующихъ учебныхъ пособій и изданіемъ новыхъ, пригодныхъ для школъ учебниковъ.

Между многими узаконеніями, касающимися народнаго образованія, изданными въ царствованіе Императора Николая I, заслуживаетъ вниманія указъ 1831 года, запрещающій воспитывать внѣ предѣловъ Россіи молодыхъ людей отъ 10 до 18-ти-лѣтняго возраста. Въ указѣ выставляется, во-первыхъ, достаточное количество существующихъ уже въ Россіи учебныхъ заведеній, а во-вторыхъ, указываются примѣры вредныхъ послѣдствій отъ чужеземнаго воспитанія: молодые люди возвращаются въ Россію часто съ самыми ложными о ней понятіями; не зная ея истинныхъ потребностей, законовъ, порядка, а нерѣдко и языка, они являются чуждыми посреди всего отечественнаго.

Для доставленія возможности иногороднымъ родителямъ давать приличное помѣщеніе своимъ дѣтямъ, обучающимся въ гимназіяхъ, положено было учреждать при нихъ пансіоны. Кромѣ того, признано было цѣлесообразнымъ учрежденіе въ нѣкоторыхъ городахъ дворянскихъ институтовъ, при чемъ нѣкоторыя гимназіи были преобразованы въ институты.

Такъ какъ было найдено стѣснительнымъ для университетовъ завѣдываніе учебнымъ дѣломъ въ округѣ, то поѣтому они были освобождены отъ этой обязанности. Управление округомъ во всеѣхъ частяхъ сосредоточилось въ рукахъ попечителя, которому въ помощь данъ помощникъ и Совѣтъ.

Въ 1846 году, при министрѣ Уваровѣ, былъ изданъ указъ объ экзаменахъ и отѣткахъ. На основаніи этого указа степень успѣшности учениковъ положено означать цифрами: 1—показываетъ слабые, 2—посредственные, 3—достаточные, 4—хорошіе и 5—отличные успѣхи. Для составленія вопросовъ при экзаменѣ предписано было программу каждаго учебнаго предмета раздѣлять на билеты. Испытанія въ училищахъ всѣхъ родовъ положено производить преподавателями въ присутствіи ассистентовъ.

Въ то же время, когда Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія заботилось объ устройствѣ своихъ школъ, Министръ Финансовъ, Канкринъ, глубоко убѣжденный въ большомъ значеніи для государства техническихъ знаній, взялъ на себя заботу о распространеніи этихъ знаній въ Россіи. По его ходатайству, въ 1825 году была открыта земледѣльческая школа. Въ 1836 году Канкринъ сообщилъ Министру народнаго просвѣщенія, что состоялось Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ въ городахъ, за исключеніемъ университетскихъ, реальныхъ школъ, а при университетахъ—публичныхъ лекцій техническихъ наукъ.

Вслѣдствіе возбужденнаго стремленія къ изученію естественныхъ наукъ, гимназій съ 1849 года получили такое устройство: до четвертаго класса былъ общій курсъ, а съ четвертаго раздѣлялся на два отдѣленія: реальное и классическое. Какъ особенность гимназическаго курса, слѣдуетъ замѣтить еще, что въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ введено было преподаваніе законовѣдѣнія.

Въ заключеніе очерка хода образованія въ царствованіе Императора Николая I-го слѣдуетъ замѣтить, что въ это царствованіе было обращено особенное вниманіе на военно-учебныя заведенія; были открыты: Военная Академія, нѣсколько кадетскихъ корпусовъ и др. военныхъ школъ.

Съ восшествіемъ на престолъ *Императора Александра II* (отъ 1855 до 1881 г.) замѣтно начинается развиваться народное образованіе въ Россіи. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (19 февр. 1861 г.) вызвало новыя мѣры къ просвѣщенію народа. По Высочайшему повелѣнію составленъ былъ Комитетъ для разработки плана устройства народныхъ училищъ. Комитетъ дѣятельно принялся за работу. Результатомъ этой работы былъ „проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ“, выполненіе котораго отложено было до тѣхъ поръ, пока окончательно не установятся положенія о сельскихъ сословіяхъ.

Въ основу „проекта общаго плана“ легло: 1) признаніе необходимости образованія для всѣхъ и 2) признаніе болѣе цѣлесообразнымъ для распространенія образованія примѣненіе поощрительныхъ, а не принудительныхъ мѣръ.

Для управленія дѣлами училищъ постановлено было учредить въ каждомъ уѣздѣ—уѣздный, а въ каждой губерніи—губернскій училищные совѣты, которые обязаны: а) имѣть точныя свѣдѣнія о всѣхъ начальныхъ училищахъ уѣзда и губерніи, б) обозрѣвать училища, в) заботиться объ открытіи новыхъ школъ и объ улучшеніи существующихъ.

По „плану“ предоставленъ какъ обществу, такъ и частнымъ лицамъ большой просторъ въ учрежденіи училищъ. Для открытія школы частнымъ лицомъ или обществомъ требуется только согласіе Училищнаго Совѣта. Положенія „проекта общаго плана“ были пополняемы, измѣняемы, въ частностяхъ, но основа ихъ оставалась одна и та же.

Наконецъ, въ 1875 году были обнародованы инструкціи для двухклассныхъ и одноклассныхъ сельскихъ училищъ. Училища эти состоятъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ инспекторовъ и директоровъ народныхъ училищъ. Лица, могущія оказать школъ нравственную или матеріальную поддержку, избираются въ званіе почетныхъ блюстителей. Въ одноклассныхъ училищахъ полагается, кромѣ законоучителя, еще одинъ учитель, а въ двухклассныхъ—два. Для успѣшно-окончившихъ одноклассное или двухклассное училище срокъ обязательной военной службы сокращается.

Для подготовленія учителей въ начальныя школы стали учреждаться учительскія семинаріи. Въ концѣ царствованія Императора Александра II-го было уже до 80 семинарій.

Для подготовленія учениковъ въ учительскія семинаріи положено было способнѣйшихъ учениковъ двухклассныхъ училищъ оставлять въ школахъ. по окончаніи ими курса ученія, до наступленія возраста, нужнаго для поступленія въ семинарію. Во время пребыванія ихъ въ школъ они должны были не только заниматься сами повтореніемъ, но и помогать учителю, за что имъ полагалось жалованье отъ 3 до 5 р. въ мѣсяць. Впослѣдствіи, вмѣсто этой мѣры, стали устраивать при семинаріяхъ приготовительные классы.

До подготовленія учительскими семинаріями достаточнаго числа начальныхъ учителей разрѣшено было учреждать при уѣздныхъ училищахъ педагогическіе курсы, съ цѣлью готовить въ нихъ начальныхъ учителей.

Для расширенія педагогическихъ знаній лицъ, занимающихъ уже учительскія должности, разрѣшено было устраивать „учительскіе съѣзды“ и „временные педагогическіе курсы“, на которыхъ положено сообщать этимъ лицамъ педагогическія свѣдѣнія и показывать имъ лучшіе приемы обученія.

Кромѣ начальныхъ сельскихъ школъ, въ 1874 году положено было открыть при духовныхъ семинаріяхъ воскресныя школы, для какой цѣли Министерство Нар. Просв. опредѣлило 11,900 руб.

Въ царствованіе Императора Александра II-го получили свое начало городскія училища. Положеніе объ этихъ училищахъ было Высочайше утверждено въ 1874 году. По этому положенію рѣшено было преобразовывать, по мѣрѣ возможности, существующія уѣздныя училища въ городскія училища. Полный курсъ ученія въ городскихъ училищахъ—шестигодичный. Они раздѣляются на четырехклассныя, трехклассныя и двухклассныя. Штатныхъ учителей полагается въ училищѣ, кромѣ законоучителя, столько, сколько въ немъ классовъ. Каждому учителю поручается преподавать въ классѣ всѣ предметы, кромѣ закона Божія, пѣнія и гимнастики. Завѣдывающіе училищами, законоучители и учителя состоятъ въ государственной службѣ и пользуются пенсіей за выслугу лѣтъ. Городскія училища, подобно сельскимъ, состоятъ въ вѣдѣніи инспекторовъ и директоровъ народн. училищъ.

Для подготовленія учителей въ городскія училища законоположеніемъ 1872 года рѣшено было учредить въ каждомъ округѣ учительскій институтъ. Для поднятія же образованія бывшихъ учителей уѣздныхъ училищъ, пожелавшихъ продолжать службу въ городскомъ училищѣ, рѣшено было устроить для нихъ дополнительные курсы при учительскихъ институтахъ.

Въ средне-учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ въ царствованіе Александра II произошла коренная реформа. Принципъ Цесталлоцци, что общее образованіе должно предшествовать специальному и что послѣднее должно строиться на первомъ, сталъ дѣлаться убѣжденіемъ передовыхъ людей въ Россіи. Принципъ этотъ особенно удачно разъясненъ Пироговымъ въ статьѣ „Вопросы жизни“, эпиграфомъ для которой служатъ слова: „Къ чему вы готовите своего сына? кто-то спросилъ меня.—Быть человѣкомъ, отвѣчалъ я“.

Вслѣдствіе означеннаго убѣжденія, приступлено было къ преобразованію различныхъ специальныхъ училищъ.

Подготовительные классы институтовъ: Горнаго, Лѣснаго и Путей сообщенія—закрыты, а специальные ихъ классы преобразованы въ соответственныя высшія учебныя заведенія, для поступленія въ которыя требуется окончаніе гимназическаго курса.

Подготовительные же (общіе) классы кадетскихъ корпусовъ преобразованы въ гимназіи съ реальнымъ *общеобразовательнымъ* курсомъ. Изъ специальныхъ классовъ корпусовъ, отдѣленныхъ отъ военныхъ гимназій, составлены четыре двухклассныя военныя училища.

Для подготовленія преподавателей въ военныя гимназіи были учреждены Педагогическіе курсы военного вѣдомства (въ 1865 году). На курсы эти были принимаемы только лица, окончившія успѣшно курсъ университета или другого равнаго ему учебнаго заведенія. Кандидаты-педагоги получали стипендію и, живя въ домѣ, принадлежащемъ

вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, обставлены были всѣмъ нужнымъ для серьезныхъ умственныхъ занятій. Каждый кандидатъ получалъ, подъ руководствомъ членовъ педагогической конференціи, теоретическую и практическую подготовку къ преподаванію одного изъ учебныхъ предметовъ, положенныхъ къ прохожденію въ военныхъ гимназіяхъ. Для практическихъ занятій кандидатовъ служила 2-ая Петербургская военная гимназія. Когда военныя гимназіи, переименованныя (въ 1882 г.) въ кадетскіе корпуса, съ общеобразовательнымъ курсомъ, перестали чувствовать нужду въ преподавателяхъ, Педагогическіе курсы военного вѣдомства были упразднены (въ 1883 г.). Впослѣдствіи снова были открыты, при нѣсколькой иной уже организаціи.

Одновременно съ преобразованиемъ подготовительныхъ (общихъ) классовъ бывшихъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи, Главное Управление военно-учебныхъ заведеній занялось преобразованиемъ училищъ военного вѣдомства, приготовлявшихъ военныхъ писарей, инженерныхъ кондукторовъ, топографовъ и литографовъ, — въ четырехклассныя начальныя училища, съ элементарнымъ общеобразовательнымъ курсомъ. Училища эти потомъ переименованы въ военныя прогимназіи, прямая цѣль которыхъ — готовить молодыхъ людей въ юнкерскія училища.

Для подготовленія учителей въ военныя прогимназіи въ Москвѣ была учреждена учительская семинарія военного вѣдомства, впослѣдствіи упраздненная, вслѣдствіе преобразованія или закрытія военныхъ прогимназій.

Средне-учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія (гимназіи), въ свою очередь, были тоже преобразованы. Послѣ измѣненія нѣсколькихъ проектовъ устава, они получили Высочайше утвержденный въ 1864 году „Уставъ гимназій и прогимназій“. По этому уставу цѣлью гимназій положено: „доставлять воспитывающемуся въ нихъ юношеству *общее образованіе* и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить приготовительными заведеніями для поступленія въ университетъ и другія высшія спеціальныя училища“. „По различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, и по различію цѣлей гимназическаго обученія гимназіи раздѣлялись на *классическія* и *реальныя*“.

Преподаваніе латинскаго языка должно было быть введено немедленно во всѣхъ классическихъ гимназіяхъ, а греческаго — постепенно, по мѣрѣ приготовленія учителей этого предмета.

Въ 1866 году назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой. Въ 1867 году высказано было рѣшеніе министерства — строго проводить классицизмъ.

Новыя гимназіи потребовали подготовленныхъ учителей. Главный Педагогическій институтъ *), доставлявшій преподавателей въ средне-

*) Открытый вновь въ 1828 году на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онъ существовалъ до преобразованія въ университетъ.

учебныя заведенія Мин. Нар. Просв., былъ закрытъ еще въ 1859 году. Не долго просуществовали и педагогическіе курсы, учрежденныя при университетахъ. По представленію Министерства Народнаго Просвѣщенія былъ открытъ Историко-филологическій институтъ въ Петербургѣ. Основой учебнаго курса въ этомъ институтѣ должны служить древніе языки и древне-классическія литературы. Онъ подготовляетъ учителей древнихъ языковъ, русской словесности, исторіи и географіи для гимназій. Такую же задачу имѣеть и Историко-филологическій институтъ Князя Безбородко въ Нѣжинѣ, преобразованный (въ 1875 г.) изъ Лицея Кн. Безбородко. Кромѣ того, для подготовленія учителей древнихъ языковъ служитъ Русская филологическая семинарія (Русскій филологическій институтъ) при Лейпцигскомъ университетѣ.

Въ 1871 году былъ изданъ новый уставъ гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія. По этому уставу названіе гимназій присвоено только классическимъ общеобразовательнымъ заведеніямъ. Курсъ въ гимназіяхъ положенъ восьмилѣтній. При гимназіяхъ разрѣшено открыть приготовительный классъ.

Въ 1872 году былъ изданъ уставъ общеобразовательныхъ заведеній съ реальнымъ курсомъ. Заведенія эти названы „реальными училищами“. Цѣль реальныхъ училищъ въ уставѣ выражена такъ: „реальные училища имѣють цѣлью доставлять учащемуся въ нихъ юношеству *общее образованіе*, приспособленное къ приобрѣтенію техническихъ знаній“. Первые четыре класса реальныхъ училищъ, имѣють общеобразовательный курсъ; съ пятого же класса курсъ получаетъ спеціальныи характеръ, при чемъ дѣлится на отдѣлы.

Кромѣ реальныхъ училищъ стали учреждаться въ послѣднее время техническія училища.

Въ управленіе министерствомъ гр. Толстымъ было обращено вниманіе на установленіе опредѣленныхъ программъ преподаванія учебныхъ предметовъ въ различнаго рода учебныхъ заведеніяхъ. Еще въ 1867 году были вытребованы отъ попечителей округовъ программы, по которымъ ведется преподаваніе, для объединенія ихъ. Съ изданіемъ послѣднихъ уставовъ гимназій и реальныхъ училищъ были изданы и подробныя программы преподаванія въ этихъ заведеніяхъ. Впослѣдствіи программы эти были исправляемы, согласно указанію опыта.

Въ царствованіе Императора Александра II-го значительно поднялось образованіе женщинъ въ Россіи. Съ 1858 года, по представленію Принца Ольденбургскаго, стали учреждаться, подъ особымъ покровительствомъ Императрицы Маріи Александровны, сначала въ Петербургѣ, потомъ въ Москвѣ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ,

среднія общеобразовательныя женскія училища для приходящихъ ученицъ, переименованныя въ 1862 году въ *женскія гимназіи*. Кромѣ того, съ 1870 года начали учреждаться женскія гимназіи на счетъ обществъ, съ вспомошествованіемъ отъ Министерства Нар. Просв., въ вѣдѣніи котораго онѣ и находятся.

14-го января 1871 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, по которому предоставленъ женщинамъ доступъ къ педагогической и медицинской общественной дѣятельности, а также и къ дѣятельности на телеграфахъ. Вслѣдствіе этого стали открываться учебныя заведенія, для подготовленія къ той или другой изъ означенныхъ дѣятельностей.

При многихъ женскихъ гимназіяхъ Министерства Нар. Просв. открытъ VIII-ой, педагогическій классъ, въ которомъ дѣвицы, окончившія семь классовъ гимназіи, готовятъ въ теченіе года или двухъ лѣтъ къ педагогической дѣятельности въ младшихъ классахъ женскихъ гимназій, въ прогимназіяхъ и въ начальныхъ школахъ. Ученицы этого класса а) проходятъ курсъ Педагогики и Дидактики, б) изучаютъ болѣе основательно одинъ изъ предметовъ, положенныхъ къ преподаванію въ прогимназіяхъ, в) повторяютъ элементарный курсъ ариѳметики и русскаго языка и г) упражняются въ преподаваніи, для чего предварительно изучаютъ методику русскаго языка (чтенія и письма), ариѳметики и избраннаго для спеціальнаго изученія предмета.

Кромѣ означеннаго класса, при нѣкоторыхъ прогимназіяхъ и гимназіяхъ начали открываться педагогическіе курсы, для подготовленія начальныхъ учительницъ. Далѣе, учреждено нѣсколько женскихъ учительскихъ школъ или семинарій.

Для доставленія болѣе основательнаго образованія дѣвицамъ, окончившимъ гимназическій курсъ, въ Петербургѣ учреждены Педагогическіе курсы при Александровской женской гимназіи. Въ настоящее время они имѣютъ три отдѣленія: словесное, математическое и естественное. Для прохожденія курсовъ полагается три года. Слушательницы третьяго класса этихъ курсовъ упражняются въ преподаваніи въ состоящей при курсахъ прогимназіи.

Для подготовленія къ дѣятельности въ телеграфныхъ станціяхъ учреждены въ столицахъ телеграфныя школы.

Для медицинскаго образованія учреждены были сначала 1872—73 учебнаго года при Медицинской Академіи врачебные курсы: Курсы эти потомъ помѣщались при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ. Кромѣ высшихъ врачебныхъ курсовъ, учреждено было нѣсколько училищъ для фельдшерницъ и повивальныхъ бабокъ.

Для высшаго общаго образованія женщинъ были учреждены въ университетскихъ городахъ: Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Петербургѣ и

Одессѣ—вышіе женскіе курсы. Нѣкоторые изъ нихъ впоследствии были закрыты.

Въ заключеніе очерка мѣръ, предпринятыхъ въ царствованіе Императора Александра II-го къ поднятію образованія въ Россіи, слѣдуетъ сказать, что мѣры эти вызвали усиленную педагогическую литературную дѣятельность: стали разрабатываться методы и приемы обученія предметамъ элементарнаго курса и различнаго рода вопросы, касающіеся вообще образованія и воспитанія дѣтей. (См. составленную нами книгу: „Русскіе педагоги второй половины XIX-го столѣтія“).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

До-христіанскій періодъ.

	СТР.
I. Воспитаніе у бродячихъ и кочевыхъ народовъ	3
II. Воспитаніе и обученіе у Китайцевъ, Японцевъ, Индусовъ, Персовъ и Евровъ	4
III. Воспитаніе и образованіе у древне-классическихъ народовъ: Грековъ и Римлянъ	11
Воспитаніе у древнихъ Грековъ. Спарта	—
Афины.—Сократъ. Платонъ. Аристотель	15
Воспитаніе у древнихъ Римлянъ.—Цицеронъ. Квинтилианъ	25

Христіанскій періодъ.

Воспитаніе съ христіанской точки зрѣнія	33
Воспитаніе въ первые вѣка христіанства	34
Обученіе и воспитаніе въ средніе вѣка	—
Карлъ Великій	36
Воспитаніе рыцарей	—
Городское сословіе и городскія училища	38
Университеты	40
Воспитаніе въ университетахъ	—
Викторинъ Фельтрекій	41
Докторъ	43
Меланхтонъ. Тромборгъ. Штурмъ	49
Иезуитскія школы	54

Отъ Бэкона до Песталоцци.

Бэконъ	61
Вольфгангъ Ратихій	63
Янъ Амосъ Коменскій	65
Джонъ Локкъ	82
Фенелонъ	91
Франкъ	94
Ж.-Ж. Руссо	102
Вазедовъ	114
Рокко	119
Фельдбергъ. Шеллингейнъ	121

Отъ Песталоцци до настоящаго времени.

Гейрихъ Песталоцци	123
Фридрихъ Фребель	138
Августъ Германъ Нимейеръ	143
Фридрихъ Дитторъ	144
Гейрихъ Стефани	146
Адольфъ Дистервегъ	147
Гербертъ Велено. Шмидтъ	152
Велъ и Даммастеръ	158
Жюльенъ	161

Очеркъ исторіи образованія въ Россіи.

I. Отъ введенія христіанства и письменности до Петра Великаго	162
II. Отъ Петра Великаго до настоящаго времени	166

Сочиненія К. В. Ельницкаго.

1) Общая педагогика. Ц. 75 коп.

Учеб. Ком. С. Е. И. В. Канц. по учрежд. Им. Маріи допущена къ употребленію въ качествѣ учебника педагогика въ общихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства (25 ноября 1902 г. № 23712).

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущена въ учит. библ. народн. учил. и какъ учебное пособіе въ тѣхъ учебн. завед., гдѣ преподается педагогика. (Ж. М. Н. Пр. 1890 г. октябрь). Одобрена Учебн. Ком. при Собств. Его Императорскаго Величества Канцел. по учрежден. Императрицы Маріи. Допущена Главн. Управл. военно-учебн. завед. въ Фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ (№ 30. 1894 г.).

2) Курсъ дидактики. Ц. 75 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ учебнаго руководства для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогическихъ классовъ женскихъ гимназій, а также въ ученическія библіотеки названныхъ учебн. заведеній и въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ Мин. Нар. Просв. (26 марта 1905 г. № 4010). Рекомендовано Главн. управл. военно-учебн. завед. для Фундам. библ. кадетскихъ корпусовъ и военныхъ школъ (№ 30, 1894 г.). Учебн. Ком. С. Е. И. В. Канц. по учрежд. Им. Маріи одобрена къ употребленію въ качествѣ пособій въ педагогическ. курсахъ и классахъ, а также въ учит. семин. (25 ноября 1902 г. № 23721).

3) Основы начальнаго школьнаго воспитанія и обученія. Ц. 60 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ учебника для учител. институтовъ и семинарій и въ учител. библ. народн. училищъ (8 іюня 1895 г. № 12403).

4) Методика начальнаго обученія отечественному языку. Ц. 75 к.

Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ качествѣ руководства для тѣхъ учебн. заведеній, гдѣ преподается методика начальной обучен. русск. языку (23 августа 1901 г., № 22242).

Особ. Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учител. библ. народныхъ училищъ (Ж. М. Н. Пр. 1893 г., ноябрь). Рекомендована Главн. Управл. военно-учебн. завед. для Фундам. библ. военныхъ училищъ, кадетскихъ корпус. и воен. школъ (№ 30, 1894 г.).

5) Очерки по исторіи педагогика. Ц. 75 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ качествѣ учебнаго руководства для учительскихъ институтовъ и семинарій и для педагогич. классовъ женскихъ гимназій, а также въ ученическ. библ. названныхъ учебн. заведеній и въ учительск. библіот. всѣхъ низшихъ училищъ Министерства (26 марта 1905 г. № 4010 Ж. М. Нар. Просв. 1905 г. № 5). Рекомендована Главн. Управл. военно-учебн. завед. для фундам. библ. воен. учил. кадет. корп. и воен. школъ (№ 30, 1894 г.). Учебн. Ком. С. Е. В. К. по учрежд. Им. Маріи допущены въ качествѣ руководства въ тѣхъ заведеніяхъ Вѣдомства, гдѣ преподается исторія педагогика (25 ноября 1902 г. № 23721).

6) Русскіе педагоги второй половины XIX столѣтія. Для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. 1904 г.

Ц. 65 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки тѣхъ учебн. заведен., въ коихъ преподается педагогика (Отнош. Мин. Нар. Просв. 4 апр. 1905 г., № 4396).

Журнальнымъ опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 3 мая 1905 г., за № 40, утвержденнымъ г. Синодальнымъ оберъ-Прокуроромъ, допущена въ бібліотеки церковно-учительскихъ и второклассныхъ школъ (Отнош. 17 мая 1905 г., № 3407).

7) Педагогическая хрестоматія. Для учебныхъ заведеній и занимающихся воспитаніемъ. Ц. 1 руб. 25 коп.

8) Учебникъ теоріи словесности. Ц. 75 коп.

Учеб. Ком. при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи одобренъ въ качествѣ учебнаго пособия для старш. класс. женск. институт. и гимназій (1888 г., № 3000). Учебн. Ком. при Святѣйшемъ Синодѣ допущенъ къ употребл. въ духовн. семинар. въ качествѣ учебн. пособия при преподав. теоріи словесности (1888 г., № 42).

9) Условія успѣшности обученія въ начальной школѣ. Ц. 20 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ учит. библ. низшихъ училищ. (Ж. М. Н. Пр. 1894 г. и отношен. Мин. Нар. Просв. 1 марта 1905 г. № 2767).

10) Мысли и чувства, выраженные въ поэтическихъ произведеніяхъ. Ц. 40 коп.

Допущена Учебн. Ком. при Святѣйшемъ Синодѣ. Рекомендована Главн. Управл. военно-учебн. завед. для двухъ старш. классовъ и для фундам. библ. кад. корп. (№ 30, 1894 г.).

11) Сборникъ поэтическихъ произведеній. Ц. 45 коп. (Тоже).

Рекомендованъ Главн. Управл. военно-учеб. завед. для фонд. и ротныхъ библ. кадет. корпус. (№ 30, 1894 г.). Допущ. Уч. Ком. Св. Сын.

12) Воспитаніе и обученіе въ семьѣ и школѣ. Ц. 80 коп.

Учебн. Ком. Собств. Е. И. В. Канц. по Учр. Имп. Маріи допущ. въ бібліотеки Вѣдомства (14 іюня 1899 г. № 11117). Рекомендована Главн. Упр. В. Учебн. завед. (19 іюня 1899 г. № 10431). Учен. Ком. М. З. и Г. Им. допущена въ бібліотеки учебн. завед. подвѣд. Министерству (8 ноября 1900 г. № 1159).

13) Характеристика дѣвочекъ. Ц. 75 коп.

Главн. Управленіемъ В. уч. зав. рекомендов. для Фонд. библ. кад. корп. и в. школъ (1894 г. № 8887). Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ библ. средн. учебн. завед. по преимуществу женскихъ (19 іюня 1896 г. № 15082) и въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1904 г. № 12 и отнош. Мин. Нар. Просв. 3 ноября 1904 г. № 26957).

14) К. Д. Ушинскій. Его жизнь, дѣятельность и педагогическ. труды. Ц. 25 коп.

Особ. Стд. Уч. К. М. Нр. Пр. допущена въ учительск. бібліот. низшихъ училищъ и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки, при условіи пониженія цѣны до 15 к. (21 марта 1903 г. № 10069).

15) Очерки по исторіи Омской женской гимназіи. Ц. 1 руб.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для бібліот. женскихъ гимназій (1889 г. № 11057) Учебн. Ком. при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи допущена для приобрѣтенія въ Фундам. библ. вѣдомства (1888 г. № 19036).

16) Янъ Амосъ Коменскій и его педагогическія идеи. Ц. 20 к.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрена для старш. класс. ученич. библ. муж. гимназ. и реальн. учил., для педагогич. класс. женск. гимн. и для библ. городскихъ училищъ (№ 7948, 21 апрѣля 1894 г.).

17) Инородцы Сибири и Среднеазиатскихъ владѣній Россіи. Учебное пособие. Ц. 1 руб.

Учен. Ком. М. Н. Пр. одобрена для ученическихъ средняго и старш. возраста библиотекъ мужскихъ и женскихъ средн. учеб. заведеній (1895 г. № 12403).

18) Объяснительное чтеніе стихотвореній и басенъ, изучаемыхъ въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 1 руб. 50 к.

Рекомендована Главн. Управл. военно-уч. завед. въ Фундам. и ротн. библ. VI и VII кл. кад. корп. (1903 г. № 48).

7301

НБ ПНУС

7301